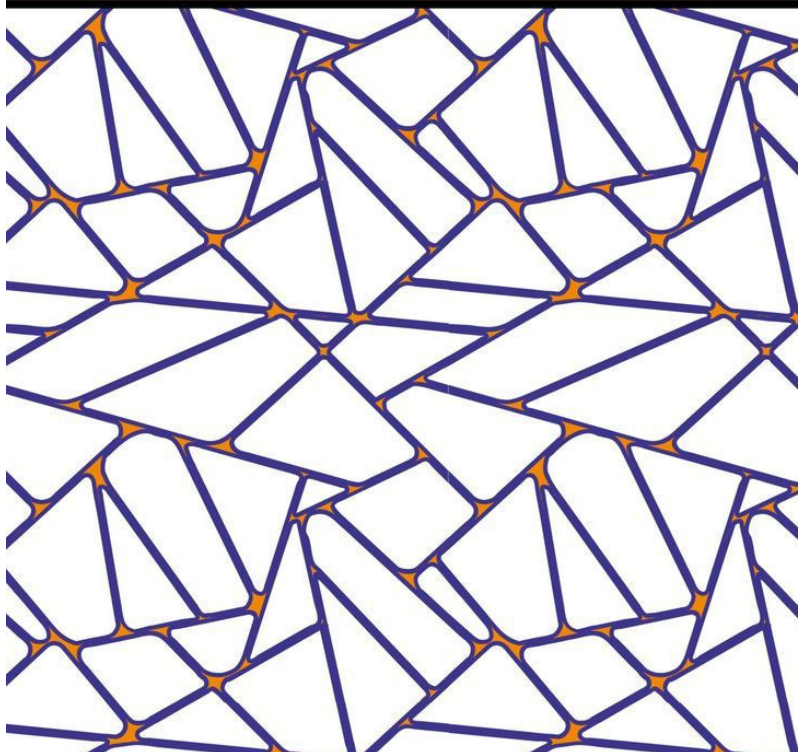

18+

АЛЕКСАНДР СТРЕБКОВ

Калейдоскоп

Александр Александрович Стребков

Калейдоскоп

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64092127

ISBN 9785005330871

Аннотация

Юмористический роман, основанный на эпизодических историях. В него включены реальные истории, реальных персонажей из жизни людей.

Содержание

Стребков Александр Александрович
Конец ознакомительного фрагмента.

5
178

Калейдоскоп

Александр Александрович Стребков

Благодарности:

Андрей Александрович Стребков

© Александр Александрович Стребков, 2021

ISBN 978-5-0053-3087-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стребков Александр Александрович Калейдоскоп

*Роман событий: в этюдах и сюжетах.
2020 г.*

ББК 84 (2Рос) 6

Стребков А. А.

С 84 Калейдоскоп. Роман / А. А. Стребков.

ББК 84 (2 Рос) 6

Стребков А. А. 2020

Об авторе.

Стребков Александр Александрович родился 26 сентября 1950 года, под знаком зодиака – Весы, а по восточному календарю в год Тигра. Из чего можно сделать вывод: что, изучив его львиную долю прожитой им уже жизни, многие факты наглядно показывают и вполне подтверждают достоверность самой изотерической трактовки, в отношении

данного инди-видуума. Ко всему этому присутствует такая, возможно, и не имеющая

большого значения деталь, как то, что появился он на свет божий, за два года, пять месяцев и девять дней до дня смерти Сталина. Раннее детство

– до десяти лет – провёл, живя в родном селе Глебовка, Кущёвского района. Село располагалось на берегах когда-то полноводной степной речки: с селом множеством многочисленных мелких речушек, притоков, и под странным каким-то монголо-китайским названием – Эльбузд. На ум сразу приходят названия из Монголии или Китая, в особенности те, что находятся за Большим Хинганом. И ко всему этому можно добавить, что располагавшийся рядом с селом Глебовка – в восточной его части – хутор Цун-Цун, таким же образом имеет китайские корни названия. Услышав название хутора, так и просится на язык – спросить у этого имени, или добавить к названию, или сказать немного иначе: «Цунь-цунь, сунь хунь цяй... Где, твою мать, ты мягкий знак потеряла?.. женское или мужское имя твоё?.. А то, получается, главная вещь куда-то нахрен пропала?!». Но, интересующегося, это ещё

больше вводило в заблуждение и запутывало любые ответы на этот вопрос. К сожалению, на сей день, как и многие другие хутора, и этот – «Цун-Цун» – исчез с лица земли, а на его месте сейчас распаханное поле, да балка под этим названием осталась. Откуда могли здесь взяться ки-

тайцы?..

Большой и непонятный вопрос. Китайцы?.. Да, да, китайцы! Не калмыки же, ибо эти совсем рядом живут: всего-то за бугор заглянуть, а те-то за тысячи вёрст; к тому же всё это относится к старым временам, периода Ногайской Орды, когда здесь и земли-то в большинстве своём пустовали.

Конкретно, вряд ли, когда об этом узнаем. Предположений и гипотез может быть выдвинуто множество, но истина будет всегда находиться

где-то рядом, спрятанная под спудом времён и степного простора, покрытого, как безбрежное море, когда-то степным ковылём. Сейчас обо всём

этом вообразить можно лишь мысленно, или побывав где-нибудь в подобном месте, к примеру, в степях Казахстана или поближе, на прикаспийских полупустынях. Но как бы то ни было, а те ковыльные степи, среди которых величественно возвышались скифские курганы и которые автор ещё в раннем своём детстве воочию видел своими глазами, а часто взобравшись на самый высокий из них, обозревал степные просторы, из истории человека не выброшишь. Сейчас курганов нет, и мы потеряли от этого много, и от всего этого только печаль на душе: очень и очень жаль, что нашим потомкам уже не увидать этого. Хотя бы несколько их додумались оставить, ведь тот клочок земли, что они распахали, большой погодой для земледелия

не сделал, и вряд ли имел большое значение. А распахав их, тем самым – погубив, потерял человек очень много. В этих курганах, незримо излучая энергию, таилась память тысячелетий, спрессованной психической энергии самого человека: как и сама его прошлая история. Взойдя на вершину кургана, – но, в обязательном порядке, желательно было быть в такой момент в одиночестве – и ты чувствуешь необычность этого места, в душе появляется какое-то непонятное состояние: что-то внутри тебя происходит...

Да... именно, где-то внутри нас, помимо нашей воли, всегда что-то да происходит, а ещё там таится одна непонятная и какая-то нездоровая – эта «зараза», которая каждый раз толкает горстку правящей верхушки общества, стереть, не оставив камня на камне, с лица земли всё за собой: стереть память о предыдущих поколениях, а следом и остальное, что окружало их. И лишь порой, отведя вымученный взгляд от того, что натворили, ищем себе всякую чушь оправданий, которые, для образованного человека, выглядят всегда, честно сказать, – по-идиотски! Петь похвальные вирши о себе мы очень горазды, но стоило бы почаще не только оглядываться за бугор, а и критически присматриваться к себе лично. И

коль у-самих ума нету – займи его у соседа, и бери пример у него, а не строй их себя Салтыково-Щедринских жителей – «умников» – из города Глунова... Не изобретай велосипед, на котором ты уже едешь. Хотя это насущная

и вечная для России проблема, как и тема сама, к сему разговору и повседневному размышлению...

Вступление: с иронией на зубах.

Калейдоскоп – это, конечно же, игрушка. К тому же – забавная игрушка. И предназначена она в основном для детей; в детстве все с нею игрались. Хотя, если к этой игрушке подойти с философской точки зрения, таковой она вряд ли является. Покоряет и завлекает даже взрослых, а что говорить уже о детях! Всякий раз, сколько бы ты не крутил эту цилиндрическую, картонно-бумажную трубочку с глазком с одной стороны и с разноцветными стекляшками и зеркалами внутри – мозаика граней переливается и постоянно меняется, никогда не повторяясь, завораживает своим волшебством. Малейшее движение руки в любую из сторон, меняет картинку, которая всегда – исключая хаотичность – выглядит в правильном геометрическом построении граней, словно каждый раз кто-то невидимый, как снежинки на стёклах рисует в зимнюю пору мороз, или огранщик алмаз, так и в калейдоскопе: в доли секунды стекляшки превращаются в шедевр зодчества и искусства, навевая зрителю мысли, что построение мироздания подобно именно этой миниатюре. Интересно, было бы знать, – есть ли предел всем этим комбинациям?.. – видимо, нет! Наша жизнь в этом физическом мире во многом

и довольно часто напоминает тот самый – калейдоскоп! Бежим по замкнутому кругу, сами не зная куда, а оглянуться-ся, и не повторять ошибок своих, не хватает ума. Сзади у нас бесконечность простёрлась, как и впереди, лично для нас, тупик из неё. Потому, сколько бы мы, размышляя, не рассуждали, отрицали, или наоборот, утверждали —

картинка, отдельно взятой из контекста жизни, будет писаться помимо наших желаний и воли. Хотя часто можно услышать, когда говорят, – судьбу свою я сам строю, она у меня, как будто бы маслом написана. Вот только – Кем?! Вопрос, по-видимому, спорный, к тому же – философский.

Вероятно, по этой причине, во все века верили и по сей день верят всяким гороскопам, экстрасенсам и колдунам; вещуннам и цыганкам, а предсказательницам в судьбу и наговоры в особенности. Мы не берёмся судить, как

и на себя смелость утверждать, тем более что-то отрицать, а значит, и настаивать на чём-то подобном...

Роман в этюдах и сюжетах, который вы сейчас держите в своих руках немного необычен в отличие от предыдущих моих произведений и подобен тому калейдоскопу, о котором заявлено было в самом начале. Написан он согласно реальных событий и не вымышленных персонажей, с которыми вам предстоит встреча. В нём, прежде всего, будет отсутствовать строгая хронология событий. Темы разносторонние, как и многочисленные персонажи и сюжеты повествования: сатира и юмор будут чередоваться с грустью и пе-

чалью, как это и бывает по жизни. Потому и отправимся-ка мы лучше по стопам жизни самого автора и его окружения, но, прежде всего, на всё глядя его же глазами, а не чужими, хотя и о них придётся сказать. Потому о взглядах и высказываниях «чужих» мы скажем сразу, не откладывая в долгий ящик, со всей прямоотой и всего через несколько строк. А сейчас послушаем высказывания от самого автора, который кое-что нам расскажет, как и попутно оценит поступки свои. Ибо обо всём этом он уже рассказывал в своих произведениях и расскажет сейчас, доброму и умному читателю, который сидит не в четвёртом ряду, вылупив очи или дремлет на партийном собрании, а дома, в уютном уголку, с моею книгой в руках. Вопреки всем тем суждениям и высказываниям остальных: всяких демагогов и критиков от бюрократии, откуда из пасти волчьи клыки торчат, а наружу, из-за угла, шакалий оскал выглядает, к тому же часто по-

пахивает удушливым запахом и сильно смердит, как от разлагающейся падали. Пока поперёк горла всё это не стало, позвольте высказать иные мысли и взгляды на все эти спорные вещи. Причина тому весьма весомая и она зачастую, та их – тягомотня, а может, одна «мотня-херня», а попросту ахинея – прямо противоположна мнению автора, далеко не остроум-

ная и выглядит иногда аллегорией. С иронией в голосе и весьма подхалимские звучат и прорываются эти слова

в мой адрес, с таким психическим зубовным скрежетом. Дурным тоном гундося, зудя... Да, вот, послушайте сами.

«...Никак прозрел-то... – на старости лет, то?.. тьмнота ты, дрямучая!.. Необразованная славянщина... И писать ящё что-то там, надумал?!.. Ня-

бось, над было где-т-то вначале тебе, этакому-то раздолбаю щерба- тому, поучиться, поди!.. хотя бы в бурсе-то какой, али церковно-партей- ную школу закончить, чичас они в моде-то будут. Можна было бы и в цер- ковь почаще ходить, не забывая за партейные собрания... В коммунисты, поклоны отбить, да и попроситься, ну и записаться, конечно. А там бы,

гляди, не посмотрели бы на твою горькую судьбинушку, затасканную по электричкам всяким, да по подворотням, с гитарой в руках... Записали и

приняли бы... Потом-то, язык не отвалился бы, взобрался бы на партейную трибуну, сверху кулаком погрозил, как бывало, это любил демонстриро- вать Никитка Хрущёв, Сергеевич, да что есть мочи, кинул бы кличь в-

народа-толпу: «...Даёшь, мать перемать!.. сто пудов на рыло пшеницы, али на каждый выпавший зуб... А их-то, зубов, по России уже ни у кого-то и нету... И сверх нормы, поди, не забудь, тысячу тонн угля, а не породы!.. а чугуна и стали в три раза тысяч – по пять, на то ещё поглядим, а надо и

больше!.. мать перемать!.. Для-порядку, сказал бы, –

что голову на рельсы кладу, как обещал нам Борис, пьяница Ельцин, а лично – я!.. за одну только смену, надолбаю вам семьсот пятьдесят тысяч тонн угля и породы, а утром уже сопли утру, вашему знаменитому Алексею Стаханову!.. И с этого дня стану ударником не только труда, но и почётным гражданином шахты под номером – раз два-бис и обчёлся... Готовьте ордена, а то и сразу звезду героя труда, повесим на грудь! Не вешать же банный лист, как до жопы?!.. Извиняюсь, товарищи, большие материться не буду... Лучше, скажите, почему это, мы так долго придолго строим наш комму-низм?.. Поди, заждались уже все... Чаво ты, гражданин начальник, кулаки-то распускаешь?! Кап што, так сразу в морду... Это тебе не царский ре-жим, пора отвыкать!».

А в это время из зала кричат:

– А чичас-то, времена какие наступили?! едрит твою япона вашу мать!..

– чаво не спроси, всё не в-ту степь у вас будет... А может, я сплю?..

– Надумал о чём спрашивать?.. Про светлое будущее и почему «бурса» церковно-партийною стала?.. Так эта же давно в святом писании сказано, и слушок, будто бы совсем недавно прошёл, что скоро наступят времена и они уже не за горами, когда всякие там секретари и парторги, ну те, что по райкомам раньше сидели и щас ещё кое-где досиживают, в попы пода-дутся, священниками всяких рангов

и мастей заделаются. На мерседесах разъезжают они будут, стаканами дорогуций коньяк жадно лакать, и с

«тёлками-феями» в сауне париться, будто с русалками, за праведных их принимая. А ещё сказывали, тихо бубня из прихода старушки, что ба-

тюшки вместо «Кагора» – этот самый коньяк с пятью звёздочками за вечер по три бутылки выпивают... Как и в писаниши сказано. Оно-то им разницы нету, кому поутрянке с похмелья молиться, лишь бы без дела не сидеть с закрытым ртом, а то завоняется, притом с перегаром. Так что, как ни крути, а раньше-то, в последнее время, это было ни к чяму; к примеру, при Лёньке-то Брежневеве, а чичас властью пряветствуется, когда из партии все убегать-то стали. Остались там, почитай, одни убогие, которые никак не могут понять и поверить, что так и не дождались они своего светлого будущего. На то она и воля-то божья, да и партийная тоже...

Раньше была... до всяких там переворотов-то энтих...

Да... – вот ещё что, чуть не забыли... Ты бы лучше пясал уж про Гришку-то с Дунькой, как они брагу-то пили: да прямо с ранья, да прямо с вядра, а

потем, задрав ей подол, на сеновал отвалили, отправлялись, значит... – зачём-то. Хотя и дураку-то понятно, зачем туда ходят. Сами, поди, зна-

ете... А, ты-ы-то!.. нас не спросив!.. надумал, мудило, такой сякой – мужлан необразованный, поперек бадька да

в пекло полезть. Пясасть про лю-

дей-то великих, которые-то высоко ведь сидят, а можат, сядели, кто яво знает?.. не каждому дано, о коих и заикаться порою-то гряшино, разве что, перекрестившись на их образа, что повсюду висят. Нет бы свечку поставил-то... перед портретом... во славу-то – коммунизма и светлаго буду-щаго. Пяши уже в тятрадку про сябя, да толково пяши, а мы пока на печи полежим, бока погреем, а ты правдиво пяши, а не угодишь или набрешешь!.. Богом клянуться не будям, потому как у нас всё-таки имеется свой: Маркс, Энгельс и Ленин... Трое, как и в писании сказано. Их давно уже можна и в святцах упоминать и записавать. Даже портреты их висят у

нас на печи... – в ногах, чтобы не забыть их на морду и с пьяных глаз с женой не перепутать. Хотя мы таперича им тайно покланяемся, чтобы никто не видал. Нет, не жене. Куда той деваться, её хоть под печь запяхни – эту, чухонку, всё равно свою плоскую розу выскалит. Мы таперича ранинько утречком бежим до пьедестала, когда ящѣ все спят, кладѣм цвяточки и убягаем. Начальство так нам велело. А так – нахрен бы они нам и сдались!.. Все эти Ленины вместе со Сталиными, с Марксами и Энгельсами

– будь он трижды прокляты!.. Сподобился же чёрт, их на свет божий выпустить – вражины человеческого рода!.. Ну, а насчёт табя: хохла, жида и кацапа в одном лице, потем поглядим, куда отправлять-то табя... Можат,

на три буквы пошлём, али брявном приголубим... Так у нас на Руси с покон веков повелось и принято было. Ну, а ясли что – с тятрадкой-то своею – если укажут, что никому не нужна... Сходишь с нею в нужник, до ветру...».

– С вашего разрешения, товарищи «печники», коммунисты- адвентисты- активисты, дайте, хотя бы попробовать!..

– Одна, говорят, пробовала – сямерых потем привела...

– Так и у меня ведь то же самое: семь книг написал... Правда, не спросив- шись и не посоветовавшись с вами... Я вполне понимаю, что, с моей-то стороны – это кощунство!.. Да, да! беспардонное кощунство и нарушение всяких норм и правил поведения, но так или иначе, а «Калейдоскоп» – эта уже будет книга восьмая, хотя лишь для узкого круга людей, в которой я

хочу оправдаться и о себе рассказать... Но, оправдаться не перед вами, читателями, ибо вам, как иногда говорят, вся моя «мутота» до-фонаря, а оправдаться скорее всего перед самим собой. А о тех, семерых, что по полкам стоят, я как-нибудь расскажу вам чуть-чуть попозже, но перечислить, не помешает и сейчас, чтобы по запарке, не пропустить нам какую... Я не сомневаюсь: так было во все времена, что придёт и их час, когда мои книги будут читать, если и не запоем, то по крайней мере не начало и конец, как детективы зачастую читают. На сверх-талант – сразу оговорюсь, – не

претендую, но мои романы написаны реалистично, душевно и главное —

правдиво, от всего горячего и доброго моего сердца. А это, пожалуй, главное. Порой сам ими зачитываюсь, и в такие минуты мне начинает ка-

заться, что это не я всё написал... «...В-который раз он себя упрекал и казнил, будто на дыбе себя распинал: — Со- всем ты, парень, зачах — сказал неожи- данно вслух, обраща- ясь к себе внутренний голос, а мысленно добавил, — захи- рел, похудел, мнительным стал, в чём-то постоянно винишь ты себя; беспо- мощный какой-то, и всё потому, что избало- вали тебя в прошлом. Ты думал,

что так всегда будет?.. На этот счёт ты немного ошибся. Зависть, ненависть, месть и тому подобное — к счастью, все- го этого — нет у тебя, зато больно полна чаша душевная, ко- торую излить тебе некому. Кругом тебя, как в пустыне — полумёртвая тишина и со всех сторон равнодушие...

В этот раз он уезжал, не зная — куда, не зная — зачем и к ко- му. И лишь в душе теплилась надежда, что, начав жизнь с бе- лого листа, найдёт своё место в этой жизни. И если на этом пути ему судьба улыбнётся и, хотя бы вполюбо- рота повер- нётся лицом в его честь, у него появится не только надеж- да, но и возможность, отыскать самого себя; иначе — жить дальше, в таком амплуа, за- мкнутом мире, просто не имеет смысла...». (К роману «Не потеряй себя»)

Переломный момент у каждого в жизни бывает и порой

не один. Это – как в горной реке: пороги и камни с воды выпирающие, а тебя в это время, со всей его мощью, стремительно несёт прямо на них...

На начало 2021 год были изданы в микро-тиражах романы: «Курай- трава степей», «Жить запрещено», «Жизнь – жестянка» – в 2-х книгах, «Не потеряй себя», «На закате», «В сумерках нищеты», где книга дополнена рассказами и восьмое издание – это «Калейдоскоп», который вы держите в руках. Приятного вам, дорогой читатель, чтения...

** * **

*Как дымный столп светлеет в вышине! – Как тень
внизу скользит неуловима!..*

*«Вот наша жизнь, – промолвила ты мне, – Не светлый дым, блестящий при луне,
А эта тень, бегущая от дыма...»*

(Ф. И. Тютчев

Размышляя и поводя итоги.

Валентин Пикуль, как-то сказал: «...Люблю книги полновесные, как кирпичи...». В унисон и в содружестве к его словам, я также и всегда не любил тоненьких книжечек, да притом ещё

и в мягком переплётe. Беря такую в руки, ка- залось: то ли брошюра в руках у тебя, то ли справочник авто-слесаря; при этом попутно преследовала мысль, что у автора не нашлось больше слов, а может быть, самого желания, написать полновесную книгу...

Роман-хроника «Курай-трава степей» – с неё я и начинал издавать свои про- изведения: за свой счёт и в мизерном количестве экземпляров. Брал в руки рукописи, тетради-черновики, написанные мною за прошедшие годы: что-то оставлял без внимания, но больше переделывал или на основе их писал за- ново. Так получались главы романов. К ним дополнялись вставки, а вот ре- дактированию я мало уделял внимания, и всё спешил и спешил. Первая из- данная книга, о которой я выше сказал, написана на основе и по мотивам

большого по объёму текста в черновиках, и к тому же – в двух частях. Первая часть называлась – «Я родом из детства», вторая – «Возвращение». По боль- шому счёту, всё, что я написал, везде и во всём присутствую – я, ибо я автор, и от этого никуда не убежать. В черновиках в основном рассказывается обо мне. Взяв оттуда выдержки и какие-то главы, мною был заново написан, сжа- тый по объёму и содержанию, роман – «Курай- трава степей», который рас-

сказывает уже о моей матери и о том, при каких обстоя- тельствах я появился на свет. На самом деле тот черновой материал, который я имел на руках, его могло бы с лихвой хватить на трёхтомник; поэтому и роман – «Не потеряй

себя», также написан на той самой основе. Разумеется, по ходу изложения, было рассказано и о моей малой родине, где, байстрюком, я бегал босыми ногами по щиколотку в пыли, а в осенне-зимнюю пору в дырявых резиновых сапожках, на босу ногу. А вместо утепления, в сапог совали обычную солому,

ибо, даже захудалой и никчёмной тряпки, чтобы её применить вместо портянки, к сожалению, невозможно было в хате найти! Такая вот в те годы была в семье нищета...

Намокла солома, и тут же ноги замёрзли, пальцев не слышишь; подбежал до ближайшей скирды, а их в каждом дворе стояло по две три копны; сухой соломы надёргал, а из дырявых сапог вылил воду, заменив солому, обулся. Спустя всего пару минут ступни ног начинают огнём гореть, как будто их крутым кипятком ошпарили. Кто не верит, от души советуем: найти дырявые резиновые сапоги, снять для порядка носки и присобачить резину на голые ноги, потом побродить в них зимою по лужам, которые лишь покрылись тонким ледком, а после напихать в сапоги – в отсутствие соломы, ибо её сейчас вряд ли найти – хотя бы сухой травы, чтобы испытать блаженство и испробовать метод прошлых послевоенных лет... Для пояснения, скажем, – что человек, когда он голодный, он намного сильнее мёрзнет, чем, к примеру, сытый.

Погрызть макухи на голодный желудок – это ещё не значило, насытиться, ибо другого продукта просто не было в ха-

те, и даже редко полу-сытым бывал, а

сытым вообще никогда. Для сведения – макуха – это шелуха и сами зёрна от подсолнечных семечек, когда из них уже выдавили подсолнечное масло, и эта шелуха, спрессовавшись под прессом вместе с зёрнами и засохнув, превращается в камень... Само подсолнечное масло отправили в столицу и в го-

рода, «белых людей» кормить, а тот, кто его вырастил, ел вместо него, эту самую макуху. Вот и грызи эту макуху, за неимением даже чёрствого сухаря, а

после – из заднего прохода – хоть выковыривай палкой... По этой причине, получалось, что с братом мы страдали вдвойне: от холода и от голода. Тогда

скажите, нахрена мне такая «народная» власть?!

Получив в издательстве свою первую книгу «Курай – трава степей», я, не торопясь, принялся относить упакованные стопки книг в багажник своей ма-

шины, и, честно сказать, особой эйфории при этом в душе не почувствовал. Я говорю о той эйфории, о которой мне не раз приходилось читать: высказывания многих писателей, по поводу переживаний в душе, при издании их первого произведения. Вероятно, причиной тому было то, что я заранее уже

свыкся с мыслями о книге, к тому же и заказ на издание и оплату производил лично я, да и печатали книгу за мой счёт. И получалось, и на деле выходило так, что это подобно

тому, как заказать в ателье себе туфли или костюм, а по- сле прийти и забрать. Но книга далеко ведь не туфли, а по по- нятиям прошлых лет, которые намертво вжились в нашем сознании – это просто не по комму- нистическим меркам и правилам!.. Что я самовольно её издал, вопреки

всему и самой «святой» ленинской идеи, нагло заде- лавшись писателем. Сам- издат получился. Такие писате- ли к врагам народа приравнивались. «Да, кто ты такой?!.. И кто тебе позволил своевольничать?!.. Ишь, понимаешь!.. Нагло и самовольно издавать свои книги, надумал! не спро- сив на это всевышней милости и соизволения!..». Крикну- ли «идеологи-дятлы», а вслед за ними по- слышался издали громopodobный уничижительный возглас, похожий на рык

– бас «городничего», из Гоголевского «Ревизора», но зву- чал он на этот раз уже откуда-то из-под земли. Похоронили «идею», будто пададь какую. Но мне на тот час, ни встать, ни лечь: прямо бросай литературное творчество, а за дея- тельность вообще позабудь... Но времена за окном были уже не те и

жизнь вносила свои коррективы во все те превратности, которые встречались мне на пути. Получив на-руки в изда- тельстве книги – десятка два экземпля- ров, я сразу отвёз в село Глебовка, на малую свою родину. Описанные в ро- мане события, в основном ведь там происходят. По два экзем- пляра подарил в библиотеку поселения и в Среднюю школу, в которой начинал учиться пер- вые и самые трудные четы-

ре класса. Остальные книги развёз по другим библиотекам; раздал родственникам, знакомым и друзьям.

Кстати, на дальнейшую бурную жизнь своего произведения я вовсе не обольщался; что все сию минуту бросят всё, и схватив мою книжку, примутся читать её, не досыпая ночами. Нет, ко всему этому в душе я относился скептически и не преследовал надежду, что в одночасье все стали вдруг книголюбями и запойными читателями. Прочли там мою книгу или ещё не прочли, но, вероятно, что в большей своей массе – кому она, конечно, в руки попала – всё-таки прочитав: вначале объявили обет молчания, а лично глава поселения высказался, что роман этот я у кого-то передрал. Конечно, бог ему судья, за его такой красивый отзыв. С его слов и понятий, выходит, что я передрал и

последующие шесть книг, которые я написал, ну а это будет уже восьмая. Но, честно сказать, я на него не обиделся, а даже наоборот, доволен был его высказыванием. Ибо, из этого я сделал лично свой вывод: что моя литературная вещь, в которой я сам усматривал уйму всяких недостатков и местами явную и чисто литературную ущербность, нуждается в доработке. К тому же про-

сматривалась и насущная потребность: заново, взять его, и от начала, и до конца, кропотливо отредактировать. Я сам видел те места, где выглядывали и кричали с многих углов и страниц косяки. На дисплее компьютера, по неизвестной для меня причине, эти самые косяки, при моей редакции,

проскакивают мимо моего внимания, ну а после, открываешь уже книгу, и мгновенно вижу каждую ошибку, будь то пропущенная запятая или не допечатанная

буква. А раз даже в таком виде – не верят в то, что роман мною написан, значит, произведение чего-то да стоит. Как говорят, – каждый кулик своё болото хвалит; если хотите, можно выразиться и по-другому, более грубо, но зато

чаще произносимое, – своё говно никогда не воняет, поэтому каждый «пи-

сака», всегда и больше всего желает знать мнение читающей публики, хотя пытаться угодить всем, вряд ли у кого-то получится. Я не стал шлифовать и дотошно редактировать не только свой первый роман, но и все остальные. Времени у меня на это нет!.. За плечами семь десятков прожитых лет, а хочется написать, как можно больше. Пройдут годы, и, как говорят, если на то

пошло, что кому-то вздумается переиздать мои произведения, то – на это ума много не надо, чтобы заново отредактировать, хотя бы в расстановке знаков препинания и пунктуации...

Но вернёмся к самим книгам, от которых уже никуда не деться, ибо они уже напечатаны. К примеру, имеется в мире масса людей, которые напрочь

не признают, а то и вовсе не понимают, тем самым отвергают известных классиков художественной литературы. Да и вообще: с моей точки зрения и глядя на современное поко-

ление – литературная классика уходит в прошлое, в не- бытие. Век компьютеров и быстрого, мгновенного мышления, где требуется и приветствуется двумя словами сказать обо всём, разумеется, не сравним с

чтением книги... Ну, а те, что почитывают всё-таки книги... Кому-то нужно

непрерывно про любовь и всякие там пикантные постельные аншлюсы: с раз- деванием догола и описанием, когда – кто-то, кого-то там ласкает и куда-то лезет, в какую-то позу ставит её и при этом слюни пуская, что-то там ещё

успевает ей и на ушко шептать, а корявой своею ладонью гладит, как брев- ном по спине или рашпилем по рёбрам. Многим подавай про царство небес- ное, и как побыстрее богатым бы стать, а окунувшись в мутное месиво того

самого криминального болота и грязного белья челове- ческий отношений, ко- торые обычно замешаны больше на деньгах и пороках, утопаешь в этом с ушами. Тягомот- ня, которая до тошноты «обрыдла» в телесериалах мыльных опер. Другим «читакам» отстегни крутой криминал – «ужа- стик» – чтобы выпо- трошенные кишки и отрезанные чело- веческие головы на деревьях разве- шаны были. И ведь зна- ют, что всё это надуманное, бредовое враньё, и всё- таки чи- тают. Но львиной доли, современной однотипной – на од- ну морду толпы – вообще никаких книг и на дух не нуж- но! Некоторые мои знакомые, а скорее всего большинство из тех, кому я дарил свои книги, так и не заглянули в неё.

О чём я впоследствии сильно сожалел, что чёрт меня дёрнул, дарить

свои книги кому не попадая. Такой «читака», придя домой и бросив мою

книгу, если не куда-то в чулан, то в общую кучу макулатуры; или, своей «гениальной» головой додумается повесить её в сортир, чтобы сэкономить туалетную бумагу. У одного, кому я дарил, как-то спросил, так он ответил: «...Её кто-то вначале намочил, потом положили на печку сушить, а она возьми и расклеилась вся... Рассыпалась по листкам. И теперь не понять, с какой страницы надо читать, начинать...». Усёк, читатель, как надо книжки читать?!.. А вот другой «читака» – по-моему предположению – уже уселся за стол, поужинать плотно: домочадцы, а может, жена, под нос ему подставили в графине водочки «жбан». В морозной дымке манит она, паскуда такая, и цепкая, как репей... с искрящимися снежинками на стекле, схватит за душу, век не вырваться. Выпив, как и положено, три рюмки подряд: за здравие и всё той же, души, успокоение, и заедая всем, чем бог послал... Не-ет, что попадая, – изви-няюсь, – то не для него. Кидает он в глотку, – это, мурло, как в прорву, страву особого улова и посола – ибо, что попало, то для других, не для него. Проп-лямак и немного отдышавшись от переедания; поправил свисающее брюхо, запихнув его поглубже под стол, и несколько раз подряд отрыгнув на всю

«хату», начинал вслух рассуждать, примерно, вот такими

высказываниями, заслуживающие писательского пера:

«... Фу!.. о цэ я нажрався, так нажрався, шо и дышать не могу... Да-а!.. чуть нэ забув, на базаре-то встретил, писаку... Представляешь, Санько свою книжку мне подарил... Напысав, Санько, як с хаты упав... и хто бы подумав!.. Читать, конечно, я её не собираюсь, и чё туды заглядать!.. И шо вин там може путного напысать?! Пысака нашовся!.. Клав бы ото уже хаты, то у нёго хорошо, вроде бы, получается... Мажором, захотив стать, шо ли?.. – а, може, прославиться и бабла зашибить?.. Или классиком захотив заделаться... Так уже не получится. Там уже все места заняты, як в том Политбюро... – куда я всю свою молодость потратыв, и пол жизни ещё впридачу, мечтая о том, як просунуть туда, хотя бы жопу свою... Эх, писака, писака!.. раскинул хотя бы своими мозгами, лите- ратурный ты мыслитель!.. куда тебя хрен-то несёт?!.. посягаешься на главный партийный догмат, идеологический шкворень, нашей родной и любимой компартии и советской власти!..».

Намного более агрессивно, изложено выше, в самом начале – во вступле- нии. Прочтите ещё раз монолог, обращён- ный к моей персоне.

Но многие всё-таки мою первую книгу прочли. Кто-то, так ничего и не по- няв, другой искал что-то там лично своё, о чём и сам не догадывался. У меня возникло подозрение, что истинные книголюбы, и даже средней руки чита- тель – вымерли уже, как в своё время динозавры и мамон-

ты; или уже прико- ваны к постелям и им не до моих книг. Многие глебовцы обиделись, что не про них написали, или, на худой конец, надо было писать об их предках. И как я уже сказал, – власть предержажшие, отбросив в сторону, как ненужный хлам мою книжку, подальше в угол, в кругу своих домочадцев, заявили: «Бе- либерда!.. притом на постном масле!..». А прилюдно, когда слышали иное мнение, говорили: «Да то всё он содрал у кого-то, чё там гадать!..».

Был и такой комментарий о романе «Курай – трава степей». «...Роман очень жестокий, вероятно, как и сам автор!..».

Да... характеристика, по поводу моей персоны, подобрана довольно точно, дальше лишь можно, промолчать. А сам – комментатор-критик – вероятно, с дуба упал, ударившись головой об чувал, а в том чувале пшеница была... Хо- рошо хоть не болты и гайки там были. Вначале подумали, что «критика» —

убило, правда, не до-смерти, но пришибло мозги. А вот, если прочесть вам

сплошное, надуманное враньё, – из разряда коммунистической пропаганды, а по сути, затасканную по книжкам прошлых лет – галиматью, к примеру, пи-

сателя и нашего земляка Петра Радченко, в его романе «На заре», (*Он писал о*

«Заре», а я уже о «Закате». Каждому своё) который, когда-то, лет двадцать подряд, власть всё хвалила, хвалила...

да так расхваливали, чтобы брали пример с подобных «застрельщиков» писательского толка; правда, их произведения читать никого не нагнёшь. Роман давно уже им написанный и те, кто его когда-то читал, тех людей в большинстве своём нет уже на этом свете, как и самого писателя, где он с восторгом описывает события Гражданской

войны и первые годы становления советской власти в станицах и хуторах на Кубани. В своей дилогии романа события представлены в таких положительных красках: чисто с коммунистическим подходом и враньём, после которого у читателя создаётся впечатление, будто бы с приходом большевиков к власти, по их повелению и лишь одним мановением руки комиссарской, на народ сошла благодать. В тот же день на головы народа, будто бы посыпа-

лась небесная манна, а вслед за ней наступило время справедливости, равенства и братства. Прямо счастливая и сытая жизнь началась, как и поётся в коммунистических песнях и маршах: рай, но уже не по-поповски, а по-коммунистически. *(Для справки: с приходом к власти большевиков, установилась прочная череда голодных лет, периодами в иные годы съезжая на массовый голодомор, и это длилось непрерывно с 1918 по 1964 годы. Получается, почти полвека – 46 лет)* Лучше бы Пётр Радченко правдиво рассказал о том,

что, до большевиков, в кубанских станицах бедных семей было мизерный

процент, и то в большинстве своём по их же вине и причине: если не лодырь, так конченный алкаш. А потом – при коммунистах – наступила поголовная нищета и голод. А если вспомнить о тех более трёх сотен тысяч простых казаков, сложивших оружие и сдавшихся на милость большевикам в двадцатом году, а после были подло обмануты и массово расстреляны большевиками в Приморское-Ахтарское, Гулькевичихах, Краснодаре и в других местах в том же 1920 году, где содержались они в плену, то получается явный геноцид самого казачества. Казаки ведь сдались большевикам за обещанную им свободу, если

прекратят они сопротивление и сдадут оружие. А как большевики с ними поступили?!.. Большевики – это хуже зверья!.. Они ради своей власти готовы истребить весь народ, свой народ, а значит, получается, что они гораздо хуже нацистов! Ибо те не истребляли массово свой народ. Петра Радченко, конечно, можно понять, иначе его бы попросту не напечатали, а ему, видимо, очень хотелось, как той незрелой девице попробовать почесать, то что ногами свербит и покою не даёт. До революции и до большевицкого переворота: где, где, а на Кубани и на Дону уж точно народ не бедствовал и всегда жили зажиточно. И спрашивается, – с какой такой стати, с какого переляку, им вдруг бы захотелось, поставить всё верх ногами, устроить разор, и власть в стране поменять?!.. Были, конечно, как и во все времена, среди казаков и бедные, но, как я уже говорил, всего незна-

чительный – малый процент: в

большинстве своём – это чаще безмужние семьи, а больше горькие пьяницы, или не имеющие ни стыда, ни совести – лентяи. Вот, как раз они – эта, так сказать, беднота – и устанавливали советскую власть, с помощью красных конников, прибывших из нищей и голодранской России, награбить добра. Как говорил, «знаменитый» коммунист Шариков, из романа Булгакова «Собачье

сердце» – «...Взять и поделить поровну!..». А от себя мы добавим старую сказку. Было в деревне Кацапкино, на Рязанщине, тысяча голодранцев и всего один богатый помещик, а после того, как отняв у него поделили добро, стало – тысяча и один. Натянув на плечи кожанку и подражая новатору раскачывания Якову Свердлову, (*Настоящая его фамилия – Ешуа-Соломон Мошевич. Жид, но не еврей, ибо он их не стоит, он мутант!..*) а на задницу га-лифе с малиновыми клиньями, нацепив наган, а кому-то и маузер достался, кто-то и с трёхлинейкой пьяный побрёл, приступить к дележу. И пошли они

по казачьим усадьбам, бессовестно и нагло шарить по куреням. На берегах Дона, похромали по дворам станиц, грабить народ православный, прикрываясь «законом» советской власти, которая на тот момент незаконной была, захватив власть силой оружия. На земли Дона, Кубани и Ставрополя пришла —

Мгла!.. в новом обличьи – Орда, ничем не лучше Тата-

ро-монгольской. Лично в моих глазах, всё выглядит именно таким образом, что любая власть – даже, если смотреть на неё сквозь пальцы – и каким бы путём она не пришла к власти, и что бы она не обещала народу... Но!.. если она начинает своё правление, с грабежа своего народа и убивает детей, стариков и женщин – и не

имеет большого значения, каким образом: расстреливая при раскулачивании или реквизируя продовольствие до последнего зёрнышка, тем самым семью обрекая на голодную смерть, или ссылая в Сибирь, загоняя в тайгу, где и жьются нету, да ещё и под сорокаградусный мороз... Такая власть, прежде всего, ничем не отличается от разбойников и убийцев с большой дороги... Такая власть не может иметь право на жизнь.

И разве такое под силу простить, что начали они своё правление со страшного преступления в 1918 году, расстреляв царскую семью?!.. Вот в тот самый день, большевики, незримо, подписали себе смертный приговор, который

будет преследовать каждого из них все последующие десятилетия: один за одним, после пыток и истязаний, будут они отправляться на тот свет. Вначале отправят своих вчерашних «братьев» по нарам, идее, оружию и преступлениям, а вслед за ними сами пойдут. Зло – само себя пожирет!.. – что и случилось в большинстве с ними в первые годы их правления. Они ведь не только народ расстреливали и иными способами уничтожали, но не забывали с осо-

бой изошрённой жестокостью уничтожать и подобных себе – вчерашних со- ратников...

Судили бы царя, в таком случае, и если он этого заслуживает – расстре- ляйте его, но причём тут его дети?!.. Четверо безвинных девушек, некоторые из которых ещё и мужика-то не успели познать и побывать в их объятиях, а о подростке Алексее, даже вспоминать страшно...

Яков (Аарон) Свердлов, прозванный в народе – демоном революции, оде- вался всегда во всё чёрное. На нём была одежда, в которую обрягается сама смерть. Чёрные сапоги, хромовые; такие же чёрные, с лайковой кожи, брюки; курт- ка и к ней картуз, также из той же траурной кожи. Вслед за ним – эта форма перекочет самопроизвольно и массо- во войдёт в обиход комиссаров и их приспешников, ран- гом пониже. На то время Свердлов был вторым чело- веком в Кремле после Ленина. И именно Свердлов вместе с Лени- ным и вы- дали прямую санкцию на расстрел царской семьи. В августе, того же 1918 года, по инициативе этих двоих узур- паторов власти в России – Ленина и Свердлова, от имени ВЦИК, выходит вначале обращение, о том, что с этого дня Советская республика превращается в единый военный ла- герь, а следом

и декрет «о красном терроре», который предполагал поголовное физическое уничтожение всех врагов революции. Именно по инициативе Свердлова в ян- варе 1919 года на- чинается осуществление карательных мер против донского

казачества. При подавлении казацких восстаний, красным командирам карательных отрядов предписывалось: жёстко, кроваво, без всякого снисхождения и разбирательства, применяя фронтовую тактику, полностью истреблять живую силу восставших, и вплоть до подростков. Но и на старуху есть поруха. 1919 год для большевиков был самым тяжким – их диктаторская власть повсеместно висела на волоске. Комиссары всех рангов поехали в спец-поездах по всей стране митинговать и агитировать простой и малообразованный народ за советскую власть и сам коммунизм. Свердлов, возвращаясь из Харькова, сделал остановку в городе Орле, где решил там выступить перед железнодорожниками и рабочими дэпо. Пролетариату уже не нравилось то, что делали большевики. Оратора Свердлова, правую руку самого Ленина, рабочие избili так, на том митинге, что его еле живого погрузили в поезд и повезли в Москву, где он неделю почехнув, сдох, как собака, а попросту отдал богу

свою грешную душу. Официально всем объявили, что умер он от испанки, гриппа, гулявшего в то время по миру, а в Европе в особенности. Так бес-

славно и позорно закончилась жизнь демона революции. По правде сказать, и остальная многочисленная братия из их числа закончила свою короткую

жизнь не лучшим образом, начиная с самого Ленина и его апостолов: Дзержинского, Смилги, Луначарского, Лациса, Воровского, Троцкого и многих, многих других, не беря уже

во внимание рядовых большевиков, которых – свои же – пачками отправляли на тот свет, словно щелкая семечки...

В романе «Курай – трава степей» я отобразил лишь незначительную, ни-

чтожную капельку произвола и ужасных преступлений большевиков против простого народа. В масштабе же всей страны, это была такая трагедия, каких ещё не видел и не знал до этого весь мир. Аттила и Чингиз-Хан там отдыхают! Разве что с Гитлером их можно рядом поставить: сходства уж слишком много

– между национал-социализмом и коммунизмом: и особенно колоритной строкой выделяется обоюдность концлагерей, что в 39-м ещё и на деле под-

твердилось, когда Сталин с Гитлером первый делёж чужих земель начинали. Так что, прежде, чем заявлять, что мой роман жестокий, «заявителю», желательно-бы было, полистать Историю мира, а заодно и хронику почитать за три десятка лет Сталинского бесчеловечного произвола и геноцида по уничтожению целых народов России. Тема эта гибельная и на этот счёт можно писать и говорить до посинения, а, вот насчёт моих произведений: у меня созрело

личное мнение – насчёт отзывов всяких – которое в корне отличается от всех остальных. Самый достоверный отзыв, подчёркиваю, – самый достоверный, и при жизни писателя! на любое его литературное произведение – это отрицательный отзыв, ибо там нет лукавства и желания – не обидеть.

К тому же,

если отзыв и критика ещё и с большим наездом, и прочими эмоциональными проявлениями бешенства, с пеной у рта, тогда можно спокойно и дальше писать; значит, ваше произведение выше крыши оценивается, если и не сейчас, то в будущем будет обязательно признано. Чего-то да стоите вы!.. Когда из

издательства выходит какая-нибудь глупая и бездарная вещь, и порою пу- стая, как пробка, в особенности прославляющая власть; при этом говорят обычно: «Написал... – как под забор выссался – ни себе, ни людям! Будто со- седу в карман наложил... и содержание в книжке, как в высохшем лимоне, одна кожура... Её и читать-то вряд ли кто будет, тем более комментиро- вать...».

Вопреки, выше сказанному, из уст звучали и положительные отзывы. По- ехал я в Глебовку хоронить своего друга раннего детства, Шуру Коржа. Когда- то, ещё в самом начале пятидесятих годов он был первым моим другом в са- мом начале нашего детства, как только мы с ним ходить научи- лись. Жили мы по-соседски и в летнюю пору вдвоём ковыря- лись в дорожной пыли. Потом-то друзей будет много, а этот был первый...

Вот там, на похоронах, подходит ко мне пожилая женщи- на, прихрамывая и с палочкой в руке, спрашивает: «Это же вы написали книгу про Глебовку?». Отвечаю: «Я написал, а что?..». Вначале нехорошо было подумал, тут же внутри

себя наёжился, в ожидании, что сейчас мне будет предьявлено какое-то несоответствие в романе или порицание за что-то. Она взяла за локоть мою левую руку и уткнувшись головой мне в плечо, стала плакать и благодарить, повторяя всё время: «Спасибо вам за книгу...».

От себя скажу: мы ведь до конца своей жизни, сколько бы лет не прожили, всегда в душе остаёмся теми молодыми и зелёными мальчишками, и только жизненный опыт в экстремальных ситуациях нас преобразует в иные ипо-

стаси. Я не тщеславен, но в такой ситуации, я просто тогда оробел, как будто бы школьник и никак не готов я был внутренне к тому, что смогу своим произведением, так растревожить человеку душу. Хотя, когда я писал именно

этот роман, я сам часто и густо над ним плакал; и в области сердца часто колело, но здесь есть объяснение этому – это лично моя боль, где мною опи-

сана жизнь самых близких мне людей!.. Закончив написание романа «Жить запрещено», второго подобного, сказал себе: «Если и дальше буду писать на

подобные темы, в таком же жанре, духе и стиле, наверное, надолго меня вряд ли хватит!». После этого открытия, я быстренько переобулся – на вольный писательский жанр – где есть место иронии, которая сменяется грустью; местами присутствует грубость и откровенная пошлость, но много и лирическо-комедийных сюжетов, прямо-таки – как в фокстроте и танго. Один мой постоянный читатель, как-то

сказал мне, что он прочитывает мои книги по

два раза, а последние романы читал, смеясь до слёз, и будто бы он ранее ничего подобного не читал... Оставим на его совести хвалебные вирши, ибо

были и другие, особо опасливые, высказывания тех, кто свою шкуру привык беречь, как в кошелек свои гроши, пряча заначку на чёрный день. Вот эти – ранее обласканные властью или приберегая свои «духовно-партийные ценности» и стали меня стороной обходить. «...От греха подальше, а то подумают и посчитают, что и я такой же... Ещё неизвестно, какая в стране завтра власть

будет... Будь он неладен, такое написать про нашу советскую власть и коммунистическую партию!.. И как только такое ему в голову взбрело и язык повернулся!..“. Особо „одарённые“, предпочитая, молчать, отнекивались, а на мои вопросы, пробегая мимо, поздоровавшись на бегу, отвечали: „...Читаю, читаю... времени нету, Санёк...». Было и такое заявлено обо мне: «Неблагодарный!.. Партия и советская власть его выучила, а он такое о ней написал!..».

Кто говорил эти слова, право – не знаю. Мне донесли их уже через десяты

руки, да собственно, это меня мало волнует, тем более не интересует: кто он такой – видимо, как раз тот – «партийный-идейный» – слизняк. Ума не хватает, даже понять, о чём рассказывается в произведении. Да ведь мой роман вовсе не о коммунистической партии и советской власти, роман

о судьбе моей матери!.. Потому отвечаю заочно и всем – кто от рождения страдает убогими понятиями и скудным мышлением, и до конца остаётся твердолобым, как

пень, – а заодно и тем, кто поинтересуется в будущем. Но вначале для сведения. До 17-го года – то есть, ещё при царском режиме – тоже ведь бесплатно учили, – в церковно-приходских школах. Имелись ещё и училища с трёхлетним и пятилетним обучением. И, ещё неизвестно, откуда больше вышло учёных и известных людей, чем это случаться стало при новой «народной» власти. А вот за то, что меня коммунистический – диктаторский режим – и «советская» власть учила – где-то там в школе; да и всего-то восемь классов. За это, моя мать, Надежда Викторовна – рабски!.. за несчастный, ничтожный трудовой день!.. Всего за какую-то убогую палочку в тетрадке!.. Голодная, полураздетая; в зной и в холод, в сырости и по колено в грязи и в навозе!.. От зари и до

темна, и часто, и густо – ночами и сутками напролёт, когда дежурная или растёл коров происходит, горбатила в колхозе, а после в совхозе, на молочно-товарной ферме дояркой, начиная с четырнадцати лет и до шестидесяти! Доила

– в то время – коров вручную, и таскала спереди себя центнеровые кошёлки (сапетки) с силосом, стараясь, как можно больше, своих коров накормить, чтобы больше и молока надоить, хотя от этого ни гроша не имела. И так до самой пенсии, включая, ещё более четырёх лет после неё,

ибо пенсию дали – дешевле сдохнуть под забором, чем жить на такую пенсию бывшей доярке, отпахавшей сорок пять лет на ферме. Даже, если учитывать то, что дали ме- дальку, как ветерану труда. Ту медальку: в жопу бы, в дупло, тому «партейцу» засунуть и подальше черенком от лопаты её затолкать, кто её придумал!.. В

суп её не положишь и лекарств на неё не купить, при пен- сии в шестьдесят

пять рублей! Один рубль и тридцать копеек – «сребрени- ков», за столько Иуда продал Христа, а тут за каждый отра- ботанный год каторги в колхозе!.. Навер- ное, много!..

И за всё, за это, за свою мать, которой было всего восем- надцать лет, а они

– эти нелюди, упыри!!!.. так называемая «народная власть!...», за восемь ки- лограмм зерна, которое пришлось таки – взять! чтобы не сдохнуть с голоду! И уже на следую- щий день, силы найти, чтобы снова идти в этот, богом и

людьми проклятый, колхоз – на эту каторгу и за бесплат- но дальше пахать! Вот за всё это – её в лагеря и определи- ли на целых восемь лет. И за это ещё, я должен, и власть уважать?!.. Да я готов её голыми руками душить, и никогда не смогу её даже на дольку простить, за то, что она сдела- ла, не только с моей матерью, но и с моим народом в це- лом. Будь она трижды проклята, как и её ближайший род- ственник, по духу и кровавым делам – итальянский фашизм и немецкий нацизм!.. Они одной поле ягоды!.. Грош тому це-

на, с его убогостью личности, кто этого не понимает и не признаёт!.. (без комментариев)

Кстати, я свою мать в детстве почти не видел, нас растила полуслепая ба-

бушка Лукерья. А наша мать, Надежда Викторовна, ночью уходила на ферму, когда мы ещё спали, и ночью возвращалась, еле ноги притягивала, переступая порог. А мы бывало в это время ещё не спали, ожидая её, ибо она принесёт молока в резиновой литровой грелке, (*«ворованное» молоко – иначе и*

нам – детям её – было бы хана!) и мы с братом, поедим. Кукурузная каша, залитая молоком, и эта сытная еда – за весь день. А полуслепая наша бабушка Лукерья, плача, встречала её словами, которые звучат до сих пор в моём мозгу: «Доченька, ридна ты моя дытына, если бы ты только знала, як мени тебя только жаль! Сердце моё кровью обливается, когда я смотрю на тебя,

когда ты приходишь с работы...». Так что моё обучение в школе, было оплачено моей мамой по самому высшему разряду! За ту сумму, что ей должны были заплатить – за сорок пять лет, где-нибудь в правовом, не в диктатор-

ском, режимном и рабском, а в цивилизованном государстве!!! За все те годы каторжанского труда, можно было бы закончить десяток Кембриджей и Гарвардов впридачу. Последние свои годы жизни мать сильно болела – профессиональной болезнью доярок – это, когда выворачивают все су-

ставы наружу, в особенности на руках, при нестерпимой боли, и многим это не понять. А в самом конце пришёл ещё и сахарный диабет, от которого она, не дожив месяц и две недели до своего 75-летия, упала в кому и скончалась. Так что, граждане миряне, представители от сельской интеллигенции и чиновничества, обучение моё оплачено сторицей!.. А подобные вам «умники», выпендриваясь и карабкаясь по лестнице власти, на крови и жизнях невинных людей, пластаясь друг перед другом, перед выше стоящим начальством,

стремясь перевыполнить план: являлись «донорами» крови рабов, для этой власти, за счёт той крови и было уничтожено крестьянство, а значит, и в общей массе, уничтожали народ и всю страну. И этому факту, сегодняшний вам пример, – за вашими окнами!.. «Вест-индийская», Британская колония, образца 21-го века за окнами у вас, а вы этого ещё и не понимаете. А что касается меня, то я после школы, не считая тех годов службы в армии, ибо то был священный долг – Родину защищать. И для этого, не имеет значения, кто находится у власти: пьяница-алкоголик – царь, Николай-второй, или конченный алкаш – Ельцин, или очередной полоумный генсек; Родина – к ним не

имеет никакого отношения... Все – так называемые «великие» – были не только полоумными, но ещё и душевнобольными людьми, и место им в дурдоме, в психиатрической клинике, а лучше бы в могиле. А такие, как Наполеон,

Гитлер, Муссолини, Сталин, Мао Цзэдун и всякие, всякие, и иные: лю- доеды, каннибалы-президенты и вожди – в общей своей составляющей – ду- шевно больные и психиче- ски ненормальные твари, о чём говорят многочис- ленные их поступки... Это, пример того, чего вообще не должно быть на бе- лом свете.

В местной районной газете «Вперёд», которую я выпи- сываю регулярно и уже десятилетиями – ибо, альтернативы у меня не существует, как при

совдепе – и, эта газета, несмотря на всякие там «пере- стройки», «демократи- зации общества», отмены запрета на частную собственность, публичного

осуждения колоссальных преступлений компартии по от- ношению к своему народу, за все годы её правления; раска- зачивание и геноцид других народов

и прочее, прочее. Так вот, совсем недавно, словно назло и вопреки тому, о чём говорят и рассказывают на телевиде- нии и в печати, а говорят и продол- жают рассказывать о кро- вавом прошлом большевиков, многое до сей поры

было ведь засекречено. Вопреки этим документальным разоблачениям, у нас в редакции газеты «Вперёд» остаётся всё по-прежнему, будто и не минуло

полвека со дня смерти «учителя» – Сталина, тема всё та же. На хуторе Подку- щёвка, что тянется по той стороне речки, новоявленные «активисты» отко-

пали какого-то там ревкомовца, которого: то ли в 19-м,

а может быть, в 20-м, но главное, что во время Гражданской войны: взяли, да и расстреляли, нахрен. Видно было за что. А, возможно, даже и повесили. И будто бы – это дело рук: то ли «белых», то ли «кулаков». В общем тёмное дело. Но главное, что те кости принадлежат большевику – это точно установлено. Они, оказыва- ется, большевицкие кости, от всех остальных отличаются, красные они, как кровь. И ещё на каждой берцовой кости надпись периодами проступает «Да- ёшь мировую революцию!». Хотя, сказать откровенно, частенько и свои своих

– те самые «красные» – по-пьяне – нехорошо баловались, крикнув в лицо:

«Контра!..» – разряжал – ни в чём не повинному страдальцу – обойму в живот. А он-то, бедолага, аж из-под Рязани, да в эти края, да пеши, да калечными, в обмотках ногами, а то и в лаптях, дотелипал таки сюда, в поисках народного счастья. Лучше бы дома сохой свой земельный надел ковырял, было бы

больше пользы и живым бы остался, а его черти сюда принесли. И вот сейчас, когда, наконец-то, казалось, осудили, но тут же вдруг вспомнили, что чуть не забыли!.. Главное-то сделать! Памятник жертве «царизма и белогвардей- щины» соорудить. И то ж, какая-то, хоть и захудалая, но всё-таки статья рас- хода из бюджета... А, там, пойдут клумбочки, цветочки, а к ним бордюрики; краски, замазки и сорная трава. К ним приплюсуются празднички, которых ско-

ро на полгода уже наберётся, и подоят районный бюджет – до консолидации и до конца. Глядишь, да так законсолидировались статьями расходов, что даже хватило с лихвой на свой собственный не дырявый карман... А, газета, тем временем не дремлет, а по-прежнему продолжая придерживаться своих большевистских взглядов, как мы уже сказали, ещё с времён Иосифа Сталина

– когда и газета-то называлась совсем по-другому – «Колхозник», гнёт свою линию и так ей неймётся, прокричать на всю глотку: «Вперёд к коммунизму!.. Ленин вечно живой!..». Нутро газеты – в общей её пропитке – осталось, как и было – гнилое. Пропагандистское и тяготеющее к имперскому мышлению —

«Партия наш рулевой!», чему есть немало примеров. Один, из таких примеров, выглядит со стороны даже постыдно: бегают всё тайно и цветочки кладут

к бюсту Ленина, которого со всей любовью водрузили на углу здания администрации, воткнули между ёлок; пройдёшь мимо и не заметишь. На тихоря, кладут цветочки и убегают. Какое только двуличие!.. – говорят с пеной у рта одно, а сами?!.. Памятник снесли, ибо вождь стоял облезлый и с обосранной головой, голуби постарались. Да ещё и с отбитым носом. Какой же, дурак,

скажите, таким «гением» станет, не то что гордиться, а и взгляд на нём задер- жать. Впоследствии, когда уже отбушевали Ельцинские бури протестов – всего и кругом, где

и на чём попало, по быстренькому соорудили бюст вождю. Старались подогнать под золото. Но, не исключено, что от того самого памят-

ника, взяли и отпилили по грудь, и бюст получился. Потом перетащили поближе к центральному входу в администрацию, водрузили на постаментик,

такой аккуратненький, как откопали где-то в музее, и почти за-угол спрятали. Кстати-и!.. чуть не забыли-и!.. Во многих-то кабинетах, в самой администрации, так по сию пору, на всю стену висит этот душегубец и вампир – Ленин,

стравивший народ России на братоубийственную войну. В двадцатом году, о чём я уже говорил, несколько сот тысяч, ни в чём не повинных, казаков большевики расстреляли – это по их понятиям, правильно сделали, а вот удавили какого-то ревкомовца, на хуторе Подкущёвский – это уже жертва белогвардейщины и произвола. Со слов той самой газеты, один из примеров, мы вам и приведём.

Частенько на полосах районной газеты «Вперёд»... *(Хотя бы уж название газеты сменили, ибо получается какое-то кощунственное иносказание.*

Мы движемся вперёд, если судить по названию газеты, а на самом деле пятаемся задницей по грязи, а чаще и по говну, и даже всю свою прежнюю экономику по дороге уже растеряли, а в самой станции – в особенности. От всех предприятий камня на камне не оставили) Так вот, газета эта, регулярно преподносит своим читателям объёмные интер-

вью и берут его у старушек, ибо, деды, которым за восемьдесят, те, которые ещё кое-что помнят из былых времён, давно уже вымерли. На повестке дня остаются старушки, многие из которых – есть подозрение – выживают давно из ума, или постепенно впадают в детский разум. Не исключено, что корреспонденты, умышленно,

именно таких для интервью и подыскивают. И именно со слов этих выживших из ума старушек, а сами корреспонденты, вероятно, не умнее их, если им не доходит, что они могут подобное прославлять. Хотелось бы у этих горе-корреспондентов спросить: чем вы хвастаетесь?!.. Старушки те, гордятся и бахваляются тем, что они в молодости пахали в колхозах не от зари и до зари – как

пишет ваша газета, – а сутками напролёт, и без-разгибу!..

При этом спали в

степи или возле коров, за сутки съев всего чёрствый сухарь и запив его —

правда, от пуза – колодезной водой, из бочки; в лучшем случае, варили за-тирку-баланду. И так годами!.. Годами-и!.. Поймите!.. годами и десятилетиями!.. Десятилетиями!.. Но им обещали – впрочем, как и ранее в той самой церкви, что на том свете жить они будут в раю – а в этом случае, что дети ваши жить будут в том самом раю-коммунизме. А пока... – тот же ваш хутор, как был при-царю, из столетия в столетие состоящий из хатёнок-халуп, так и остались одни завалюхи, да к ним, в довесок, настроили сталинских и хру-

щёвских барачков. Дороги – грязь по колено; на плечах всё та же стёганка-фу-файка, вся на заплатках; на ногах – лапти сменили на резиновые сапоги, и

чаще – ещё и дырявые; на голове шерстяной платок, толстой вязки, чтобы носить десятилетиями. Платок тот – в крупную клеточку и от времени выцветший, и у всех одинаковый. И чего вы добились?! Светлого будущего?! Рабами были – рабами и подошли, как собаки! Гордиться рабством?!.. И ещё с похвальбой рассказывать об этом, что всю свою жизнь беспросветно прожил ты рабом?!.. Об этом может рассказывать и похваляться только человек полоумный, а больше сумасшедший, к каким, по-видимому, и относится большин-

ство населения в России, именно в России, а не по её окраинам, ибо там положение чуть иное... Там меньше «терпил», хронических алкоголиков и прост пьяниц и лодырей. Смотришь порой на фотографии довоенных лет, да и годы шестидесятые далеко от тех не ушли. Смотрят на тебя с фотографий девчата и девушки, возраст которых, вероятно, и до восемнадцати лет не дотягивает, некоторым чуть больше двадцати; им ведь и вспомнить-то нечего будет! Они же на зечек похожи!.. Хотя, на самом деле, их жизнь такой и была. С фотографий на тебя смотрят не девчата – старухи!.. И этим гордиться?!.. Гордиться тем, что власть у них отняла их детство, юность, молодость, а заодно и женскую красоту?!.. За здоровье можно вообще помолчать.

Да в гробу бы я ви- дел такую власть, которая подобное себе позволяет!.. Быть рабом и всю

жизнь жить в нищете, ради того, чтобы партийная элита жировала, да где-то, в какой-то очередной азиатской или африканской стране должна свершиться, ещё одна полоумная коммунистическая революция?!.. И за это пол мира даром кормить?!.. Какой только глупый народ проживает в России, позволивший им это делать, поверивший в их бредни и сказки, и продолжает, верить сейчас!..

* * *

Но, предпочтём, лучше рассказывать о себе. В конце концов я стал самоучкой, и считаю, как и мой кумир и учитель, Валентин Пикуль, в ученики которого я добровольно-самовольно себя приписал, и перед памятью которого я преклоняюсь, обожая все его произведения. А под каждой им написанной

строкой, готов хоть сто раз подписаться, одобряя всё, что он сказал и что мог бы сказать, если бы в стране не цензура и не диктаторский режим. Некоторые высказанные им слова, которые опубликовала уже его жена, после его

смерти, как ничто другое подходят для меня, и считаю, что это однозначно:

«У меня образование – выше самого высшего! Иначе говоря, я – самоучка, – говорил Валентин Саввич и пояснял, –

коммунистическое учение – это кризис гуманизма. Я, глубоко партийный, но моя партия состоит из одного человека... Это – я сам!»». От себя я добавлю. Я тоже – одинок и одиночка, и на деле, тоже самоучка, и лично, по моему мнению, это выше всяких факультетов МГУ, Кембриджей с Оксфордами и Гарвардами. Хотя, многие чиновники среднего, а тем более высокого ранга и не согласятся с этим, не говоря уже о мелюзге, которые зачастую не в состоянии до кучи трёх слов сплести на бумаге, но при этом имеют дипломы в кармане о высшем образовании и горю кучу, – хрен, не то что переступишь, но и не объедешь! И которым —

судя, по их результатам работы – грош цена в базарный день! А с их дипломами – в пору в туалет с ними сходить, а кому-то и в задний проход его засунуть – за то, что он натворил. Но, они, разумеется, думают иначе. Если кто-то думает вопреки этим словам, тогда флаг ему в руки, но пусть вначале хотя бы для себя ответит, – почему наша страна, на каждом углу не уставая расхваливать себя, до сих пор в той самой жопе и в унижительной нищете большей части населения, имея под носом разруху и допотопную отсталость, при неис-

числимых, колоссальных природных богатствах страны?!.. Кто угодно виноват, но только не те, кто на совесть работает своими руками и создаёт вам

блага... Для сведения: лично я прожил жизнь не нищим и зарабатывал много: честно трудясь на стройке вольным ка-

меншиком три десятка лет, не разгибая спины; и знаю, что значит – Труд! С большой буквы. Мне обидно за свой православный народ, в особенности за женщин и детей. Народ, в своём большинстве: обездоленный, бесправный и нищий не то, что до потери пульса, – до потери сознания! Включая отдельной строкой – стариков.

За свою жизнь, которую, думаю, прожил я не даром, и даром ни чей не ел хлеб, заработанный чужими руками; успел я не только баранов попастьи и на лошади покататься, как, к примеру, и на том самом тепловозе, но и в армии послужить не один год, и частных домов – за тридцать лет пахоты – своими,

всего-то двумя руками – более двухсот построить. Семь книг написать, а эта уже будет восьмая. Если умеешь осуждать и критиковать, на что большого ума порой и не требуется, то сядь и напиши хотя бы одну тоненькую книжечку; о чём угодно, даже восхваляя свою руководящую и направляющую партийную и хозяйственную роль, о чём вы любите писать в газетах, и внесённую лично тобою лепту, в развале и убийстве Великой державы, об этом почему-то молчите. Разоряя страну, заодно прихлопнули, как тараканов и мух, и часть населения всей «совдэпии». Уже не говоря, что у подобного «члена» – глав,

пред, ком, пром, зам и даже – «гав» – хватит сил, ума, мастерства и терпения, построить, но своими руками – хотя бы одну халабуду. Я прекрасно знаю, что таких как я –

«они» не приветствуют. Но, если бы вы только знали, как вас ненавидит народ!.. Потому-то и случился когда-то тот роковой семнадцатый год. Те тоже не лучше вас были, которых на штыки и на вилы поднимали, но это было напрасно, ибо большинство среди них были безвинны, а тех, кого

надо бы было на те самые вилы поднять, за кордон убежали, где их заграничные счета в банках ожидали. К примеру, как господин Янукович: захапал немерено валюты, страну обобрав; попутно даже забыв по пути – отлитую из чистого золота, килограммов на двадцать, – свою «паляныцю».

Стрибанул в

свой личный вертолёт и «сдриснул» из ридной Украины, а подтереться за со- бой не успел. Кровавый только след за собою оставил, который кровоточит до сих пор. К тому же, перевороты и революции никогда не приводили к положительным результатам, а последствия всегда были плачевны, очень пе-

чальны и особо кровавы. На всём этом нагревали руки лишь те, кто их зате- вал. Этому имеется не один исторический пример, и коммунистические пере- вороты и революции – это наглядно подтверждают. Ни единого положительного случая, а последствия: горы трупов, отсталость в развитии и всеобщая

нищета населения. Неплохо бы было запомнить, что наверх вновь проползут слизняки, а с ними: всяких мастей предатели интересов страны, низкие и грязные подонки, про-

вокаторы и лизоблюды. А многие из тех, что рвутся на самую вершину власти, ради этого готовы свою родную мать не только зарезать, а четвертовать на куски!.. И лично я не поменялся бы с ними местами... Кто-то, прочтя, про себя скажет: кто тебе ещё предложит. Да лучше всю

жизнь пахать, не разгибая спины, в душе оставаясь человеком, не замарав

своих рук и не пряча глаза, и прямо смотреть людям в лицо, чем стать мразью и знать, что тебя ненавидит и презирает твой народ!.. Набитое до отказа

брюхо, свисающие ниже колен, а вокруг куча продажных «шалав», которые лижут тебя языками – это первая ступень на пьедестал животной твари. И за

океан бы я не уехал, будь даже там миллионы в долларах США. Вот, если бы они были здесь – эти миллионы, я столько бы добрых дел на них сделал, вам бы и не снилось. О чём, узнав, назвали бы вы меня – полоумным. И совсем не преследовал бы я целей, для самого себя: как побольше уболаговить и

успокоить свою душу. Да вряд ли бы – вы!.. позволили бы мне всё это сделать. На следующий день бы отняли. Я реалист, и знаю, что такое дуть на огонь или ссать против ветра. Но, даже, отбросив эту фантазию, лично я, свой долг выполнил сполна: перед собой – это прежде всего, и перед обществом тоже... В построенных моими руками домах, уже не один десяток лет живут люди и звучат детские голоса,

и профессия у меня, по всем статьям выходит, что большую часть своей жизни, была самая мирная – строитель! Но кроме добывания для себя и семьи насущного хлеба, была ведь ещё и духовная

часть, которую требовалось как-то заполнить. Поэтому, как бы то ни было, но моими кумирами всегда на первом плане оставались книги и писатели, а их уже дополняли поэты, композиторы, киноактёры и певцы. Этот разноцветный букет ещё пополнялся и теми, кто пишет сатиру и, кто, веселя зрителя, читает её со сцены. Всегда интересовался философией, как и Историей. Изобретатели, первооткрыватели, путешественники и все остальные, все те, которые вписали себя золотыми буквами в Историю развития человечества и самого – Гуманизма! Но только не политики и представители всех рангов власти! Ибо, с моей точки зрения, среди той политической «кодлы» – не имеет значения, в какой бы то ни было стране и в какое историческое время, – если и есть среди них, с натяжкой заслуживающих уважение, и к тому же за последнюю тысячу лет, то это настолько незначительный и совсем мизерный процент, что он, по сути, в оценке этой категории личностей, решающей роли никогда не играл, а значит, и оставался – в Истории человечества – ничтожным. Хотя, как раз

этому и посвящено содержание всех газет и журналов, а телевидение два-дцать четыре часа в сутки трезвонит устами их «геббельсов-поддувал». Та,

политическая среда обитания, которая правит народами, она какая-то заразная, подобно – чумы. Вот уже которое тысячелетие подряд вкус власти превращает людей-политиков в каких-то мутантов: нелюдей и упырей, будто они пришельцы из мира иного. Ибо у них на уме, а порой и прямо в словах, – как побольше убить, изничтожить народу, захватить побольше чужой земли. И тут же, как хамелеон, он меняет цвет окраски и уже – у него на языке и в словах – оказывается, они борются за мир, на деле способствуя созданию всё более чудовищного оружия массового уничтожения. Так кто они тогда на самом деле?!.. Разве они не мутанты?!.. Вероятно – этот процесс происходит

настолько заразно и необратимо, что они даже этого не замечают. Ибо каждый из них, дорвавшись до власти, в своей мелкой душонке и в своих грязных помыслах, в той тупой башке, таят и лелеют больные, а попросту сумасшедшие мечты и идеи, – единолично управлять всем Миром!.. Хотя в этом и не

признаются... Но со стороны-то виднее: рассмотреть это и понять – их низость и подлость, которая лезет у таких даже с ушей!.. А он, в это время, мнит себя властелином и богом...

Кто-то, прочтя эти строки, как я уже говорил, скептически улыбнётся... А напрасно. По себе, вероятно, судит. Думает, если у него денег много, значит, бояться ему уже нечего. Вряд ли! Тому масса примеров. Лично для меня, деньги, как таковые, никогда не значили, как достижение каких-ли-

бо благ и удовольствий. Для меня они являлись инструментом дальнейшей моей деятельности, и прежде всего, чтобы не сидеть сложа руки. Для непонятливых, приведу пример: это, как – имеется цемент, строим и дальше; нет кирпича —

стройка вся остановилась... Так и деньги. В моей голове они ассоциировались с чем-то материальным и созидательным, но не с низменными какими-то наслаждениями... На данный период времени у меня пенсия 8500 рублей. *(Это прожиточный минимум – и это за сорок четыре года рабочего стажа, официально записанного в моей Трудовой книжке, не считая того, что я ещё построил более двухсот частных домов, в нерабочее время, являясь на то время, по закону – «тунеядцем и жившим на нетрудовые доходы...».)* Пенсия сейчас у меня – как у бомжа, и я на всём экономлю: не курю и не пью – годов уже сорок кряду; ем один раз в день, и на эту пенсию я издаю ещё и

свои книги, правда, в мизерных тиражах. Потому они мне и дорого выходят, потому что, они – мизерные, и каждый экземпляр книги обходится мне от 600 и до 800 рублей, в зависимости сколько страниц в самой книге. При этом: сам редактирую, делаю вёрстку, фото-дизайн обложки так же мой, потом всё это перевожу в формат – ПДФ – и скидываю на флэшку. Принёс в издательство, и

им остаётся только прокатать готовый материал на своём заграничном оборудовании, и получить с меня деньги. Раньше, в годы советские, в великую книжную эру – в чём никак

нельзя упрекнуть коммунистов: в сотни тысяч, а то и миллионные тиражи, – загляните на последнюю страницу любой книги: там

перечень трёх, четырёх только редакторов, всяких мастей. Прежде, чем книга дойдёт до печатного станка, над ней работает целая куча людей, и это кроме самого автора... Ну, это вопрос риторический. Как ни хвали то время, а мои бы «опусы» точно уж не напечатали, – не то пальто!.. За подобные книги, да даже за строку, скорее всего посадили бы, или в психушку отправили...

Тиражи, разумеется, сами подумайте – при такой мизерной пенсии – большие не сделаешь. Но, потом-то!.. получив на-руки книги, я их ещё и раздариваю!.. В библиотеки и родственникам, ну и немного знакомым, ибо друзей у меня, считай уже – нету. На том свете они... Продавать свои книги, даже по той цене, что я за них заплатил, только себе репутацию портить: завистников плодить и лишних врагов наживать, у меня их и так хватает. Некоторые ведь не поверят, и скажут: «...Во, крохобор!.. Лопатой деньги гребёт и не краснеет!.. Накарябал там всякую чушь, ерунду: с пень на колоду, всякую хреновину, что его ахинея ни в одни ворота не то что не лезет – не всунешь!.. а он при этом ещё и людей обманывает. Пудрит людям мозги, продавая по бешеной цене свои опусы и наживаясь на этом... А, тут – за газ, свет и воду нечем заплатить! Ни сёдни, так завтра приедут и обрежут... Баламут!.. заделавшийся писателем!..

Вот жизнь проклятая!.. кому-то лопатой и ломом за копейки приходится мантулить, а он, взял ручку, намазюкал там какую-то гали-матью, и отдай ему почти тыщу рублей. Обломится!.. – чтобы такие деньги платить, да ещё было бы за что!..».

Дальнейшие комментарии по этому вопросу, я думаю, излишни. Вторая моя книга была в чём-то родственна первой: роман-хроника «Жить запрещено»: и по своей тематике, и в тех же красках написана. В ней я рассказал достоверную судьбу своего тестя и тёщи. К сожалению, о тёще я знал только по рассказам. Елена Егоровна покинула этот мир очень рано. Судьба выпала на их долю не лучшая. Писать роман мне было тяжело и сложно: по причине того, что к тому времени главных героев романа уже не было в живых. Собирая информацию о них по крупицам, а когда о чём-то спрашивал у их детей, то порой выходило так, что я и то больше их знаю, из прошлых рассказов моего тестя. Произведение получилось по объёму небольшое, что мне было поставлено в упрёк, что мало написал. А ведь вся причина от недостатка материала – сжатое, ибо домысливать и фантазировать в подобном жанре и о том страшном времени мне не пристало. Не о пикнике на лоне природы шла

речь. Лучше всего, конечно, это писать о том, что сам видел или сам пережил, ну или рядом под рукою рассказчик. Вот, двухтомник «Жизнь – жестянка», в таком плане и написан. Были критические отзывы по поводу самих пер-

сона- жей романа: «...Написана книга хорошо, но стоило было, и зачем спрашивается, о таких писать?!..». Стоило! Вся СССР такой на самом деле была. Я уже говорил где-то. О ком тогда писать?!.. О «светлом будущем» и о председателях колхозов и секретарях райкомов?!.. Рассказывать галиматью и врать?!.. какими они были героями и правильными людьми?!.. Так этого, дерьма,

больше чем коровьего говна на фермах скопилось, и уже до меня, было

столько, словно под копирку, написано, что этими книгами, которые, кстати, никогда и никто серьёзно не читал, можно было бы вымостить ими дорогу до самой Луны. Ну, а если кому-то так уж хочется, можете прочитать о них и в моих реалистических романах – «На Закате» и «В сумерках нищеты». А, лично для меня, те люди, о которых я рассказал в своём романе «Жизнь – же-

стянка», – не все, конечно, персонажи, но многие: намного ближе, роднее и душой доступнее и теплее, человечнее как-то. Хотя, если смотреть на них с правильной точки зрения, не совсем правильный образ жизни вели. Не со-

всем – скажут некоторые – чем, к примеру, застрельщики и передовики-лизо-блюды, впрочем, те, о ком сейчас вспомнили, по сути – это ведь скрытые и явные предатели своей страны и народа. Аллегорически изъясняясь, они первыми вытянут руку в нацистском приветствии и крикнут: «Хальт Гитлер!». И

первыми предадут свой народ, к которому они постоянно обращались и ввали ему на каждом шагу, и о котором они, своей лужёной глоткой целых семьдесят лет, произносили льстивые речи, обещая им райскую жизнь, а на

деле уничтожая их. А вот в «Жизнь – жестянке» все мои герои романа взяты с прототипов реальных «пацанов». Мои персонажи, многие из которых, казалось бы, по всем параметрам личности отрицательные, и выглядят такими на страницах моих произведений, но их прототипы при этом оставались

людьми, хотя и водку пили. Их я знал лично, с ними, как говорят, можно было бы и в разведку идти, а с многими я был лично не только знаком, но и имел дружеские отношения. Многие пили, но тому и причина была: безнадёга в

этой стране, личные не состоявшиеся в жизни свершения, и прочее, прочее. Там вымысел отсутствует напрочь и изложено в основном в сатирическом,

ироническом, а периодами и грустном плане, как на самом деле всё это и выглядит в жизни.

Роман «Не потеряй себя» – автобиографический. Коротких в моей жизни

четырёх лет юности, но в памяти – это почему-то отражается и запечатлелось, как будто бы я этот отрезок жизни прожил больше столетия. Каждый прожитый день, каждое событие – это целая жизнь, и рассказаны они далеко не все. Вообще-то, изначально, этот роман в черновом варианте на-

зывался

иначе – «Когда отцвели каштаны», так называется одна из заключительных глав романа, но в последний момент, я вдруг осознал, что главная мысль в этом произведении другая: та обстановка и реалистичность окружающего мира на то время, как и личность главного героя произведения, а вовсе не

Польша... и не Марыся... Хотя её диалог в романе и её эмоциональные высказывания на политические темы взяты с реальности и не придуманы мною.

Есть вещи, которые придумать просто маловероятно, а то и невозможно. Однажды услышав, такие вещи запоминаются на всю жизнь.

Впрочем, в авторском комментарии вряд ли роман нуждается, его я давно выложил в интернет, и пусть об этом лучше скажет само повествование и

сами читатели... Если ещё – да в наше-то время, – кого-то это, хотя бы малость, да заинтересует. В том-то и состоит изюминка этого произведения, что жизнь не переделать, а там, на страницах романа, изложена хроника. Но я всё-таки позволю себе повториться, прочтя заключительные строки романа, и если исходить с иной точки зрения, то этот роман – он не окончен, беря во внимание сколько ещё имеется черновигов, а мыслей: так тех вообще, – в бесконечность уходят. Есть вещи, о которых лучше умолчать. Растаивают мысли, в дымке, вдали, куда-то за горизонт уползая – забве-

нья... И завершить этот ро- ман, вряд ли возможно, разве только, если сама смерть поставит свою последнюю точку...

Как только я плотно и кропотливо засел за творчество художественной

прозы, создавая свои романы уже в чистовики, окружающий мир для меня разделился на две половины. Не было у меня никакого сомнения, и в самом начале я даже не намерен был афишировать свои произведения и кому- то их там дарить. Писал для себя и для своих потомков. А вот реальность самого бытия, как бы сбивает с толку, особенно на момент времени, когда надолго погружаешься в события, которые описываешь, и они создают иллюзию параллельно твоей жизни – новую реальность. И стоит на какое-то время покинуть их – своих героев и персонажей и не посвящать себя работе над

произведением, тебя начинает туда уже тянуть, как алкоголь к рюмке. В такие минуты внутри меня начинает создаваться впечатление и чувство, будто- то я сейчас в гостях к нему пожалую. Потому у меня и возникла мысль и желание, услышать хотя бы один отзыв при жизни. Прочтите не торопясь последние заключительные полторы страницы романа, а после уже сделаете, личный для себя, вывод...

«...Спустя две недели, Костя, теперь уже одетый в гражданскую одежду, не как в прошлый раз – в военное обмундирование, но всё с тем же, в одной руке импортным чехом

ном, в другой с гитарой, направлялся вдоль перрона, чтобы сесть на электропоезд и уехать уже навсегда, из когда-то любимого го- рода юности. Кроме матери – ему, по сути, некуда было ехать. Последними

соками пока не истекая, но и преклонить на время голову, потребность была.

Предстояло прежде всего одуматься, попытаться найти самого себя и ту тропинку по болотистой местности, по которой брёл уже по колено в трясине. Предстояло выбраться на твёрдую почву и начинать всё с белого листа – ту, новую, и уже какую-то иную жизнь, – иначе в топком болоте утонешь!..

Как иногда среди мужчин встречаются женоненавистники, так Костя был

противоположностью таким – больше всего на свете он любил – ещё на эту минуту не зная об этом – детей, а после уже женщин, которых ему всегда было жаль, и он готов был всегда и во всём их прощать. Во всех бедах на Земле

считал виновниками мужское сословие, а от всего того мрака, который ими был создан, страдают по жизни дети и женщины. На первом месте уважения и любви, конечно же – это была его мать – Надежда Викторовна, в чём сам себе ещё не признавался. Большое почитание в душе хранил к своей героической прабабке – Любовью Филипповне, которая покинула этот свет в год его рождения, и которая в войну и немецкую оккупацию прятала в своём доме еврей-

скую семью. Мать тоже побывала в сталинских тюрьмах, пересылках и лагерях и в его глазах героически выглядела, к тому же, от природы, не имея

образования, была умной женщиной. В эту минуту его раздумья прервал голос дикторши, объявлявшей посадку на электричку: «Граждане пассажиры, электропоезд, следующий до Тихорецка, отправляется через пять минут с третьего пути...». Костя вошёл в вагон. На передней лавочке, у двери, сидела группа молодёжи. Посреди лавки стоял японский огромный двухкассетник – магнитофон: на нём, спереди, сияли два больших динамика, из которых неслась песня на весь вагон, заглушая людские голоса. Взглянув на молодых парней, среди которых были и девчонки: вспомнил и себя пэтэушником, по-думав при этом, – что мир не стоит на месте и гитары из электричек уходят в прошлое, а вместо них сейчас вот эти мощные акустические системы, – как только приеду к матери, гитару повешу на стенку, как реликвию!.. Прислушался к песне. Он впервые её слышал: больно за душу щепала, а уже через минуту взяла всецело и поглотила своей глубиной. Из динамиков продол-

жали нестись слова и тот мотив, который говорил обо всём сразу, внося в душу и сердце ностальгию щемящей тоски и той боли, о чём осознать до конца, пока что мешала – ещё не ушедшая от него молодость... Смотрел в

окно невидящим взглядом и плакал в душе, по покинувшей его юности, которая ассоциировалась во всех его тро-

их любимых девушках...

...Оставь мне, молодость, все радости и трудности, свои надежды и мечты, и даль дорог.

Не наполняяй мои глаза житейской мудростью, оставь в них, молодость, шальной свой огонёк Уйдите прочь мои раздумья невесёлые, Осенний день ветрами сердце не студи,

Останься молодость, Кружи как прежде голову, Не уходи, не уходи, не уходи.

Уходят дни, меняя внешность нам безжалостно. Но это в общем-то не главная беда.

Останься, молодость Побудь со мной, пожалуйста. А если можешь, оставайся навсегда.

Уйдите прочь мои раздумья невесёлые, Осенний день ветрами сердце не студи Останься молодость Кружи как прежде голову Не уходи, не уходи, не уходи...

Продолжая стоять у окна и опёршись лбом в вагонное стекло, слушая

песню, которую прокручивали на магнитофонной ленте по второму разу: у

Кости по щекам в это время текли слёзы. В сознании мелькали кадры послед- них десяти лет его жизни и словно в фильме – по кадрам: в глазах попере- менно мелькали об- разы Ларисы и Марыси, но, как он сейчас не пытался,

представить воочию в мыслях Марину, она, по какой-то

неизвестной причине, приходится к нему не пожелала...».

Финальная часть – заключительного аккорда романа – применима к большинству людей на этом свете, ибо подобные мысли и чувства их посещали в обязательном порядке и скорее всего не один раз...

Роман «В сумерках нищеты». И прежде, чем что-то о нём сказать, я также повторю всего несколько строк из этого романа. Возможно, они корень, и на мой взгляд, самые главные и ключевые слова в нём, ибо не я их придумал, они сами откуда-то ко мне пришли, помимо моей воли:

«...Глафира первой вошла в хату, оставив дверь нараспашку. Немного пригнув голову, боясь зацепиться за верхний дверной косяк, вошли остальные

члены комиссии. В хате сумрак, как в подземелье; полы – неизвестно сколько лет: толи не мылись, но скорее всего не красились, тем не менее, двое мальчуганов босиком носились из комнаты в комнату; у одного веник в руках, у второго кочерга: стреляют, а по бородкам тонкой струйкой слюнка бежит.

При виде чужих тёток и дядьки, в кожаной куртке и с наганом на ремне, вдруг замерли на мгновение, потом издав воинский клич-воплъ, нырнули за печку,

после чего по очереди стали выглядывать оттуда. Глафира, стоя посреди хаты, развела в стороны руки, насмешливо, ядовито, сказала:

– Ну что?!.. Проходите!.. пишите!.. а то тут добра че-

рез край!.. Кровать забирайте, детям и на полу не вредно будет поспать!.. Там во дворе мотоциклетка ещё стоит, наверное, уже видели?.. её тоже не жалко, а то Савка на неё всё денег просит. За корову даже не думайте!.. Вначале надо будет меня пристрелить, прежде, чем я её вам отдам!.. Ну?.. чаво вы мол-

чите, как в рот воды-то набрали?!.. Мою родную деревню под Рязанью уни-чтожили, теперь и сюда добрались?!..».

Я сам написал эти строки, и как я уже сказал, – неизвестно, откуда ко мне

пришедшие; после перечитывал их не один раз, и каждый раз у меня на глаза наворачивались слёзы, ибо в словах Глафиры заключена вся трагедия Российской действительности. Судьба всего Российского крестьянства. Потому от дальнейших комментариев я воздержусь...

Роман «В сумерках нищеты» был дополнен рассказами на темы местного станично-жителейского фольклора и вышел он, опередив роман «На закате»,

который является первой частью этого произведения, как и тематики, по причине, что первая часть романа на тот момент требовала ещё моей редакции. Немного юмора, гротеска и реалий из современной исторической действительности, критика власти и голая правда в глаза: таким я его видел, этот роман в двух частях, таким он у меня и получился. Хотя я в нём и жил всё то время, когда писал, и как я уже говорил неоднократно, – не мне судить, да и вряд ли

сейчас в нынешние времена, кому-то нужны не только мои произведения, но и всех остальных, более известных писателей. Один человек мне

прямо сказал: «Никому это сейчас не нужно... Напиши ты, Санёк, подряд хоть три «Войны и Мира», а вслед, ещё два «Тихих Дона», даже читать никто не станет. Скажут, – мура!..».

Вот этой самой «мурой» мы и продолжим, отвлѣкшись на время от темы, ибо каждый раз после того, когда произведение уже закончено, не хочется

расставаться с его героями и персонажами, а вслед, в душе почему-то появляется обманчивая и призрачная надежда, что очередная твоя вещь будет необычна и она должна покорить весь мир... Но, как говорят многие просветители, – с нею, с этой самой надеждой и мыслью, писатель уходит в небытие, унося вслед за собой в могилу тот самый роман, который всю жизнь написать собирался...

Глава из романа «На закате», не вошедшая в произведение.

Порок.

Любезно просим читателя, немножко расслабиться и ради разрядки, вернувшись к героям, последнего, уже опубликованного и взятого в тиски обложки романа – «На заката».

те», прочтём главу, не вошедшую в книгу. Этой главе удалось при редакции попасть под сокращение, а там, кстати, главный герой подвержен незаслуженным мытарствам и душевным страданиям – в отношении женского пола, в чём вы сейчас и убедитесь наглядно...

После того рокового дня и очень скандального инцидента, когда, кровь с носа, но Ивану Ильичу пришлось распрощаться с «вип-номером» у зоопарка, у той самой скандальной старухи, трактористки-ударницы – Макаровны, которую он, беря пример с Родиона Раскольникова, без малого чуть было на тот

свет не отправил... Вовремя, господь бог сподобился, и Гендоша за руку схватив, отвёл беду от буйной его головушки. Правда, он, как ярый в прошлом атеист, в это совсем не верит, и говорит: что он, типа того, сам себя остановил, чтобы не зарубить её топором... Да прям-таки насмерть!.. Оно-то, не нам об этом судить: так это было или иначе, может, старуха того и заслужила! Не святая была, а с гадючьих головок! и бог ей судья. Так вот, с того дня прошло не так уж и много времени и жизнь, как и прозябание Побрякушкина-погремушкина за эти дни явно не улучшилась... Впереди его ожидала всё та же тягомотня, которой не позабудет и бомж с десятилетним стажем, а колесо ледяной купели, подмяв под себя, поволокёт его по болоту ростовских по-моек...

Продолжим, читатель, и всё по порядку. Покинув старушечью обитель-ко-нуру, а попросту клоповник и рассадник тараканов... Хотя об этом, вроде бы и горевать не стоит, но всё-таки, какая бы и ни была, но крыша над головой. А теперь ему, товарищу Гендошу, хоть иди и в Дону утопись!.. Вот уже который день подряд он ходил, бродил спотыкаясь, как торчок-наркоман, и всё про-должал думать о той женщине, с которой случайно довелось ему побеседовать всего несколько минут на том блошином рынке, в переулке Семашко.

Предаваясь унылым, а периодами и довольно мрачным мыслям, как и сама

его судьба, подталкивающая его в спину, Побрякушкин-Куцанков, сейчас неторопливо шествовал, а попросту – брел по улице Станиславского, продолжая, как мы уже сказали, спотыкаться на трамвайных путях и направляясь в сторону Старого базара. В эти скорбные для него минуты, как и непогода в то ужасное утро, где-то в глубине души таил он надежду, вновь встретить её – ту незнакомку... И продолжая придерживаться правила, которое гласило: не верь, не бойся, не проси, которому его ещё учила школа, затем институт, а последнее напутствие, как помнится, по этому поводу, на длинную и долгую дорожку, давала незабвенная тёща: «...Прежде, чем тебя законопатят в следственную камеру, успевай в них рассадить своих подчинённых!..», – звучали эти слова в ушах вместе с ветром. На эту

минуту Гендош поставил на той незна- комке не только твёр- дый знак, а само ударение, хотя периодами и задавал

сам себе один и тот же вопрос: «Спрашивается, зачем?!.. Кому ты нужен?!...». Сырой ветер, дувший сквозняком, как в трубу, вдоль улицы Станиславского

– пронизывая всё насквозь и с остервенением воя в про- водах – дорывал на Гендоше последние обноски. Холодил под тряпьем его ещё молодое и где-то несомненно и крайне востребованное мужское тело, о чём он, конечно же, не мог знать на данное время, и которое после холода у него всегда по ночам сильно чесалось. Стараясь не думать об этом, Иван Ильич продолжал брести наугад, испытывая судьбу, как ска- зали бы где-то в армейских кругах: на проч- ность, выносли- вость и нечеловеческое терпение, чтобы, не дай бог, да не по- лезть случайно в петлю, как последний предатель Родины... О чём – как

помнится – на эту тему ещё с тещей, Инессой Остаповной, когда-то они пла- менную речь ночью вели. Да, да – в ту зло- получную ночь диалог тот состо- ялся, когда синим пламе- нем полыхала его фабрика и вся его жизнь рушилась в про- пасть обвалом... Прямя, как собаке под хвост...

Пока Побрякушкин семенял ногами, крепко задумав- шись, а в это же са- мое время, в старой части городских кварталов – «папы-Ростова» – в подь- езде старинного до- ма, ещё дореволюционной постройки, в районе, извест- ной на весь город, Богатыновки, по улице Седова, спускались то-

ропливо на низ, направляясь к выходу, двое молодых парней, впереди которых – по каменным ступенькам – стуча каблучками, спускалась на низ ещё и шикарная дама. Если понаблюдать со стороны, то, как часто оценивали многочислен-

ные гости, из числа клиентуры – по водке, дамочка – выглядела явное не «фу-фло» и ею была Клавдия Максимовна Сироткина. Одета она была по последней шик-моды, на мордочку симпампулечка, да и вообще – миловидная барышня бальзаковского возраста. Чем-то она уж очень сильно напоминала и

даже похожа была на известную актрису советского кино Федосееву-Шук-

шину. Следом за нею плелись: Сидоров Георгий, в обиходе прозываемый Жорой-Капустой, а за ним шлёпал своим плоскостопием, как тюлень лапами по льду, его ровесник и «брат», если считать от самого раннего детства – по

Азовскому детдому, а впоследствии подельник и «сидельник» всё в той же Азовской, но уже исправительной колонии для несовершеннолетних – Юра Сундуков. Такой же двадцатилетний раздолбай, как и Жорж-Капуста, но уже под кличкой – Хомяк-косолапый.

В это пасмурное и непогожее утро, в подъезде древнего дома, помнящего ещё дворян и всяких там захудалых князьёв и графьёв, и несмотря на то, что и улица носит название прославленного мореплавателя Седова, в полутём-

ном пространстве лестничных маршей стоял удушающий запах собачьей мочи, с добавлением ещё и человеческих испражнений. Углы и ступени – к всеобщему и вашему сведению, граждан и соседей в подъезде – ещё и агрессивно пахивали примесью кошачьего помёта и территориальных их меток, но уже – кошачьих испражнений. На удивление, все участники жилищного

процесса, в этом первом подъезде, давным-давно уже так внюхались в эту невыносимую вонь, что ничегошеньки даже не замечали, как будто бы пахнет свежесваренным кофе. В руках у Клавдии-Жульеты был блестящий, этакий переливающий всеми цветами радуги, лакированный ридикуль, где, вероятно всего, лежала немаленькая сумма денег: разумеется, по тем временам и, если исходить из дороговизны самого ридикуля. В зубах у неё – меж накрашенных пухлых губ – торчала длинная предлинная папироса. Эта самая папироса сейчас дымила, наполняя подъезд ароматом тропических трав, и

была – эта сигарка – неизвестного происхождения, может быть, привезена из самой Гаваны. Но этот вопрос скорее всего относился к простолюдинам и к остальным обывателям дома – а папиросы такие продавались в табачных ки-

осках, как и те же Гаванские сигары – дорого, конечно, и в то же время только на штуку. Юра-Хомяк в руке нёс авоську с пустыми бутылками из-под кефира. Нёс для того, чтобы сдать их по двадцать копеек за штуку, и тут же сно-

ва ку-

пить, но уже по тридцать копеек, наполненные обезжиренным кефиром. Такая разбежка в цене кефира и самой посуды, когда содержимое в два раза дешевле посуды, было придумано властью умышленно, чтобы бутылки сдавали. Умно и практично, – думает автор. Жорик-Капуста, держа на-пупку, таскал картонную коробку, в которой тархтели, позванивая, тоже пустые бутылки, но они были уже из-под пива, вина и ликёра. Бутылки из-под водки

они не сдавали, по причине того, что они её никогда и не покупали, а наоборот, собирали пустую посуду из-под водки по всему центру города и сносили в квартиру... Секрет этой манипуляции нам предстоит ещё узнать...

Вернувшись, к предыдущему высказыванию, насчёт кефира и посуды, от себя мы добавим. В том прошлом, так называемом – Брежневском периоде развитого социализма – «застое» – было неисчислимо много великих и про-

сто хороших, не только достижений, но и других разумных вещей, которые во времена, так называемых Горбачёвских «реформ», отменять не стоило было. Отменить следовало всего малость, всего несколько пунктов, – ну, не более десяти. Разрешить мелкую и среднюю частную собственность, как и предпринимательство, не казнить за те несчастные сто долларов, найденных у тебя в кармане; узаконить свободу слова и печати. И главное, принять закон многопартийности. Остальное всё должно было функционировать

в рамках свобод- ного рынка и конкуренции. Но это уже – только слова, ибо начали всё и как всегда – с заднего прохода, и со словами: «...Разрушим всё до основанья, нанесём сокрушительный удар, и камне на камне не оставим от прежней той жизни «застойной». В древнем Египте, новый фараон приходя к власти, распорядился стереть любое упоминание о прежнем правителе. Уподобившись этому, в конечном счёте превратили Великую державу в какую-то Колумбию и Гондурас, где мафиозно-правлящая верхушка – наркобароны и казнокрады – правят страной... Мы удалились от темы, вернёмся всё-таки к нашим персонажам.

Сидоров-Капуста и Хомяк-Сундуков не всегда проживали в этом доме, но вот уже второй год как они обитали в квартире у тётки Клавы. По крайней

мере, эти два, оболтуса-обормота – так Клава часто их называла – по возрасту и впрямь годились ей в племянники, и обращались они к ней, как к родной тётке. И словно в унисон всему этому, жильцы во всём доме именно так и думали, что это племянники, прибывшие из какой-то глухой и неизвестной деревни. И даже, когда они на пару укладывались к тётке Клаве под бочок – переспать с ней в мягкой постели – один с краю, второй от стенки, а Клава, по

прозвищу Жульета-авоська – посредине, то и при этом Юра-косолапый, часто гундося, спрашивал: «Тётя Клава, мой локоть в бок вам не давит?.. а то мне уже некуда его девать... И до вашей титьки я почему-то не достаю...».

А в это время от стенки, из-за растянувшейся на спине Жульеты-авоськи, которая в

этот промежуток времени лежала и млела, в ожидании любовных утех и страсти, слышался голос Жорика-Капусты: «А я вам чё, резиновый?!.. на стенку я не полезу, она холодная!..».

Но это случится чуть позже. Обычно это случается уже довольно поздним вечером, когда они, вернувшись домой, и после того, как провернут и посвя- тят часть времени на реализацию палёной водки, после чего укладвшись в по- стель, приступают к заключительной части дневного бытия. Потому не стоит забегать нам вперёд, и раз они будут этим раз- вратом заниматься уже ночью, мы вернёмся в то ветреное и хмурое утро в подъезд буржуйского дома, где они прожи- вали, на улицу Седова.

Клавдия Максимовна Сироткина, дама была уже давно перезревшая, но как всякая здоровая и не страдающая фри- гидностью женщина, считала себя молодой и относила се- бя к числу шансонеток; была она падкая до плотских утех и шалостей всяких интимных, и в особенности, что касалось было этих двоих молодых парней. Возможно, на этой поч- ве, сама и не заметила, как оказалась яловой «тёлкой». И, как мы уже сказали, что её ещё иногда назы- вали жильцы дома – Жульета-авоська, по причине того, что, и она и её «пле- мяши» – весь день напролёт таскали эти самые авось- ки, а в них бутылки пу- стые из-под водки и ещё непонятно

что. Клавдия Максимовна была хохлушкой – если и этот вопрос интересует читателя, и он намерен, оценивать женский пол по признакам национального разделения диалекта языка. Так вот, Клавочка, являясь на данный момент подругой жизни для этих двоих лоботрясов, но, что касается остальных жильцов трёхэтажного дома, лежала на них всех разом и притом – с прибором. По отношению к жильцам дома Клавдия часто выстраивала своё поведение так, что иных, из числа мужского со-

словия, она покоряла своим обаянием, а на остальных просто начхала и вела себя подобающе той обыденности: хоть хватай узлы с манатками и беги, куда глаза видят... Бывало, в минуты раздражения, в особенности по утрам, на весь подъезд истошно кричала:

– Я вас приучу Родину любить, хамьё староверческое!.. И эти мои, идиоты, туда же!.. Хомяк, а ну вернись!.. твою дивизию мать!.. Ты слышишь, что я к тебе обращаюсь? Уркаган, ты детдомовский!.. Шоб ты до вечера сбисывся!.. Куда тебя понесло, если посуда на месте стоит?!..

Вот и в это ветреное утро, Клавдия Сироткина, спускаясь по ступенькам,

чихнула раза два подряд, вероятно, тем самым, застарелая аллергия на кошачью и собачью мочу, напомнила о себе знать. Подойдя первой к выходу, она порывисто распахнула перекошеченную дверь. Эта дверь продолжала нести свою службу не меньше, чем уже полтора столетия; но, как

ПОМНИЛИ

эти стены, последний раз она красилась ещё при Александре-третьем, «Ми-ротворце». Было это очень давно, и, если считать с этого «судного» дня, то —

ещё в позапрошлом веке, когда он собирался, было, приехать в столицу Донского казачества, Новочеркасск. Приехать ему не удалось, по причине затворничества и беспробудного пьянства, а говоря, простыми словами, — очередного глубокого запоя, сия миссия и не была исполнена. Вот эту самую историческую дверь: в ту же минуту, как её распахнула Клава, сильнейший порыв ветра вырвал из её рук. На улице, за порогом бесновалась погода, а тот самый ветер дувший с гнилого кутка — со стороны татаро-монгольского Крыма, сметая всё на своём пути, как в знойное лето в степи саранча, а то и орда. Казалось, что со следующим порывом ветра рухнет от ветхости дом, который в

эту минуту поскрипывал всеми своими суставами, где-то вверху трех этажей и особенно кровлей...

В доме давно поговаривали старушки, что будто бы, Клава совсем не пощадит церковь, и не ходит на причастие, пожалуй, ещё с младенческих лет. Потому-то она, не крестясь, но при этом вспоминая всех святых и угодников — не поочередно, конечно, а всех сразу и скопом — позволила себе произнести те «сакральные» неприличные слова, за которые иногда сильно и больно

бьют при помощи ветра дверь по морде. Следом идущий

за ней с бутылками в авоське Юра-Хомяк, ступив на порог, от порыва ветра на мгновение

замер, но в ту же секунду: то ли, и правда, ветром, а может быть, сквозняком

– окованную дверь вдруг понесло в обратную сторону и со всего размаха ша-рахнуло Юру Сундука в лобешник. Отлетев назад, он ударился спиной в коробку, которую с особой осторожностью нёс Жора-Капуста. Бутылки из-под кефира раскатились по всему подъезду, и всё вокруг замерло на время. Жорик же, в отличие от друга, упав на задницу и продолжая и дальше сохранять ценный груз, уцепившись в коробку, вдруг, словно вспомнив, завыл и заскулил по-собачьи. А всё это время на его коленях продолжал сидеть Юра-Хомяк, который от удара тяжёлой двери никак не мог прийти в чувство. Клавдия же, обнаружив, что свита её куда-то пропала, прилагая усилия, с трудом приоткрыла ту злополучную раритетную дверь. Придерживая полотенно двери, она просунула в подъезд свою голову и посмотрев с брезгливостью на своих

«племяшей», спросила:

– Ну?!.. И долго вы тут собрались сидеть?!.. Вот, идиёты!..

Спустя пару тройку минут все трое уже стояли за порогом подъезда. Клавдия, с усмешкой на губах, потрогала огромную шишку на лбу у Хомяка и с иронией, сказала:

– Не сдохнешь, но синяки под глазами поносишь. До сва-

дъбы заживёт, а она у тебя вряд ли когда случится, быстрее соседская кошка тигром станет,

прежде, чем для тебя, ублюдоков, найдётся невеста. Нехрен было голову свою подставлять, куда не надо! А может, и лучше, мозгов в голове прибавится... Пошли уже, навозные вы червяки!.. дел ещё за целый день не управиться... Развернувшись, Клава направилась в сторону широкого просвета в подво-

ротне. Было ещё утро, и за всю прошедшую ночь, во дворе могло всё что угодно случиться. Могли устроить так, что, ту одинокую старуху, о которой накануне, уже перед сном, вели о ней разговор, и которую ещё два дня назад менты схоронили, откопать на кладбище и водворить во второй подъезд, уложив её в детскую коляску. В этих двух, по-соседски, домах жили ещё не такие «артисты» и примеров этому имелось немало.

Ещё весной, в канун женского дня 8-го марта, в соседнем доме, в квартире под №-13 – чёртова дюжина. У Марии Андроновны и Василь Палыча случи-

лась крайняя неприятность. Ранним утром, когда супруги ещё нежились в постели, кто-то вдруг в их дверь вначале позвонил, а затем ещё и принялся стучать и тарабанить. Василь Палыч и говорит жене:

– Иди, открывай, это уже твой любовник... Надумал и пришёл поздравить тебя с восьмым мартом...

Кряхтя и похрустывая всеми сразу старческими сустава-

ми, Мария Андро- новна сползла с кровати и пошкандыляла, шоркая босыми ногами, к двери. Открывает это она дверь, а за ней никого. И тут неожиданно она увидела, что на её двери, на четырёх гвоздях, висит, распятая, дохлая кошка, а под нею ещё и прибитая записка «С праздником тебя, ведьма! Скоро и с тобой это слу- чится». Мария Андроновна прочи- тав, тут же и грохнулась прямо на пороге.

Муж, Василь Палыч, ждать пождать, а от двери толь- ко всхлипы, будто соп- лями кто давится, доносится сопе- ние. Пробурчав, себе под нос: «Уже, собаки, сношаются...», с трудом покинув постель, дойдя до порога открытой двери в спальню, высунув голову, и в утренних сумерках стал всматриваться. Увидев лежащую в одиночестве жену на по- лу, сказал: «Уже успел и сбежать, под- лец!.. а эта, от сладо- страстий, растянулась!.. Ну и лежи!..».

Потому-то, жильцов в этих домах ничем уже не удивить. А та старуха, кото- рую менты закопали, упаковав её в цел- лофановый мешок, до этого дня

именно с той самой коляской шастала по городу послед- ние четверть века

подряд, о чём, спустя время, в квартире у Клавы и пойдёт «гнилой разговор».

Но сейчас наших героев подждал иной сюрприз. В дух метрах от входа в подъезд, какой-то нетерпящий, а может быть, мимо пробегающий и заско- чивший во двор на минутку, наклал, – хрен пересту-

пишь!.. – приличную такую кучу дерьма, и додумался же, гад, прикрыть её обрывком газетки. Клавдия

проследовала, не обращая внимание на подложенную под газетой «мину». На её счастье ей повезло, и она произвольно, прилипшую к земле газету обошла стороной. Капуста-Сидоркин, поплёлся за нею, а вот Хомяку косолапому

– в это сумбурное утро вновь на сей раз невезуха крупно упала под ноги. Идя параллельно своему товарищу и брату – по казённому приюту – плоской своей ступнёй, где напрочь отсутствовала пятка, наступил на газету, а нога-то, нога!.. Она-то калечная!.. пропади она пропадом!.. словно лыжня, поехала по говну резко вперёд, как по маслу. Руки поневоле взмыли кверху, и уже опускаясь к земле, авоська с бутылками из-под кефира шмякнулась о булыжники во дворе, подобно той двери, которая лоб ему подровняла. Бутылки, как куриные яйца, – в смятку!.. Юрик не сподобился стать на шпагат, раньше надо было этому учиться; он лишь предпринял попытку, но вышло совсем не так, как тому быть. Газета съехала вместе с ногой, а Хомяк уместился задницей в ту самую кучу. Клава и Жорж-Капуста вначале с недоумением на лицах обернулись и замерли, пытаясь сообразить, – что же произошло на самом деле?!.. Кругом, значит – сухо, а отчего растянулся Хомяк, было не совсем понятно.

Продолжая сидеть на куче дерьма, Хомяк-Сундуков, наконец-таки, внюхавшись как и все остальные и осознав, во что он вляпался, дрожащим голосом прокричал:

– Я знаю, чьи это проделки и кто это насрал. Это его, су- чья, работа!..

– Уже легче, – пренебрежительно сказала Клавдия, – те- перь хоть будем знать, в чьё говно мы вступили, да прямо жопой твоею, дебил!..

– Чего там знать?!.. чего оскорблять?!.. – если это голо- вастика работа, гамно- еда-баклана говно. Там ещё Шприц- бацилла с ними живёт, в том втором

подъезде!.. Может, и он кучи кладёт где попало и куда да- же собаки не хо- дят...

– Он хоть кладёт, но ходит не воняя. Из твоих слов, он – гамноед-баклан, а на деле вышло, что ты в него вляпался, вот тебе и придётся, походить и пово- нять... Это тот, который с Марусей, мохнатой, или брюхатой, живёт? – спро- сила Клава.

– Он!.. кто же ещё?!.. к ним пару дней назад ещё и зек подселился, его на днях из зоны, на Каменке, выпустили... Не знаю, кто он им такой, но, хоть и

засосанный, но, бычара, ещё тот, не моргнув глазом, зарежет!.. Теперь ходи и оглядывайся... их там трое, считая Бациллу-шприца, а Маруська брюхатая чет- вёртой будет, одна на троих...

– А чего это ты, расселся на том дерьме, как контуженный, дядя сарай?! Вставай, раздолбай, да пошли уже!..

Недовольно сказала Клава и отвернулась. Хомяк, подчи-

няясь, кряхтя и

опёршись меж колен на руки, поднялся. И первое, что он сделал, чего от него никто не ожидал, так это – немного прогнувшись вперёд всем туловищем, ладонью провёл по своей заднице, словно пытаясь пыль стряхнуть, разгладив тем самым по брюкам дерьмо. Выпрямившись и поднеся ладонь к носу, принылся нюхать, чем оно пахнет. Второй – «субъект-экземпляр и урод» – из характеристики, устами Клавдии – товарищ его по колонии и скитаниям – Капуста – он в это время стоял, раскрыв рот и молчал, вероятно, не совсем понимая, что происходит. Клавдия, скривившись в лице, сказала:

– Ты ещё языком лизни, ублюдок!.. на вкус попробуй, узнаешь, что жрал на ужин тот, хмырь... Вот, придурок, до самого копчика конченный!.. И носит же земля таких, идиотов!.. С такими свяжись – и саму в дурдом отправляй... Хоть выгоняй из квартиры... Иди вон, балда, к водоразборной колонке да замывайся!.. В квартиру в говне не пуцу! хрен потом до нового года выветрится...

Странная вещь! Клавдия спала с ними обоими и в тоже время – даже со стороны понаблюдать – физически и всем своим существом ненавидела их.

Пока наши персонажи будут приводить в порядок своего товарища, разместившись вокруг водоразборной колонки, после чего они намерены двинуться снова намеченным маршрутом в путь... Да вон они!.. Теперь Клавдия семена

ногами еле поспекает за своим сопровождением, крича им в спину:

– Куда вы глаза вылупив летите?!.. как будто у вас понос открылся!..

– Куда мне ещё и понос?.. – если и так вся задница в говне!.. преодолевая голосом посторонний шум движущегося транспорта, прокричал в ответ громко Юра-Хомяк.

Преодолев сплошной поток автотранспорта – кстати, в совсем непопулярном месте – тройка «блатарей», а быть может, просто растяпы и туповатые парни, сейчас переходят широкий проспект Ворошиловский. Вот они снова

вышмыгнули посреди улицы Станиславского: чем-то она им очень приглянулась, и, как нам кажется, они намерены держать свой путь по ней и дальше. Куда?.. – а хрен его знает, пока и мы не знаем. Тем временем пока они идут, расскажем о них немного поподробней.

Ещё с прошлого лета, а это уже больше года прошло, как Клавдия Максимовна Сироткина, случайно повстречав на барахолке-толчке эту парочку, притянув, пригрела их, сделав из них постояльцев-сожителей, но не только в

своей однокомнатной квартирке по улице Седова, а и сама, каждую но-

ченьку, лёжа между ними и испытывая негу и страсть, бесстыдно согревалась ими в постели. Не будем, читатель, осуждать её – одинокую и в душе всё-таки

несчастную женщину, – кто же её ещё пожалеет, как

не мы?! Человек – существо слабое перед пороками – «Не суди, не будешь и сам судим», ибо каждому хочется тепла и ласки, а женщине, да ещё, когда она в самом соку, к каким относилась и Клавдия: им ведь тем более, как воздух, это необходимо. Но спали оболтусы-племяннички с Клавдией Сироткиной вовсе не задаром. Задаром – говорил известный в своё время Остап Бендер – только кошки плодятся; а вот этим двоим, хмырям-бестолочам, вменялось в обязанность по горю собирать пустые бутылки изпод водки, а потом мыть их под краном.

Конечный процесс производства заключал в себе: разводить – бодяжить – водопроводной водой спирт-ректификат, доводя жидкость до сорока двух градусов... Ну и в заключительной части этой нехитрой манипуляции, оставалось

– разливать по бутылкам, после чего закупоривать пробкой из металлической фольги и наклеивать новенькую этикетку. Продукцию сбывали чуть ниже, чем цена в магазине; придраться не к чему. «... Не рассчитав, накупила на поминки мамы, и заодно своё день рождение наметила отметить, не скупясь... Не пропадать же добру и на помойку не выбросишь...». Спекуляцию не пришьёшь:

за что купила, за то и продала, даже немного дешевле. Да собственно, ковыряться в этом и дотошничать, никому до этого не было дела. Самогоном в подъезде не воняло, с которым боролись, а контингент по-

купателей не жало- вался – водка бьёт по шарам лучше, чем купленная в «гастрономе». Притом и взять её можно, не дожидаясь одиннадцати часов, а прямо с утра и круглые сутки. В деятельности сбыта – разумеется, активное и сильное участие при- нимали и «племяши». Денег, правда, не кривя душой, за это не получали. Так

– мелочь всякую, на карманные расходы и на сигареты, по десять копеек за пачку – «Памир». Как сказала Клава: «Вам, обжорам, и так через всякие края!.. Я своим холёным телом и едой с вами расплачиваюсь... С телом – ладно бы ещё, как-то вроде бы не сильно и заметно, а вот насчёт хавки – вас хрен прокормишь! В-постели бы такими были, как глотать умеете!.. Жрёте, как за себя кидаете. Вон, и пузо: что у одного, что у второго, скоро в дверь не пролезете... И ликёры вам сладкие подавай, бормотуху пить хрен нагнёшь... Гнать вас в шею давно уже пора и, пожалуй, надо!..».

Но это всё, читатель, чисто семейные тяжбы, которые случаются в каждой семье, даже будь то семья моногамная, треугольная или ещё там какая, глав- ное не забывать про советские рубли и как их добывать...

Спирт-ректификат – в 86 градусов по «цельсию» – привозился в двадцатилит- ровых алюминиевых канистрах откуда-то из окрестностей владычества воен- ных – «Военведа». Канистры выгружались, а деньги заби- рались, что остава- лось от навару – то всё хранилось в ри-

дикюле и в тайниках у Жульеты-

Авоськи. Этикеты на водку и пробка-фольга неведомыми путями поступали из-за высокого кирпичного забора ликёроводочного завода, с переулка Гвардейского. Из прочно сложившейся постоянной клиентуры, многие приносили вещами. Клава брала тряпки, среди которых было немало и дорогих вещей, уценяя их до-смешного, казалось она, всё это на помойке нашла. К сведению особо любопытных, скажем: что на барахолке по субботам и воскресеньям она часто при-торговывала, и вовсе не вещами безвременно почившего мужа, которого у неё отродясь не бывало, а теми самыми вещами, которые меняла на самопальную водку. В те времена – прочного и фундаментально развитого социализма – силовые структуры ещё не имели понятия, что нужно с этим бороться. С самогонварением – по привычке, заимствованной ещё во времена нэпа – боролись, остальное: то всё чепуха...

Юрий Сундуков и Георгий Сидоров закончив с горем пополам восемь классов Азовской Средней школы и выпорхнув из стен детдома, собрались было с осени приступить к постижению наук токарно-фрезерного дела в Азовском ГПТУ (*Государственное профессионально-техническое училище*), чтобы потом после окончания его, стать ударниками и передовиками производства и заколачивать деньги на обильную жратву, а к ней и выпивку, где-нибудь на

заводе КПО или КПА (*Заводы кузнечнопрессового оборудования и автоматов*). Если со стороны посмотреть, то ка-

залось: оба инвалиды и сироты, хотя хворобой и не обременены были, хоть в плуг запрягай... Но!.. – измятые, истерзанные сиротством и на этой самой почве эти бедолаги приобрели вредную привычку: врождённую страсть к сладостям, ну и к остальной вкусной еде – как пожрать вволю и от пуза. Но, на худой конец, могли употреблять и что под руку попадётся. И так это их обоих раньше времени к стенке при-

пёрло – этой самой едой, которой у них никогда нету, что так они и не дошли, тем более не дотерпели, до этого славного зачинания – науки токарных и фрезерных станков постигать. Творческая их биография – этого мастерства от металла – так и не начавшись, вначале было завяла, а затем и совсем оборвалась. И на удивление, у обоих сразу: как у Хомяка, так и у Капусты – прямо на самом корню, где-то возле самой подошвы. Кстати, мы чуть было не забыли: беспризорность и бездомность – по вокзалам и электричкам шнырять – мимо них тоже ведь проскользнула – как бы так. Хотя по всем правилам – после того, как выпустили из детдома, должно было бы это состояться. Покушать они очень любили, как мы уже вам сказали, с самого что ни на есть малства.

Вот на этой самой почве, после того, как не раз были пойманы в детдомовской столовой, дальнейшая жизнь у них не задалась. И впоследствии таких уже возможностей почти не представлялось, где они лакомились сахаром, черпая его ложками прямо с мешка, или бывало и сухофрукты прихо-

дилось

им поедать. Поедать и глотать торопливо, не пережёвывая как следует, те са- мые фрукты, предназначенные для компота. Сам детский приют, в городе

Азове, располагался недалеко от городского рынка, куда они тоже частенько заглядывали, чтобы чего-нибудь съестного спереть. За это, даже когда их ло- вили, сильно не били, а просто пинали носком ботинка под зад, или резино- вым сапогом доставалось. Более гуманные граждане – в особен- ности, в лице продавщиц – с женской жалостью и со слезами на глазах, лишь в след им гля- дели, зная, кто они и откуда. Как-то, трезво подумав, ибо в те времена – эти

сироты ещё всякого говна на денатураатах не пили, как это будет потом – по- добные им – станут пить, запивать, нюхать и колотья, но это случится в более

«просвещённые» времена: в эру сотовых телефонов, смартфонов и всяких там интернетов с компьютерами. А нашим героям, буквально через пару но- чей пришла в голову иная светлая мысль, которая в те времена часто всеми

практиковалась. Пришла, и притом обоим и разом. В лет- ний период всё это и случилось. В промежутке между шко- лой и ГПТУ. Ни каникулы тебе, ни то – ни сё, а так, болтай- ся, как говно в колодце, а жрать-то хочется. Подумали дру- зья и вдруг решили, – надо брать магазин, и точка!.. Сколько можно голодным си- деть?!.. Совершить налёт и брать мага- зин, было решено, как можно по- дальше от дома.

– Чем дальше нагадим, тем меньше под носом будет вонять, – сказал самый продвинутый в этом вопросе Жорик-Капуста. Потому и не впадая в крайности и не страдая малодушием, выбор упал на посёлок Красногоровку. Не

повезло ей бедной – этой самой Красногоровке – по той причине, что она находилась на окраине и протянулась на выезде из города Азова, если направляться в сторону Ростова-на-Дону. Несколько дней ушло на то, чтобы тщательно присмотреться к объекту. Подготовиться, так сказать – основательно. После чего, в безлунную ночь, в мешок положили, бухнув при этом об пол, заблаговременно приготовленный булыжник-голыш, весом килограммов под десять, который обычно хозяйки применяют как гнёт на капусту и другие соленья. Следом за этим «банда» отправилась на операцию. Мешок с булыжником несли за спиной строго по очереди, считая шаги. Вот и «Продмаг», как привидение стоит на пути: под фонарём на столбе, возникнув

сквозь листья деревьев. Сторожей здесь не держали с тех самых пор, как

внедрять стали новый метод охраны объектов, доверившись – «новизне» – более современной звуковой электрической сигнализации. Эта немаловажная

деталь была подельниками установлена точно и без всякой «булды». Рядом в кустах лежала уже приготовленная заранее проволока – диаметром в шесть миллиметров и состоявшая из звеньев, как цепь. Сию проволоку они ещё

два дня тому назад приволокли в расположение объекта, позаимствовав её на железнодорожной разгрузочной площадке. К проволоке привязали белевую верёвку, снятую по пути. Хомяк, раскрутив её над головой, будто бы решил огромного в Дону сома поймать, забросил устройство на электриче-

ские провода. Вначале шарахнуло молнией – чего никак не могли они ожидать – электролиния оказалась высокого напряжения – отчего оба от страха присели, а глупые свои головы в плечи втянули. После, столь зверской рас-

правы над городским освещением, весь посёлок Красногоровка погрузился в кромешную тьму, а собаки во дворах принялись гавкать и выть, как будто бы свет с клином кончаются. Эти, двое экспроприаторов-придурков, как ни в чём не бывало, к тому же довольно смело, как у себя во дворе, которого отродясь не имели, подошли к витринному окну магазина, рядом с входной дверью.

Хомяк-Юра, хотя и страдал глубоким и пожизненным пороком плоскостопия и размером ноги – в сорок восемь, но в руках был силён и крепок. Давно известно, что, если в ногах у человека изъян, значит, сила в руках компенсируется. Раскрутив над головой мешок с гольшом – как до этого проделал он с

проволокой – косолапый Хомяк со всей дури долбанул гольшом в витринное стекло. Второй раз бить гольшом уже не потребовалось: образовалась дыра

– заезжай хоть трактором. За многолосьем гавканья цепных псов в соседних дворах и собачьего воя в округе: звука осыпавшихся стёкол, даже грабителям не очень слышно-то было, да они и не прислушивались. В голове совсем другие мысли витали, как побыстрее добраться до сладостей. Вытряхнув из мешка голыш прямо себе под ноги, Хомяк, скомкав мешок, сунул его себе

под мышку и теперь уже с пустой тарой первым полез в проём между разбитых стёкол. Посветив фонариком и определив, где и что лежит, а дальше, уже на тёмную, принялись между тем товар совать в свой мешок. Вначале занялись колбаской – она первой на пути оказалась – но чуть спустя во времени

сделали особый упор всё-таки на сладости. Мацая больше на тёмную: что к пальцам больше всего липло, то и кидали в мешок. Жорик, выдернув из мешка с сахаром совок, из ящичка черпал им шоколадные конфеты и что-то мурлыкая, переполненным ртом, кидал конфеты всё в тот же мешок, словно грабаркой. Хомяк же тем временем тоже даром время не терял, а прямо с

прилавка, сгрёб квадратный брусок халвы, килограммов на восемь, и этот брусок вмиг исчез в провале мешка.

Когда в соседнем с магазином частном дворе сильно завывала собака, Сидор-Капуста сказал:

– Вот дохлятина, окаянная псина!.. на-воет она нам на нашу голову ментов... Хомяк, может, пойдёшь и голышом её

приголубишь?..

– Ты чё?!.. с луны свалился?!.. где я её в темноте-то найду?!.. Брось обращать внимания на всякую хрень! Домой прибудем, наедемся, так уже наедемся!

За все голодные годы и за весь долгий срок, что тянули в гадючем детдоме... Сказал Хомяк, еле ворочая языком переполненного рта, и продолжая запи-

хивать в рот какую-то попавшуюся под руку вкуснятину. Подойдя к витрине, где стояла ликёроводочная продукция: вновь пришлось осветить фонариком. Какое-то время выбирали ликёры: да чтобы были послаще. Напихали бутылки в карманы, а в мешок уже сверху набросали всяких консервов, не глядя. И так как мешок был уже под завязку, принялись его укнутовывать куском всё той же бельевой верёвки. Взяв по краям, перевалили мешок на ту

сторону окна, поочерёдно вылезли... И в эту минуту в глаза им ударил яркий луч света – прожектор. А вместе с ним затявкала овчарка, и в «матюгальник» – из мегафона прозвучал грубый, но требовательный голос: «Поднимите руки и повернитесь лицом к стене!.. При попытке сопротивления или попытке по-

бега, будет применено оружие. Стрелять будем на поражение!..». Операция по экспроприации сладостей и остальной всякой вкусной еды в стенах азовской кооперации, не дойдя до своего завершения, рухнула, вопреки всем ожиданиям. Вскоре и суд состоялся: чего там тянуть?..

всего-то два, поло- умка. А после суда и ехать далеко не пришлось. Как раз, почти напротив, где магазин брали: через железнодорожные пути перейти, и вот она – и зона!..

исправительная колония для несовершеннолетних – «малолетка». Притом не где-нибудь, а рядышком с хим-складами: теперь два года вместо копчёной колбасы и ликёра, пришлось, нашим отморозенным персонажам, вдыхать с хим-складов аммиак. А если взобраться на второй этаж жилого корпуса коло- нии «малолетки» и посмотреть в окно, в сторону посёлка Красногоровка, то даже крышу вполне можно рассмотреть того злосчастливого магазина. Отсидев в колонии от звонка до звонка, ибо особыми талантами – эти хмыри – не бли- стали, чтобы выйти на волю по условно-досрочному, потопали они, куда их и направили. Не проявляя зла и не тая обиду, на кого бы то ни было в этом мире, как и на свою судьбу и на органы опеки в погонах: в общем зла ни на

кого не имели. Начхав на всякое своё самолюбие и под- смыкнув штаны на пу- пок, отправились эти два, придурка, на призывную комиссию в военкомат, намереваясь, честно отслужить где-нибудь в стройбате. В первом же каби- нете врачебный консилиум принялся на обоих писать «досье» – притом с за- главной буквы: и что больше всего удивляет, – о чём писали-то?! Что, оказы- вается, эти два индивида, ни под каким соусом и при любом раскладе, не го- дятся даже в стройбат сторожами, кирпичи охранять. Призывник Сун- дуков

страдал таким плоскостопием, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Все сбежавшиеся в кабинет – коллеги – пристально стали глядеть на небывалое

зрелище. Все от медицины, все в белых халатах, стоя в кругу: шушу да шушу, а в центре умастив на табуретку, сидит этот, экспонат – Сундуков; а ноги,

ноги-то, как у гориллы, только что белые. А эти – эскулапы – будто бы впервые видят такое, да с открытыми ртами, и все ведь врачи-доктора, и так это долго разглядывают ножные ступни Хомяка, при этом осторожно щупают своими руками; приплюмкивая, будто из его копыт собираются вечером наварить хо- лодца и пытаются определить, где тут перёд, а где зад у стопы. Что тут ва-

рить?!.. – чесался язык, у них спросить, – а что ведь и выбросить придётся. Прямо-таки загвоздка вышла с этими ногами. А тут, как на грех – второй такой же, – не лучше!.. И тоже призывник, и выглядит не лучшим образом. При

этом, немного подумав, заглянули в личные их дела: с одной, оказывается, конторы и за одним забором «малолетки» сидели, можно сказать, – что вчера. И пока у его друга разглядывали клешни, этот, второй: всё стоял да

стоял, опёршись плечом о дверной косяк, и о чём-то, видимо, негодник, о по- хабном, о чём-то мечтал или думал, потому что смотрел он в окно, где на клумбе задрав задницу кверху, пропалывала травку, девица – «красное сол- нышко». А тут – прямо некстати – очередь дошла до него.

– Призывник Сидоров, будьте добры повернуть свою голову в сторону комиссии... И нечего глазеть вам по окнам, когда у вас проверяют ваше здоровье!.. – строго сказала солидная дама, что-то уж больно похожая своими замашками на надзирательницу из Азовской колонии. В белом халате и колпаке, в квадратных очках, а когда постучала резиновым молоточком по

крышке стола, и видя, что её слова не дошли до адресата, вновь уже: сильнее стукнула тем резиновым молотком, и прокричала:

– Вас, что?!.. мои слова не касаются?!.. Или вам сразу выписать бронью – направление в областной психдиспансер, в Новочеркасск?!..

– У меня голова правильно повернута, – нагло сказал, проявляя хамство, при-

зывник Сидоров-Капуста и добавил, – если я её поверну в вашу сторону, тогда я вас вообще видеть не буду...

– Что-то новое, – сказала задумчиво дама-психиатр, – вы у глазника ещё не были?

– Ещё не успел, – ответил Жоржик и вначале поник бородой себе на грудь, разглядывая зачем-то кисти рук, но одним глазом при этом косил куда-то в потолок.

– Ну, да... я не глазник, но и отсюда вижу, что у вас, Сидоров, косоглазие похлеще, чем у зайца любого бывает... Собственно, зачем и кто вас к нам приправил?!.. Кому вы такие нужны? Вас в собес отправлять

надо и инвалидность вам оформлять, а не на медицинское освидетельствование по призыву на военную службу.

– Милиция их к нам направила, вот предписание от них, – сказала молоденькая барышня.

– Вот милиция пусть ими и дальше занимается, а нам они ни к чему. Выписывайте обоим белые билеты, чтобы и дальше не морочить людям головы...

Таким образом, бедолаг – инвалидов детства: один ногами страдает, только и годится, что хоть в виноделы в Цимлу или в Молдавию отправляй; виноград там будет, сорок восьмым своим размером ноги, топтать плоскими своими ластами-ступнями. А у второго, братка – по клоповникам – с головой, кажись, не совсем было всё в порядке, да такой непорядок просматривался... Сидорову-Капусте, чтобы увидеть что-то, надо было смотреть совсем в обратную

сторону, а то и голову положить себе на плечо и ставить глаза стоймя – вертикально к земле. В общем: обоих наших персонажей постиг очередной крах – а так мечталось, послужить на благо отчизны. С того коварного дня, погнало и покатило их, как смитьё по дороге, пока в город Ростов не прибило. Хомяк, таща свои грязные штанины по асфальту, еле успевал переставлять клешни, а Капуста только головой вертел из одного угла Старого базара во-второй, ко-
собоко вглядываясь, шуря глаза и близоруко присматриваясь, – где бы что

повкуснее спереть. И в таком вот мажоре-режиме, шаста-

ли они по закоулкам и помойкам ростовским, пока их Клава к себе под подол не подгрребла. С тех пор и стали втроем они жить, поживать и добра на палёной водке наживать. По правде сказать, сама Клавдия вообще-то почти не пила. Своим, оболтусам, отпускала всегда она норму: вечером на двоих по бутылке портвейна, а если ликёр, который был дорогой и который они любили, то только пол-литра, и только по воскресеньям. Начистив картошки пол ведра, жарили после на сале

или на шкварках, и когда остограмившись ликёром или портвейном, в который – для сладости – на стакан вина сыпали по две столовые ложки сахара, как в чай, и пили в прихлёбку, заедая картошкой. Насытившись до отвала, ложились все трое в одну постель, почивать. Перед тем, как улечься, заводили скандал, споря: кому очередь спать на краю, ибо частенько крайнего сталкивали и ночью он с грохотом падал на пол. Клавдия какое-то время обычно

слушала, потом, пытаясь прекратить семейный спор, незлобно кричала:

– Эй, молочные братья, чего расквохтались?!.. Яйцо вам, ублюдкам, всё равно не снести. Сиську горазды сосать хоть всю ночь напролёт: один с одной стороны, второй с другой, а бутылок готовых к реализации, смотрю, кот наплакал... Чё за дела?!..

– В сиськах у вас, тётя Клава, всё равно молока нету... – сказал с укором и поддевкой Хомяк-косолапый.

– Чево-о-о?!.. – скривив свои красивые губки, спросила Клавдия и немного помолчав, добавила, – и правда, говорят, нахальство не имеет границ... Вам- то, обжорам, ещё и молока подавай?!.. Да если бы у меня ещё и молоко там было, вы бы, обормоты, меня в неделю до шкурки высосали... до- смерти бы засосали!.. Вот бестолочи! Им говоришь, что на- завтра бутылок мало, а им в сиське молока подавай... Ко- гда же я от вас уже избавлюсь?!..

Произносила Клавдия эти крамольные слова хотя и брезг- ливо, но без зло- сти, а больше для понту; высказывание рассчитанное больше на публику, со- стоящую из этих дво- их, деляг-недотёп. На самом же деле, как бы она не со- глашалась или не противилась в душе той противоестествен- ности – самой мо- ногамии – и крайне отрицательно не от- носилась к прочим научным терми- нам: в её положении – стремясь избежать одиночества – всем своим женским чу- тьём она понимала, что лучше иметь под боком двоих, хотя и придуркова- тых, и порой для неё ненавистных молодых особей-слуг, мужского пола, чем не иметь вообще живой ду- ши на кровати...

Но вернёмся в то непогожее утро, которое, оказывается, прямо с ранья не задалось не только этим троим, о которых мы рассказали, но и для нашего главного героя романа, Ген- доша. Оно – это утро, было для него, пожалуй, оче- редным испытанием-пыткой. Со стороны азовского гнилого кутка, как мы уже обмолвились, со стороны мелководья, прозывае-

мым почему-то морем, про- должал дуть порывистый ветер, срывая листы железа на крышах и тарахтя

шиферинами. Подталкиваемый ветром в спину, Гендош неторопливо брёл по трамвайным путям, всё по той же улице Станиславского, поглядывая выму-

ченным взглядом на тротуары. Он умышленно шёл посреди трамвайной колеи, решив: что, если он будет идти по тротуару, то на голову может упасть кусок шифера и тогда, если не прийдёт до-смерти, то сделает его придурком...

«А так, чем мучиться, – продолжая движение, думал Иван Ильич, – то пусть лучше трамваем задавит, как когда-то трамвай задавил Михаила Александровича Берлиоза, когда тот поскользнулся, переходя сквозь турникет. Правда,

это было очень давно, ещё в конце двадцатых годов, во времена, когда Нэп разогнали, притом и в Москве, на Патриарших прудах, а тут всё-таки Ростов... и давным-давно утвердилась советская власть. Но, Мишка-то, Булгаков, как помнится, сам всему этому способствовал!..

Переступая ямы в булыжной мостовой и поглядывая с опаской на крыши, продолжал размышлять Иван Ильич:

– Он ведь, не пожелав вовремя предупредить своего героя, взял, недо- тёпа, да на пару с дьяволом, с тем, Воландом, и в самом начале своего романа бросил бедного Берлиоза прямо под трамвай. Да как бросил!.. Бросил так, что и голова покатила по мостовой!.. Сюжет невольной скорби, почти, как у меня на фабрики случилось, с разницей, что

голову свою я сумел унести на плечах...».

Улица Станиславского, хотя уже и проснулась, глаза продрал: растянулась

– словно кишка – от самой Темернички, строго с Запада на Восток. Давно растянулась, ещё когда иное название таскала на себе. Да и располагалась она

пожизненно в старой черте города, а на эту минуту она была в ожидании того часа, когда по её булыжникам побежит народ за простоквашей и хлебом, а кто-то и за пузырьём палёной водки – в дом, где Клавдия сосуществовала. А вот, что касается до всяких там революций и инквизиторов из Чека, как мы уже сказали, скорее всего улица носила другое название. Мы, право, не

знаем какое, и лень в историю города заглянуть, но, говорят, что при старом режиме, вроде бы называлась – Почтовой, да это не столь и важно, ибо к театру и кино, как сейчас, вряд ли название улицы имело отношение. Будь она какая-нибудь – если не Почтовая, то Стародворянская или Николаево-Сева-стопольская; хотя, если судить именно сейчас, по её внешнему виду, стареть

она, даже при новом режиме, вовсе не собиралась. Улица продолжала сохранять себя такой же молодой и опрятно зачуханной, как последняя паскудная шалава с помойки, как будто бы ей и время не в прок. Как и тогда, полтора-ста и больше лет назад, с времён ещё Николая-первого, когда он вначале тот самый Севастополь англо-французам сдал,

а до этого, на Сенатской площади, в

Петербурге, принялся вешать своих дворян-декабристов, как гирлянды на ёлку. Но это было тоже давно; и на сей день, всем поголовно «советикус-то-варишам», почему-то казалось, что это было неправда... В то, что коммунизм завтра наступит: одна половина граждан в стране верила, как и во второе

пришествие Христа, верила остальная часть населения, а то, что царь кого-то там из дворян вешал, – такого, быть не может, то пропаганда... Пугачёвцев вешал – это давно всем известно, а вот своих дворян... – видимо, бряхня!..

С того дня, как Гендош, рассчитавшись за квартиру, с Марковной-трактористкой, покинул окрестности зоопарка, прошло больше недели. Последние эти дни у него погрязли в тщетных поисках места для дальнейшего существования – на предмет, как выжить. Ещё в тот день, когда он покинул старушечье подворье, провонявшееся затхлостью всякой рухляди: проходя мимо зоо-

парка, он с грустью и с сожалением в душе смотрел сквозь металлические

путья забора на звериную обитель, а в голове появилась шальная мысль, и в душе непреодолимое, тоскливое желание: подселиться, хотя бы на время к

этим тварям, в какую-нибудь клетку и обрести в-уголку покой, а заодно и калорийную пайку...

Но в это паскудное время и в эту самую тошнотворную

минуту, Гендош, вы- мотанный и выжатый, казалось до бесчувствия, находился почти на грани кондрашки или готовым совершить очередную глупость, к примеру, бро-

ситься под трамвай. Вопреки всему, ноги, налитые свинцовой тяжестью, про- должны сами по себе нести его в непонятную даль городских кварталов. И всё-таки, машинально и интуитивно, шагал он в расположение того самого

блошиного рынка-толчка. Выйдя на угол улицы Станиславского и переулка Семашко, он остановился в растерянности... Переулок, на удивление, был

пуст. Один только ветер гулял, гоняя на столбах провода, как качели и кружа на асфальте бумажки и прочий мусор. Штормовая погода спугнула постоянных участников ранее бесперебойного процесса торговли. Какая-то, лахудра – пьянь подзаборная: худая, как жердь саксаула, в драповом пальто с про-

жжённой полрой, в резиновых галошах на босу ногу, прошкандыляла мимо, спросив закурить. У Гендоша в эту минуту сигарет не имелось, как и самого настроения: с кем-либо вести разговор. Последнее время, экономя деньги,

он почти не курил. Потому со злобой и ответил, словно отбрил, – что не курит и ей не советует. «Шаболда», – сказал он последнее слово ей в след, и думал, на этом расстался. Но не тут-то было. Бродяжка, остановившись, вернулась: раззявила свой неопрятный сморщенный рот, и, по всей видимости, он ещё был у неё и вонючий, к тому же – беззубый

и почему-то чёрный. Она при этом

ещё его и скривила – это уродство, после чего прошамкала: «Благодарствую вас, сударь, – а уходя, добавила, – чтобы ты, выродок, подавился от жадности!..». После чего через плечо на бок сплюнула жёлтый комок слизи, величиной в половину кулака, и волоча подошвами галош по асфальту, проследовала дальше...

И снова – ветер, безлюдье и безмолвие. Казалось – пустота в самой пустоте, а дальше и жизни-то нету!.. В ста метрах от угла, перегородив весь проезд, лежит тополь, ветром сломленный. Бродячие собаки, которым деваться некуда: иные просто сидят, скучая и подмостив под задницу хвост, в ожидании чего-то своего, по собачьим понятиям; другие, худые и бока все в коростах – с повисшими ушами, дрожа и прижавшись к стене у подъезда, замерли, но

продолжали с любопытством смотреть на одинокого пешехода-странника, застрявшего на самом углу, на сквозняке. Улица, как и сам переулок, поменявшие лишь названия, оставались пустынной и без всяких на то изменений, как в том далёком двадцатом году, когда на второй день Рождества Христова в Ростов вошли «красные». И точно вот также, обыватели-горожане, хорошо

помня прошлое посещение этих самых «красных» ещё в восемнадцатом, и которое может разве только в кошмарном сне кому-то присниться, мигом прятались в своих домах и квартирах. Для многих частный дом, будто кре-

помня прошлое посещение этих самых «красных» ещё в восемнадцатом, и которое может разве только в кошмарном сне кому-то присниться, мигом прятались в своих домах и квартирах. Для многих частный дом, будто кре-

пость, где быстро закрыли ставни на окнах, перепоясав их железными прогонами, а двери изнутри подпёрли столбом, а то и придвинули шкаф. Город-

ской обыватель замер, и затаив дыхание, прислушивался к каждому шороху и звуку на улице...

Удивительная вещь, но именно сейчас, Ивану Ильичу, невольно пришла в голову мысль: он вдруг вспомнил, что как раз на этом углу он пытался догнать тех двоих «шакалов-азеров», которые обманным путём увели у него дорогие часы, подарок от жены и тёщи в честь его сорокалетия. «А вон там, у тех ворот с рюшечками, стояла тогда та женщина...», – подумал он, и уже было дёрнулся, повернуться и уйти, когда неожиданно из-за угла вышли трое. После он скажет себе, – что на ловца и зверь бежит, или мистика по пятам за ним

бродит. А в эту самую минуту он стоял растерявшийся, одолеваемый мрачными мыслями и, как неприкаянный зомби. Впереди шёл Сидоров-Капуста, в шаге за ним шлёпал ступнями, как лапами, Хомяк-косолапый, а позади, боком к ветру, Клавдия семенила ногами. Если бы не стильно одетая женщина, среди этих двоих бродяг, Гендош бы, не придавая им значения, повернулся

бы и ушёл. Но, какая-то непонятная сила, что-то внутри у него, заставила за-

держивать на ней взгляд и приковать всё своё внимание. На её лицо ветром забросило мохеровый пышный шарф

и потому Иван Ильич не признал её сразу. А она, подойдя ближе, вдруг остановилась, и смеясь через шарфик, спросила:

– Молодой и интересный мужчина, видимо заблудился, коль у него хватает терпения стоять здесь на ветру, при невыносимой погоде?.. Вы у меня проявляете уважение и большой преобладающий интерес, случаем не меня ли вы тут поджидаете?.. Личность ваша мне что-то до боли знакома, а припомнить никак не могу... Хотя, давайте, не будем лукавить... и времени нету стоять на ветру... Сразу перейдём к деловому разговору... Лады?!..

Сопровождающая её свита замерла посреди улицы и с интересом, оценивая, принялась разглядывать Гендоша, который не знал, что ей ответить – этой, судя по голосу, вроде бы очень знакомой женщине, но, как на грех, на сию минуту всё вылетело из головы. Наконец, она закинула край лохматого своего шарфа за спину, и тут только Геннадий узнал свою случайную знакомую, но растерянно продолжал и дальше молчать... Исправляя неловкость

положения, Клавдия, уже сама проявляя инициативу, сделала попытку завязать-таки разговор. Продолжая лукаво глядеть в лицо Ивана Ильича, сказала:

– Кстати, мы тогда так и не познакомились с вами... Я ведь не ошибаюсь, и вы – тот пострадавший... У вас тогда ещё, как мне помнится, наручные часы кавказцы спёрли, или отняли... Поверьте, я бы тогда, быть может, и помог-

ла вам в чём-то, но у меня на ту минуту своих бед хватало, того и гляди, могли мусора замести... Так что не обессудьте, гражданин, и без обиды... Лады?.. А зовут меня Клавдия Максимовна, если вас и фамилия моя интересует... – Сироткина я. Прямо неудобно... Какая-то – куда ни кинь – а выходит я, и правда, одинока, как сирота, и только... Разве премудростей всяких досягнёшь?!.. Это не для нас. Мы люди малообразованны... И как я предполагаю, в отличие от вас... Вот только двое племяшей мне проходу не дают и словно хвосты за мною по пятам ходят: боятся, чтобы их тётю не уволок кто-то... Ну, к примеру, типа вас, неизвестный и не желающий почему-то назваться... И я вас умоляю, бросьте, смотреть на меня, будто я кастрюля с борщом или с мясом...

– Зовут меня Геннадием, Куцанков Геннадий, можно без отчества и титулов всяких, а проще – Гендошем зовите, если, конечно, хотите; так меня на ро-

стовском бану чаще всего погоняют... и вам разрешаю... – сказал Иван Ильич и снова потупился, не зная, о чём говорить с ней дальше.

– Вы, Геннадий, с тех пор как-то осунулись и не очень сейчас опрятно выглядите. В тот раз ваш имидж не затасканным был и сильно отличался от прежнего... шкетом поганым, как сейчас, вроде бы не были... Что-то случилось?..

Пьянством страдать начали или схоронили кого-то?..

– Не угадали, мадам Сироткина... Я вообще-то редко

пью... и хоронить мне, пожалуй, некого; один я... Как перст один на земле...

– Почему тогда вид такой, как будто тебя из бомжатника выпустили?..

– Так уж сложилось... Некуда бедному крестьянину податься...

– Ну, насчёт крестьян, ваша светлость... Куцанков – кажется, так вы сказали? хочу сразу вам возразить и объявить, без бледности на зубах и на теле... Не мне это вам говорить, потому и темнить вам не стоит... Вас, Геннадий, речь выдаёт – диалект. Вы городской и с образованием. У вас это со всех дыр выпячивается... Скорее всего, вы откуда-то из Москвы или Ленинграда, но не местный. Я ещё в тот раз хотела, вернее собиралась, вам кое-что сказать по этому поводу, но право, не сложилось тогда... – впрочем, глядя сейчас на вас... —

была не была!.. Не пропадать же вам и дальше, и всё на том же месте!.. Я тогда с вами как-то не совсем по-людски обошлась, и чтобы загладить вину перед вами... В общем так. Вернуться прямо сейчас домой, я не смогу, имеются ещё неотложные дела в городе. Хотите, адрес свой дайте и к вечеру подхо-

дите, хотите, пошли за компанию с нами, если располагаете временем...

– Чего, чего, а этого добра у меня через край... – Сказал Иван Ильич, испытывая в душе в эту минуту нахлынувшую

волну блаженства и радости. И в это мгновение в душе его буйной благодати, Гендошу вдруг показалось и даже

будто бы померещилось, что там, где-то вдали, в просвете переулка, в дымке тумана над Доном, которого в ветряную погоду никогда не бывает, что-то

происходит мистическое. На самом же деле – это была какая-то пелена на глазах, но ему почудилось, что его жизнь, Побрякушкина, жизнь бывшего директора крупной текстильной фабрики сделав замысловатую петлю, совершила новый восходящий виток к светлому и счастливому бытию челове-

скому. И дальше... – дальше ему уже не придётся прозябать в подворотнях, прячась в подъездах, дрожать, как в осеннюю, так и в зимнюю пору по свал-

кам – «грачам», а при затянувшемся холоде и ненастье, долгими и мерзкими ночами зябко стучать зубами, сидя в какой-нибудь норе, в крошечной темноте... В эту минуту голос Клавдии вывел его из раздумий.

– Ну вот и прекрасно... Мальчики!.. – повернувшись лицом к «племяшам», позвала она бестолковых своих слуг, будто своих непослушных детей, – берите в свою мужскую компанию – вот, Геннадия, и для вас он с этого часа будет – дядя Гена, уразумели, негодники?!.. Двое хорошо, а трое всё-таки

лучше. Бог троицу любит. Не так ли?!.. Кто не согласен, сегодня спать будет на голодный желудок...

– А где он спать у нас будет?.. лишнего места у нас нету, а под кроватью он не захочет, а?.. – спросил усмехаясь, по хамски, Хомяк-Сундуков.

– На толчке, в туалете, – с ехидством поддержал, подсказал Капуста, и закатив глаза, как ненормальный заржал.

– А ну прекратили, паясничать и падать в припадки, придурки!.. – а то я вам блокадный Ленинград сегодня устрою и самим под кроватью придётся вам ночь коротать, что, как я и предполагаю, так и случится.

Сказала Клавдия и взяв Гендоша под руку, и уже обращаясь к нему, подвела итог разговора:

– Не обращайтесь, Геннадий, на них внимания, что с недоделанных дураков взять... Притом конченные. Не внушают они у меня доверия, а в чердаке у каждого дыра, как прорубь на речке, нога провалится... И что с ними прикажите делать?.. В голове кроме глупостей всяких, одна солома... Забурели, шмаровозы. Разгонять давно пора... В ближайшие дни на Ростсельмаш определю работать, вот там, в «Бухенвальде», уже не пожируют...

Сделав длинную паузу, Клавдия обернувшись, из-за плеча глянула на своё сопровождение и крикнула:

– Эй, бестолочи, не забывайте по пути в урны заглядывать, тары дома кот наплакал... И потопали уже быстрее, время не ждёт...

Покрепче взяв под руку Геннадия, Клавдия уверенным шагом пошла против ветра, а вся компания двинулась сле-

дом. В тот день – нашего «чувака» – изгнанника и короля трикотажа, Гендоша: судьба-злодейка, будто бы случайно, прибив его к берегу до этой компании – как это иногда случается, когда бездомный кобель прибивается к бродячей сучьей свадьбе – и в течении всего дня он будет следовать у них по пятам, а по пути его покормят беляшами, и в кафетерии попоют несколько раз горячим кофе... Он же тем временем будет тщательно присматриваться, к поведению этих троих непонятных для него людей. И лишь только к вечеру Геннадий сделал для себя конкретный логический вывод, от которого на душе легче не стало, а даже – вопреки утреннему, в духовном плане – возвышенному настроению и ожиданию: мерзко и гадостно, словно на душу выльют ушат грязных помоев. То, что эти двое, с первого взгляда пустобрёхи и шалопаи и оба явно относятся к шусере, в этом вопросе не стоило ему ломать себе голову, но со стороны слушающей их грязные и откровенные разговоры меж собой, когда Клавдия, покинув их, уходила куда-то в очередное на их пути здание, Гендош, вдруг сделал для себя ещё одно немаловажное и сногсшибательное открытие. Как он стал понимать, что никакие они ей не племянники и даже зазнобой Клавдия для них

не является, а всё довольно банально и до неприличия грязно: оба спят с нею, – по-скотски! И ко всему этому – сразу вдвоём. От такого открытия, Геннадия тошнило, и он хотел сразу плюнуть и уйти, но немного подумав, решил по-

временить: «А вдруг я ошибаюсь, – мысленно сказал он себе, – и совсем не так обстоит всё на самом деле... Мало ли что этим, придуркам, взбрѣдет в голову болтать про неё. Может быть, всё то, о чём они языком мололи – их

мечты. Или было рассчитано лишь на меня, чтобы меня отшить от Клавдии. Хотя, один-то, ещё в самом начале сказал, что спать всем негде... Значит, из этого выходит... Да и куда мне идти?!.. Снова, к старухе проситься?.. Или к

Бове Харитону на кладбище, могилы копать... Куда мне дѣргаться, когда зима на носу?!..».

Вернувшись под вечер на улицу Седова, когда солнце было ещё высоко, в квартиру вошли уставшие и у каждого по две авоськи в руках. В одних авоськах лежали продукты и выпивка, в остальных – пустые бутылки из-под водки. Квартирка тесноватая, а ранее, вероятно, входила в число коммунальной. Потом переделали, отгородив туалет с душевой и миниатюрную кухоньку.

Прямо у входной двери, стоял – то ли топчанчик, то ли кушетка: ребѣнку лишь на нём спать, но скорее всего переделанный старый диван. У стенки под персидским ковром стоит широкая деревянная кровать: достопримечательность всей этой квартиры. Кровать застелена нарядным из атласа покрывалом, а на ней горка подушек в накидках. Посреди комнаты круглый стол и рядом

трюмо с тремя зеркалами, за которым расположился, впритык к кровати, двух-дверный шкаф для одежды.

Несколько стульев и телевизор на тумбочке, а на полу, рядом с ним, радиола с проигрывателем и стопка пластинок. Вот и вся обстановка. На кухне, сквозь занавеску, виднелись на полу только пустые бутылки и угол кухонного стола. Рядом слышалось сопенье Капусты, а у порога возня с ботинком косолапого Хомяка.

– Хомяк!.. – крикнула Клава, снимая с себя верхнюю одежду, – чтобы ты

своим языком не блудил, тебе... да, пожалуй, и твоему другу, сегодня спать

под кроватью, как и договаривались ещё там, у базара... Будешь права качать и выступать не по делу, голодным оставлю, или на площадку в подъезд ночевать вас отправлю... Тебя первого вышвырну... – как паршивого кота, так и

знай, недошлёпа!.. Потому, подлая твоя ненасытная утроба, быстро на кухню и всю тару заполнить на завтра и на вечер... Скоро стемнеет, попрут ходоки... Сидоркин!.. твою дивизию мать!.. давай, садись чистить картошку... Я, к вашему сведению, уже с ног валюсь!.. Точно, раньше времени в гроб меня уложите, потому тёте хотя бы чуть-чуть надо полежать... Гость наш тоже

устал... Раздевайся, Геннадий, на них не смотри, думай, что их здесь нету... От этих слов, произнесённых Клавой – насчёт кровати – в мыслях у Гендоша

вновь возникло подозрение: «Здесь что-то не так! – подумал он. – Неспроста она сказала, что Хомяку и его дру-

гу спать под кроватью, проговорила!..». В эти минуты, по необъяснимой причине, его почему-то неумолимо и с садистской жесткостью пытки, душу истязая, всецело тянуло к этой сладкой женщине. И в то же время, она, являясь для него, как бы и никто: не давала повода и право изливать эти чувства. Но, вопреки этому: у Ивана Ильича, всё

больше возникала и полыхала в душе та проклятая ревность и злость. Хоть пойдешь и удавишься в пролёте лестничного марша!.. В душе и мыслях полыхало желание, выбросить этих двоих, подонков-мерзавцев, с лестницы – да вниз головой! потом вернувшись в квартиру, набить – эту красивую мордашку са-

мой Клавье, а после затащить её в постель, раздеть до гола и надругаться над ней и собой до потери своего и её сознания, как, вероятно, надругались над нею, видимо, каждую ночь, эти два, ханурика-засранца!..

Пошлые, воинственные и в то же время скорбные мысли Гендоша были

прерваны, протарахтевшим, как будильник, звонком у двери. Капуста-Жорик, до этого усевшись на пороге кухни, чтобы с этой позиции за всеми наблюдать, заканчивал чистить картошку, а Хомяк в это время позванивал на кухне бутылками, разливая горючий «нектар» для реализации. В квартире царил атмосфера безмятежного бытия, и лишь лёгкие колебания воздуха под потолком, будто начадили под куполом церкви ладаном. В помещении стоял

спиртной дух, и это лишь нарушало гармонию семейного бытия, но предре- кало скорую выпивку, под жаренную на сале и колбасе картошку.

– Что-то рановато первого клиента принесло...

Недовольно сказала Клавдия, продолжая лежать на кровати, подложив под голову руки. Задумчиво глядя в потолок, после паузы, продолжила:

– Жоржик, будь умницей, пойди и впусти, страждущего лыцаря-доходягу. Капуста-Сидоркин, со словами: «Не дадут за целый день, пидары-дятлы,

нормально еду приготовить и спокойно пожрать!..», со злостью бросил нож в кастрюлю с начищенной уже картошкой, и направился открывать дверь.

На пороге возник, с гримасой дебила на роже – зек – из соседнего дома, второго подъезда, о котором ещё утром вели разговор. Тюремная личность, подселившаяся недавно у Маруси, у дамки-брюхатой и её сожителя, а заодно и собутыльника полоумного Бациллы-шприца, какой-то ранее неожиданно-

стью для проживающих граждан не являлась. Сюда всегда ветром удачи

надувало подобных типов часто и густо, и, этот, новенький, ничем, заслужи- вающим внимания, не выделялся. От порога глядело, этакое мурло-мурлом, и, кажется, сразу на всех, но больше косил глазом в сторону лежащей на кровати Клавы. Харя, напоминающая клиновидную мордочку

суслика, а скорее всего огромную дулю. Ладно бы – на роже присутствует лишь только гримаса вырождения, а то ведь и признаки идиотизма, на фоне острейшего слабоумия: и всё это даже несведущему человеку невооружённым глазом видать. И даже Клаве, с кровати, где она лежит, и без всяких на то напряжений, думает, чёрт знает о чём, но скорее всего, как она будет сегодня спать сразу с троими. А если ещё и судить, глядя на зека, на его перекошенный рот с пеной в уголках синих губ – на мысль приходило, что уголовный тип явно находится на грани бешенства, как у собак в летнюю и жаркую пору. У самого носа, на щеке, бородавка торчит, словно гриб навозник; крысиные глазки, сведённые к узкой переносице почти что до кучи. И этот брак самой природы, глядел

сейчас на всех так, будто сию минуту, попросив извинения, незванный гость

побежит опорожняться до-ветру. Рожа-то, рожа!.. Давно не бритая и вся в каких-то проплешинах, словно по всей его морде черти огород неумело пахали; или долго гулял и процветал стригущий лишай; или ещё хуже, когда ранней весной неожиданно морозом побьёт уже вылезшую из земли картофельную ботву и она превратилась в проплешины. Рот полураскрыт и находится в

преддверии улыбки, правда, умалишённого. Если бы пред вами предстал

этот душевнобольной тип, вы бы ночи потом не спали.

На нижней челюсти, во рту, две металлические фиксы торчат, словно клыки: мутные, железные фиксы и, вероятно, ни разу так и не чистились с того знаменательного дня, когда их внедряли в эту перекошенную пасть; и случилось это, где-то ещё в рас- положении «зоны», на Каменке. Вопреки ожиданиям, на глазах присутствующих, нарисовалась та порода уголовника, с явными и отчётливыми признаками человеческого вырождения, а то, может быть, и бешенства, каких требуется пожизненно держать за кирпичным забором. Такие, типяры, на «зоне» являются самыми опасными для окружающих, имеется в виду – для нормальных зеков, с мозгами. Прежде всего – эти недоноски – они, по своей природе немощны во всех отношениях и без исключения; из-за этого мстительны, коварны и злы. Сильный никогда слабого не обидит, а вот подобные субъекты, в любую секунду – ни с того, ни с чего – просто за нечаянно брошенное кем-то

слово: он может пырнуть в темноте и даже в строю, или к примеру, в столовой, заточкой под рёбра, а то и под лопатку, метя прямо под сердце. О таких говорят, – отмороженный не только на всю голову, но и на всю жопу. Минуты три или четыре, этот экземпляр, недоразвитый суслик, под именем – «зек» и под неизвестной пока ещё кличкой, тем более, что интересоваться этим, желяющих пока не находилось, стоял у порога и всё продолжал разглядывать комнату и самих жильцов. Затем он чахоточно в кулак откаш-

лялся и этак ехидно – с явным и отчётливым презрением ко всем – перекосив свой слюня- вый и неопрятный рот, с тонкими полосками растрескавшихся губ, с сарказмом, протявкали, будто дворовая собака:

– Привет честной, бластной компании!.. барыги и спекулянты богатянов-ские!.. Шо-то вас тут натолкали, будто в отстойник... в буре и то посвобод-

ней... И по чём сѣдни у вас пойло?.. Держу мазу, и зырнуть долго мне за-подло и так правильные понятия имею, шо не ждали вы меня, босяки вы богатянов-ские... Ну, ничаво, щас разберѣмси... Бацилла-шприц, базарил, что живѣте вы тута, как сыр в масле катаетесь...

– Ты, гнида зековская, заходя, вначале разрешения спрашивай!.. – прерывая разглагольствованиа зека, прокричала Клавдия и продолжая лежать на кровати, – а не предьяву кидай, недоносок вонючий!.. Не вздумай ещё мне полы тут затоптать!.. Это – Богатяновка тебе, а не Каменка, где ты сидел на параше, иначе мордой твоей пол вытирать буду! У нас разубаюются, входя в храм веселья, а заодно и для кого-то – печали... тебе, например...

– Чѣ за базар, шмара вокзальная?!.. Ты, соска, лежи, где лежишь, пока я

сверху на тебя не уместился и не отдрючил тебя, как шконку на зоне за червонец годов... Чѣ-то в тему не въеду, а, хмыри?!.. Чѣ за базар гнилой, в-натуре?!.. Чѣ у вас тут за расклад и, какая-то баба ещё и синьку гонит?!.. В общем,

будет ничтяк, если добазаримся... Прослышал, непонятной водярой вы тут торгуете...

Тем временем Клавдия уже повернулась на бок, подперев рукой голову и глядя на непрошенного гостя, прервав его возмущения, выпалила:

– Ты, ханыга-шпана, не строй тут из себя святого Луку!.. тем более автори- тета. Не бывал ты, видимо, ещё в настоящих ежовых рукавицах, придётся тебе их устроить. Чего ты, гнида, припёрся, спрашивается? Чего тебе надо от нас?! Геморрой подлечить?.. Так это в два счёта... Щас спущусь на низ, схожу до телефонной будки, звякну, куда надо... И снова: нас утро встречает рассве- том... не спит уже наша страна... На Каменке, дебил, встречать утро будешь!.. Или, если повезёт, на Кировском, в карцере, на бетонном полу... Усёк, ша- кал?.. Пойдёшь, по статье за грабёж, сука! Вон, свидетелей сколько!.. мамой клянусь!.. Так что лучше выйди и закрой дверь с обратной стороны...

– А я понты и не кидал, надёжу в душе всё таил, что добазаримся мы... Не

уж-то всего пару пузырей водяры бедному зеку, откинулся токо, а вы пожа- лели... эх вы-ы! не обеднели бы...

– По человечески надо было начинать, а не так, как ты... Вот за это, хам, те- перь свой конец соси, если дотянешься, чего мы тебе от души и желаем, и проваливай нахрен!.. – сказала Клава с усмешкой и приклацнула языком.

– Чево?!.. ты чё это, шалава казённая, понты гонишь и му-

соров сюда ещё приплела, будто я на стрёме стою у тебя, а ты собрав в хате шобло, шнырей этих, права решила качать... Да век мне свободы не видать и падлой буду!.. попишу, суки!..

Поняв, что планы его срываются, зек решил пойти ва-банк. Раскинув руки веером: на левой растопырив лишь пальцы, а в правой блеснуло короткое лезвие финки; голову, как гусак, выпер вперёд, ноги полусогнуты в коленях, медленным шагом двинулся в сторону кровати. Иван Ильич сидел на кушетке у самого входа, и сейчас он метался в душе, глазами отыскивая поблизости предмет: что ему поскорее взять в руки. Но, как на грех, кроме в углу совка и веника под рукой не было даже табуретки. В эту минуту из кухни, зайдя зеку со спины, вышел Хомяк-Сундуков с двумя бутылками в руках, держа их за горлышки, наполненные водкой. Подняв над головой уголовника бутылки, и как когда-то мешком с гольшом саданул он в витринное окно магазина, сей-час со словами: «Ах ты, собака!.. я тебе покажу, как наезжать и оскорблять нашу тётю Клаву!..» – одновременно шархнул по темени зека бутылками

сзади. «Рэкетир» – с копыток, а бутылки – вдребезги. Распластался зек на

полу, лежит раскинув руки, в одной из которых зажат нож, а Хомяк стоит и улыбается. Сидоров-Капуста подбежал к кастрюле с картошкой и выхватил нож. Клава крикнула, подумав, что тот решил зека дорезать:

– А ну угомонись!.. не хватало мне ещё тут кровищи, вон и так с головы у него течёт!..

Она уже стояла над зеком, думая, что с ним делать дальше, а Капуста ска- зал:

– Тётя Клава, я вовсе не резать его собрался... Надо бельевую верёвку на кухне обрезать и его крепко связать, пока этот волчара не очухался...

– Связывайте. На всякий случай вяжите покрепче, а если лапти откинёт, вы- бросим, как мусор – в окно, вниз головой, а после скажем, что так оно и

было... Сам выпал... Параличный!.. потому и выпал... По-пьяне выпал, неиз- вестно с какого окна, а может, на крышу залез... Засуньте ему в горло бутылку и водку залейте... Если захлебнётся – туда ему и дорога, собаке и собачья смерть... Да... карманы у него проверьте, а то не ровен час, успел какую-ни- будь нашу вещицу спереть, а это против нас будет улика...

Вскоре зек со связанными руками и ногами лежал уже по- среди комнаты,

почти под столом, и тяжело с прихлёбом сопел. Изо- рта, когда он икал, вместе с пеной и водкой сочилась тягучая струйка. Клава присела на присядки, раз- двинув у «пленни- ка» на голове жиденькие волоса, стала рассматривать рану, сказав успокающе:

– Кепка спасла, на толстой подбивке, в рубашке, гад, ро- дился!.. Хотя бы уже своей блевотиной захлебнулся...

Взяв в руки кепку, которая рядом лежала и повертев её в руках, Клава швырнула её пострадавшему прямо на грудь, будто уже покойнику, после чего, оценивая, сказала:

– Добротная кепка, и работа тюремная... Там халтуру не гонят... Эту, вонючую падаль, не то, что убить, его не добьёшь! Голова, как черепаший пан-

цирь, только одни царапины... Нормальный человек бывает на гололёде поскользнулся, упал, и убился, а такую нечисть, и на том свете не принимают!..

– А, может, пойти и с трубы волыну достать, и шлёпнуть его, гада?.. – спросил на полном серьёзе Юра Хомяк, – а то, если до Дона тянуть, то не близко; и орать будет, если очнётся... Там у них во втором подъезде я видел детская

бесхозная коляска стоит. На ней старуха, что недавно подохла, всё по свалкам ездила и всякую хрень к себе свозила. Шлёпнем с волыны, падлу такую – туда ему и дорога... Можно прямо в глаз, а дырку тряпкой заткнём, чтобы мозги на дорогу не капали... Погрузим в коляску, он небольшой... Потом я его выкачу на Кировский, и я его так с Богатыновского спуска катну, прямо с бугра в сторону Дона, что он на середине речки у меня из коляски выпорхнет, даже буи перескочит. И дело, считай, просрал этот, гондон, как в буре проиграл... Пусть его рыбы и раки в Дону доедают... О!.. идея пришла! Щас... одну минутку...

подождите пока...

Торопливо сказал Хомяк-Сундуков, засуетился, и,

не одевшись, выскочил из квартиры. Прошло чуть более пяти минут. Заходит Хомяк и впереди себя за- таскивает цинковое корыто, в котором хозяйки обычно стирают, а в тех квар- тирах которые ещё старой постройки, подобие комму- налок, где до сих пор отсутствует душевая и ванная комната, в таких корытах жильцам приходилось купаться.

– Зачем ты его притянул? Покойника собрался купать, так, что ли? Так он же ещё вроде бы живой. Или ещё что-то придумал?!.. – спросила Клава.

– Как зачем?.. пригодится. На детской коляске его отсюда не спустишь, ко- лёса там болтаются, я раньше ещё видел. Мы его – этого урку, вначале в ко- рыто положим и в нём на низ спускать будем. На себе я его не понесу!.. у меня ноги калечные и блевать от него, мне охота!.. Капуста – он косо- глазый, может мимо ступеньки промазать, а в корыте удоб- но; спустим, как на салаз- ках, только бы в двери попасть. А дальше, на улице, видно уже будет: или в коляске на Бо- гатяновский спуск покачу, или можно его и в канализацион- ный люк вниз головой опустить... Или давайте его под порог соседям подбросим... А если с квартиры прямо на улицу, то вначале тогда, надо его в окно на ве- рёвке спустить, привя- зав урку за шею...

– Сообразительный, я смотрю... И где ты только этому научился!.. Ты тут

столько вариантов выложил, как будто и впрямь участие в подобном не раз принимал... – сказала Клавдия и задума-

лась.

В эту минуту послышался стон, и зек, открыв закисшие глаза и уставившись на Ивана Ильича, вероятно, принялся слушать, что и о чём говорят в комнате. Клава заметив, что «жертва оборта» – выражение Клавы – пришла уже в себя, стала подыгрывать, затеянной Хомяком теме.

– Нет... стрелять, всё-таки... людей пугать... – пожалуй, не будем, – сказала

Клавдия спокойным рассудительным тоном, делая в своей речи упор, на расстановку дальнейших действий по отношению к жертве.

– Дождёмся, когда совсем ночь наступит, схожу на угол и с автомата позвоню, чтобы срочно прислали нам машину... На свиноферму, Военвед, его отправим... Свиным кормим; с косточками похрумают, что даже следа не останется, и польза хоть какая-то будет...

Зек тем временем продолжал лежать и думать, как бы ему улизнуть отсюда восвояси. Но как улизнёшь, если спутан по рукам и ногам от пяток до самых ушей. Услышав из уст хозяйки последние её устрашающие слова: заключительный приговор его персоне, вначале поёрзал задницей по полу, сказал для приличия пару раз – ой!.. и принялся скундывать:

– Говорил мне Бацилла-шприц, – не ходи без меня, прибьют!.. Не послушался, идиот!.. Решил, сам справлюсь... Вот и результат на лицо, хоть в кино снимай...

Сделав длинную паузу, крикнул:

– Развяжите, суки, волей клянусь! иначе головой буду об пол биться, кровью сойду, а вам зона светит...

– Бейся!.. Чем быстрее лапти отбросишь, тем меньше нам голову ломать, как тебя прикончить, – сказала Клава и подойдя, со всего маха пнула ногой

зека в рёбра, приговаривая:

– Это тебе, пидар бацильный, за шалаву и соску!..

– Не надо меня бить и свиньям скармливать, я больше к вам не приду, отпустите меня, – жалобно заныл, не состоявшийся «экспроприатор».

– Лежи, гад, и не гавкай под руку!.. Участь твою будем ещё решать, а то разнесёшь, как поганая старуха, на весь квартал, вонючка ты ходячая, а нам потом выправляйся... Ментов на хвосте приволокёшь... Нет, всё-таки лучше тебя свиньям скормить, жирнее будут...

– Допрыгался, волчара позорный!.. – ядовито сказал Сидоров-Капуста, – хряки тебя враз в базу, как тряпку на лоскуты порвут! Хана тебе, фраерок, настала, хана... уже даже Шприц твой, Бацилла, не поможет.

– Прямо жуть какая-то сейчас у нас в квартире происходит, – сказала Клава, закуривая папиросу и усаживаясь на кушетку рядом с Иваном Ильичом, – что о нас гость может подумать, а он подумает, – куда я попал?! в вертеп каких-то убийц, садистов и людоедов... Разве не так, Геннадий?..

– Вы, знаете... Извините меня, но я не хочу обсуждать эту тему, мне, вероят- ней всего, лучше уйти, ибо, как я предполагаю и делаю вывод из всего этого, что скоро здесь и милиция появится, а я бы не желал с ними встречаться...

– Ну, на этот счёт не только у вас подобное желание, нам они тоже как-бы, ни к чему... – сказала Клавдия, стяхивая с папиросы щелчком ногтя пепел на пол, и помолчав, уже упавшим голосом, с раздражением, дополнила:

– Не моём задерживать, ваше сиятельство... А я-то вначале обрадовалась, дура!.. Подумала, подругой жизни, вашей светлости, да вдруг и подойду... А, оно вишь, как складывается?!.. Всё, да норовит тебе, не сколько поперед до- роги, сколько поперёк горла встать, всё сикись да накись! Всё, как не у доб- рых людей!.. А этих, пустобрёхов, моих племяшей... да стоит ли обращать на них внимания... – хотя, как я уже думаю, оно вам уже и без надобности... Почешут языки, шалопаи, да на той жопе и сядут... А этого, засосанного и чахо-

точного, строящего тут из себя уголовного авторитета, а попросту он – тварь! – отпустим. Пусть чешет, куда хочет... как, впрочем, и вы, Гендош?.. так кажись, вы говорили, кличут вас на ростовском бану?..

Договорив последние слова гнева, уже с признаками в голосе слёз, она, вдруг умолкнув, отвернулась к стене и принялась плакать. Глядела на то са- мое место, где стояла та

самая широкая кровать, причина несчастий и страданий в душе Ивана Ильича, на данный этап его жизни. Он не стал её успокаивать, ибо это означало и грозило ему втянуться в новый виток разговора, а по-

сле и остаться, чего он крайне уже не желал; хотя его и тянуло к этой женщине, но не зная и не предвидя дальнейших последствий, решил, уйти. Остаться в этих стенах, равносильно было тому, что наплевать себе в душу. Поэтому, не теряя ни минуты, Иван Ильич поднялся с кушетки, застегнулся на все пуговицы, на так и не снятом в этот вечер пальто; надел головной убор – свою незаменимую фетровую шляпу – закинул лямку рюкзака на плечо и направился, молча, к двери...

Над Ростовом полыхал закат, предвещая на завтра такую же ветреную погоду. С высоты Богатыновского спуска в ярких всполохах вечерней зари хорошо смотрелась вся западная часть города, где вдаль вздымался за Темерничкой бугор – «Стачки», на котором в поднебесье взметнулась телевышка, мерцающая уже зажжёнными огоньками. Иван Ильич стоял на тротуаре и долго ещё любовался на небе панорамой причудливого и фантастического пейзажа,

изобразить который не смог бы и талантливый художник, а когда закат уже превратился в узкую полоску, он, тяжело вздохнув, неторопливо побрёл по пологому спуску в ту же сторону. Идя уже по ночному городу, откуда весь день дул сильный ветер, а в это вечернее время он уже стих,

Гендош, споты-каясь в потёмках, душевно сам с собой разговаривал: «Вот, оказывается, какие сюрпризы может преподносить наша жизнь... да прямо тебя об землю со-паткой! А я, дурак, столько о ней думал, страдал, не спя ночами; пытался её

искать, после той первой встречи... Жаль... и пожрать на халяву – и то не удалось... и спать снова придётся на трубе с горячей водой... Говорят, что дорога в ад вымощена благими намерениями. Впрочем... – наверное, это как раз про меня и меня касается... У меня они – эти, благие, точно уж были... Такова диалектика жизни, Гендош!.. Правда, жизни ничтожной!.. По крайней мере на сегодняшний день и на ближайшее будущее... А вот лично для тебя – это уже точно... И всё-таки, она – эта Клава, подлая дрянь и сучка!.. Спать с этими пачанами?!.. Мерзко и грязно!.. Могла бы себе и мужика-то найти... Да хотя бы и меня... Но, сейчас, после всего... Нет – увольте, господа-товарищи!.. Как-нибудь без меня... Потёмки, потёмки, суета из сует, а там и край могилы видать, как говаривал Бова-Харитон: и канул ты в бездну, землёю присыпанный...».

Над городом, после штормового дня, стоял тихий святой вечер. На соседней улице Станиславского будильником трезвонили трамваи, клацающая и скрегощая колёсами на рельсах. Отчётливо слышались голоса и смех молодых влюблённых парочек во дворах и подъездах, а в очередном тёмном дворе, мимо которого проходил Геннадий, в подворотне мя-

укали и дрались коты,

один из которых, проскакивая у Гендоша под ногами, вдруг зашипел, оборачиваясь и принимая боевую стойку от погони. И в эту минуту, кто-то, в том самом дворе, матерясь и разъярившись, бросил пустое ведро, которое покотившись по неровностям булыжного покрытия, долго тархтело, а кошачий концерт от этого сразу утих...

Иван Ильич, продолжая свой путь в неизвестность, прикидывал в уме, – что до Пригородного вокзала ему ещё топать и топать. Там в расположении нефтеперегонного завода имелась берлога, где его ждёт горячая и даже

слишком горячая труба большого диаметра, по которой гонят кипяток, а может быть, пар. «Не исключено, – подумал он, – пока дошкандыляю, то и тесниться придётся, подвигая собратьев, таких же как я...». Впереди всё та же неизвестность, безнадёга и позор унижений, грязь и полуголодное существование...

Прошло три дня с описанных нами событий. В доме на улице Седова, не-

смотря на все предыдущие неурядицы, жизнь продолжалась своим чередом, как и во всей Богатынновке, будто бы снова войдя в свою привычную колею.

По-прежнему процветала торговля разведённым – с точностью до сорока двух градусов – не очищенным, а может быть, и техническим спиртом. Хомяк и Капуста с того дня стали спать по очереди на кушетке, а один на полу. Клава их

к себе уже не подпускала: страдая в душе и тоскуя по Гендошу. Что-то уж

больно ей в душу он влез: удержать не хватило ума и вырвать из души никак не могла. «Племяши» глядели на неё прожорливым взглядом, ходили напы- жинные, а работали, спустя рукава. Юра-хомяк, как самый неудовлетворён- ный, всё время грозился, что уедут снова в Азов, на свою малую родину.

Днём Клавдия отмалчивалась, а вечером отmaterив обо- их, вкривь и вкось, уклавшись на кровать лицом к стенке, долго всхлипывала, а то и рыдала, пока и раздолбаи не уснут у порога квартиры. И как на грех, в соседнем доме, в квар- тире под номером тринадцать – чёртова дюжина – на целый квартал раз- разился скандал, где несколько дней тому назад корыто пропало. И только

сейчас, хозяйева тринадцатой квартиры, собравшись по- мыться, вдруг обнару- жили пропажу. По этому скорбно- му случаю срочно состоялось расширенное разбирательство всех жильцов дома, с привлечением управдома и со всеми вытекающими отсюда последствиями...

Ситуация в соседнем доме, в квартире №-13 повторилась, как это случи- лось и у Клавы, когда к ним тот зек безымян- ный ворвался. Мало того, что не- нормальным он был, так ещё к тому же и уголовно-чахоточная тварь, прямо

тюремная и неистребимая гнида! Вот и сейчас, подобно тому случаю: в квар- тире под номером тринадцать, вломи-

лась пронырливая и этакая щупленькая тля, но уже из категории всякой пьяни-рвани: дружок и сосед по подъезду, квартирному хозяину Василь Палыча и его жены Марии Андроновны, у которых то самое корыто пропало. Дружок и сосед по подъезду был под именем

– Михей, который являлся интеллигентно-пролетарской личностью, но, разумеется, было это уже в его далёком прошлом, а в настоящее время был он давно уже пропащим забудыгой, от каких свет, навидавшись, отворачивал морду. Однако удивительно было то, что, оказывается, воровать, – боже

упаси!.. Лучше он сходит принарядившись в лохмотья на Старый базар, на воскресную службу, до храма, и постояв там на паперти, наскребёт пожертвование – за ради Христа, – а потом напрямик в парк имени Горького, в район пивзавода, в пивнушку...

– Большое вам здравье!.. и привет вам, богатяновским ворах и тунеяд-

цам!.. снимаю шляпу, и решительно заявляю, принимайте гостя!.. – вломившись в незапертую дверь, прокричал Михей, почти, как ненормальный, а может, полоумный.

– Будь ты неладен!.. Напугал. Думала, уже опять в квартиру воры к нам лезут. Перелякал ты нас, Михей, что даже душа моя расставаясь было с телом: затрепыхалась, как паутина на ветру!.. Не разыгрывай, шут ты гороховый, комедию!.. Где ты тут, алкаш недобитый, видишь воров, если нас

самих обо- крали?! – прокричала недовольно в ответ, перекрестившись и стоя на пороге кухни хозяйка квартиры Мария Андроновна.

– Простите, Машенька, я бесконечно, пожизненно и, видимо, уже безнадёжно в вас влюблён... И вот уже пятый год и две недели доказываю вашему мужу, что это так и есть на самом деле, а он, представляете, не верит!.. Фома неверующий! Не верит и говорит, что вы ему никогда и ни разу за всю жизнь не изменяли...

– Ох!.. Оставьте вы свою затасканную, как половая тряпка, тему! Сейчас нам не до неё, ибо, как выяснилось сегодня утром, нас-то обокрали!.. Творец, не может смотреть на всё это безобразие и беззаконие сквозь растопыренные пальцы... – а вам в глазах всё мерещатся какие-то измены!..

– И что у вас пропало, хочу я у вас спросить?.. жемчуга или и золотишко имелось?..

– Дурак!.. какое золото?!.. откуда оно может у нас взяться, когда его большевики ещё в двадцатом под метёлку со всего города повыскребли, даже под ногтями ни у кого не застряло, а после попрятали в своих загашниках и

подземельях!.. Но, говорят, что большую его часть за кордон отправили, со- вершать мировую революцию... А у нас тем временем корыто украли!..

– Корыто?!..

– Да, да!.. корыто!.. не кастрюлю же с борщом... В следующий раз и ка-

стриюлю сопрут, а там, гляди, и до меня очередь дойдёт... Хотя, постой!.. вряд ли, я вспомнила сколько мне уже лет, а в эту пору таких уже не воруют...

В эту минуту из комнаты вышел муж хозяйки, Василь Палыч; натягивая очки на нос и закрепляя их резинками за ушами, поглядев на жену и почему-то не замечая гостя, сказал:

– Машенька, что за сарказм прослеживается в твоей речи?.. и так, ду- шенька, прослеживается, что я даже проснулся, испугавшись... подумал, что

опять ты с домоуправом скандалишь. И, скажи на милость, кому адресованы все эти твои упрёки?..

– Ты, Василь, как с дуба будто упал, и уже, видимо, про корыто забыл, по- тому как не стал отличать и часто путать сарказм с оргазмом, и это для тебя может плохо кончиться... Одна девица, ещё в мою былую молодость, перепу- тала член... И с чем бы ты думал?.. С членом правительства... или суда, народ- ного, кажется... Но это не столь важно... И знаешь, чем это для неё закончи- лось?.. Десятью годами лагерей!.. Можешь себе представить?.. – отстегнули, как выдали зарплату за месяц... Приговор зачитали, не посмотрев даже ей в глаза и не поинтересовавшись, куда её девственность делась, а про возраст и не думали спрашивать, а ей, потом говорили, только на днях исполнилось... – кажется, восемнадцать... Деवственность потеряла, а десять лет лаге- рей в по- дарок взяла, и всего лишь за то, что не знала, что

тот член, который у неё вы- потрошил девственность и её за- судил, как раз тем членом и был... Выписали ей бедненькой путёвку в жизнь и поехала она под Магадан руду добывать.

Да что тебе рассказывать, бестолочи, всё равно, смотрю, что барану про но- вые ворота!..

Марья Андроновна махнув рукой удалилась. Василь Па- лыч, из-под лоба по- глядев на Михея, который всё продол- жал стоять у порога, в ожидании при- глашения, сказал:

– И ты уже, смотрю, здесь!.. явился не запылился, как приведение... Без тебя ни один разговор не состоится, даже с собственной женой не могу наедине поговорить... Здоро- ваться и лобызаться с вами, Михей Поликарпо- вич, не буду, не до этого щас... Слышал?!.. У меня не сѣдни, так завтра, от всего этого удар может случиться; а кровь, как раньше это делали, пускать не- кому, хоть плач. Того и гляди, помирать придётся... Вы, Михей Поликарпович,

если что-либо со мною случится, не оставляйте Машеньку одну... И обяза- тельно помогите ей пережить эту утрату, но уже без меня... А лучше сразу пе- ребирайтесь сюда... Хотя погодите, а если я ещё не помру, тогда – как?.. Вы то- гда, лучше наше корыто постарайтесь найти... Ноги, ноги ей, ну и заодно то,

что выше колен, по вечерам подмывать не забывайте... А там, гляди, и ко мне разом пожалуете...

– Да что ж это такое?! Чего это вы, из-за какого-то дыря- вого корыта, бучу тут подняли?!..

– Ты, злыдень, москаль вонючий, лучше помолчи!.. Пролетариат, из Красной Пресни, нашёлся мне!.. Тебе-то откуда знать за то корыто?!.. Шоб ты сдох завтра, на несколько лет раньше меня, прежде, чем произносить подобное кощунство и высказываться, хихикая в рукав... И вовсе оно никакое не дырявое, скажу я вам без всякого на то секрета, а почти что – наша реликвия, ибо мы с Машенькой в нём купались, как только мы поженились... Бесформенное безобразие! натуральное безобразие! скажу я вам... Хоть собак по следу пускай! Не просто воруют, господа-товарищи, всё что на глаза попадётся и что плохо лежит... Всё тянут! Скоро тянуть нечего будет... Вы можете себе представить такое?.. Намедни, прямо из-под носа, у нас из коридора, на гвозде ведь

сколько лет висело и никому не нужно было... А тут, видите ли, вдруг кому-то понадобилось... Спёрли, как будто бы это хрусталь или персидский ковёр!.. Сволочи! Скоты безрогие!.. Теперь нам с Марьей Андроновной не в чем даже подмыться!.. Хоть в общественную баню ходи, где можно прихватить не только насекомых, а и пострашнее там водятся вещички – болячки... Потом-то хворью изойдёшь и даже не поверят!.. И что, прикажите, нам делать?!.. В чём мыться? Бедной Маше приходится залазить в тазик, а она не в состоянии нагнуться, у неё радикулит от сидячей работы в билетной кассе... Конечно, я тоже принимаю непосредственное участие: нагнувшись, мою ей ноги и между ними... то, что

выше находится, тоже приходится мыть, а как вы хо-тели?!.. Но так не может продолжаться до бесконечности!.. Можно подумать, что конец света уже не за горами, а его ещё по-пробуй дождись!.. И не дождё-тесь!.. а корыто своё я так или иначе всё равно найду!.. Его дворник наш, Налым или Охрым, чёрт его знает, как его правильно зовут, но он пропил наше корыто, больше некому. Надо участкового звать... Управдом тут не по-может... он с ним заодно, вместе водку лакают. Но попробуй ещё узнать, кому он его, сволочь, пропил!.. А сейчас, по этому поводу, уважаемый Михей Поликарпович, будьте любезны пройти к нам на кухню, и мы этот случай, от-метим... Нет, печальный случай не отмеча-ют, а водкой заливают, что мы с

вами, наверное, и сделаем сейчас...

Спустя время на кухню заходит Мария Андроновна: за-стряв на пороге и по-ложив ладони на бёдра, сощури-ла близорукие глазки, стрельнув ими обез-оруживающим взглядом, и словно пытаясь до конца осмыслить всю пагуб-ность пьянства, наполняясь из-нутри и поверхностно зло-стью и раздувая щёки, будто их накачивают воздухом, ска-зала, как плюнула всем в душу:

– Замечательно!.. Блаженный ублажит идиота, а идиот в прожигателей жизни подастся; останется вызвать только вытрезвитель к нам на дом, как

скорую помощь. Прохлаждаемся!.. алкаши вы несчаст-ные... в то время, когда корыто, неизвестно, где пропадает!..

И искать его надо, кровь из носа, ис- кать!.. – а они согрева- ют себя из-нутри!..

– Больно на вас смотреть, мадам-брошкина... Прошу про- щения, Машенька,

– сказал гость, Михей Поликарпович, уже заплетающимся языком, – но вы, до- рогая, прямо на глазах у меня старее- те... Бю-бю-з-галтер... вон у вас бюзгал- тер выг-г-лядаеть... Раз-зрешите мне, вам его на сисички подправить... и поце- ловать вас в плечико, намедни вы мне голой почему-то при- снились, гадом

буду!..

– Чего, чего?.. Кто это там квакает?.. может, у вас в го- лове, Михей Поликар- пович, ваши мозги там надумали ста- реть?!.. И у вас ещё и язык поворачива- ется мне такое заяв- лять?!.. Прямо какое-то скотство, слушать подобное в соб- ственных стенах квартиры!.. Который день хожу не купан- ная, как мокрая ку- рица: всё кругом провонялось и липнет теперь; осталось ещё вшей завести и ходить с утра и до ве- чера, а то и ночами, чесаться... А у него хватает наглости заявлять, что я уже старая!.. и голой ему сниться стала...

– Так я это... – Марья Андроновна, однако не посчитайте мои слова за под- лость, пусть я завтра голодным останусь и до вечера на выпивон не найду, я хотел просто заметить, что вы постарели вчера, а может, когда у вас то ко- рыто про- пало...

– Так тебе молодых подавай?!.. как будто бы ты с ними

справишься... Вот, что я думаю, бабники вы этакие, – то, что в ваших глазах в розовом свете, то

пусть останется на вашей давно уже пропащей и пропитой совести. Интимная вещь у женщины, скажу вам, как на-духу, для общего, так сказать, кругозора, она никогда не стареет. Это не то, что у вас там висит, где-то внизу и болта-ется, а то, гляди, одна шкурка уже осталась, хоть ливерную колбасу, бери, да начиняй... И не надо мне тут говорить и пальцем тыкать, что я уже старая!.. не надо!.. Я ещё и вас переживу и раза три, а может, и больше, выскочу замуж и не за таких, шалопаев, как вы... А вам, вижу, труба!.. вон мешки под глазами,

того и гляди кондрашка за шиворот схватит... Романтиками вы были когда-то... Да и то: столкнёшься с таким, иди-ётом, на узком пути, и некуда бедной девице деваться, хоть в монастырь уходи... На душу опустошение ляжет, а в кровати... опять никого!.. Кому это нужно, скажите?.. – вы, обороты!.. Я вас спрашиваю!.. Чего языки проглотили? или уже спите на ходу?!..

Прокричав свой монолог, Марья Андроновна, умолкла. Не дождавшись оправданий, спросила:

– А вообще-то, чем вы тут занимаетесь?.. словесным она-низмом?.. Огляни-тесь вокруг, кругом убогость и нищета, как и была прежде, а страна наша в

очередную пропасть катится!.. – а у вас на уме и языке одни бабы, до которых вам уже и дела-то нету... Терпеть

и ждать я не буду, корыто ищите!..

– Марья Андроновна, да успокойтесь вы, ради бога!.. Худшее уже давно позади и стало быть, если судить по телевизору, экзотика лиц там поменялась, того и гляди, ума наберётся... А нам много не надо... Вечерком бы в ресторанчик на пути заскочить, потом гульнуть за коньячком и балычком и в номера отправиться...

– Куда, куда?! – слепив до кучи глаза, спросила Мария Андроновна.

– Оговорился, простите. Я хотел сказать: в свой номер квартиры, куда же ещё...

Вот с этого памятного дня и почти что до самого Нового года, на Богатыньских буграх и в ближайших к ним городских кварталах, продолжались поиски

собственности и «реликвии» – корыта, которое ранее принадлежало супругам Василь Палычу и Марии Андроновне, фамилию которых мы так и не узнали,

по причине, что соседи её тоже запомнили, а у самих потерпевших спросить мы постеснялись, ибо им было не до нас, когда подмыться им не в чём. Супруги, кряхтя и ругаясь с жильцами всего квартала, продолжали обитать в той самой тринадцатой квартире, по улице Седова. И как рассказывают, жи-

вут они там, ещё с двенадцатого года, прошлого века, когда по соседству оба пешком под стол ходили. Результатов поисков мы так и не узнали, но говорят, что корыто – то са-

мое, что Хомяк утянул, – до сих пор стоит в углу, в коридоре, справа от двери, если с площадки зайти, в квартире у Клавдии Сироткиной, которая о нём попросту забыла. Живёт сейчас она сама, объявив на всю Богатяновку себя вдовушкой: влачит одинокое существование и не до корыта ей в эту пору. Со своей легкомысленностью она распрощалась и теперь приводит домой только по одному «кобелю», перейдя на более старший возраст. Хворью не страдает, а лишь пополнела, на почве наступившей спокойной жизни и мудрой профессии – бодяжить и продавать водку. А её «племяши», будто

бы сидят в колонии строго режима, на той самой Каменке, за кирпичным забором, который по самому верху так опутан колючей проволокой, да ещё к тому же под током. Оттуда уже не сбежишь, и что-либо увидеть можно, если на крышу залезешь... Но прошёл слух – на самой Каменке и в соседнем военном госпитале, который раскинулся своими владениями как раз напротив, через Темерничку, что скоро «зону» сносить будут, а вот, куда её переселят

вместе с Юрой Сундуковым и Сидоркиным-капустой, об этом мы уже вряд ли узнаем. Спрашиваете, за что сидят?.. Право, не знаем, но думаем, что не за добрые и благотворительные дела. Опять, вероятно, голышом в мешке, куда-то саданули, а может быть, досталось кому-то и по голове... О дальнейших похождениях Гендоша Куцанкова, который в недалёком прошлом припеваючи жил поживал под фами-

лией Побрякушкина Ивана Ильича, занимая долж-

ность директора крупной трикотажно-текстильной фабрики, где он фабричным народом, как горохом в том уворованном корыте, будто в лото шурудя, игрался не глядя, и даже не подозревал, что в то счастливое для него время, где его беда ожидает. Тем более не думал тогда, что вскоре превратится он в обычного ростовского бомжа, а попросту – бродягу. Впрочем, читатель, вам об этом самим предстоит прочесть в романе. А для сведения, скажем: никому не нужными станут ни его знания, ни его интеллект, тем более его интеллигентность. Бомж – он и в Африке – бомж, а в СССР и в Ростове – подавно; самой жизнью в этой стране предопределено для большей части населения, жить в нищете и в горе горемычном, каждую копейку всю жизнь считая... И

если ты даже не бродишь по помойкам, а живёшь в своей собственной хате-халупе или в коммунальной квартирке-конуре, то это ещё не означает, что ты далеко ускакал от того самого бомжа. Разница между вами невелика, а многие граждане, ещё с самой войны, после которой минуло уже 75-ть лет, до

сих пор продолжают жить в подвальных помещениях, но зато в городе. За

сельскую местность можно только со слезами на глазах, про себя побурчав, перекрестив, прочитать молитву за упокой. Семьдесят лет коммунисты разоряли сельскую местность всей центральной России: от северных поморских

земель и до окраин Воронежской твердыни-острога. И дальше... – на Юг, срывающая мужиков и баб с насиженных мест, уничтожая их деревни и хутора; стирая в пыль и превращая в пахоту залежные земли. Последствия были кошмарные: пыльные бури, гонимые калмыцким ветром, понесут чернозём над просторами прикубанских степей, – белого света не станет видеть!.. Да и там, на просторах Среднерусской возвышенности и дальше на север: среди лесистых и болотистых дебрей, не мёдом намазано было. И будто бы кто-то

умышленно и по указке непримиримого и откуда-то взявшегося, давно затаившегося, злейшего врага всех русских людей: толпами и целыми деревнями продолжал отправлять крестьян в бродяжничество на все стороны света. Великой – в географическом масштабе – России, но маленькой и тесной для

идиотизма самой чиновничьей власти... превращая народ в бесправных бомжей, они упивались своею властью...

Вот, на этой самой, что ни на есть скорбной и печальной ноте, о дальнейших приключениях Гендоша, мы и остановимся. И как мы уже сказали, – чтобы подробнее узнать обо всём, придётся вам, всего лишь прочитать роман «На закате». А мы, простившись с художественной прозой и с нашими персонажами, среди которых, можно прямо сказать, не кривя душой и не стесняясь:

что с личностями нам не совсем повезло, с которыми мы

сейчас случайно по-знакомились, – прямо-таки не подарок!.. Поэтому отправимся-ка мы вновь:

по жизненным стопам и путям-дорогам самого автора... И коль уж мы остано- вились на книгах, то о них и продол- жим.

* * *

Увы, но на дворе действительность такова, что книга и впрямь покидает не только руки человека, но и – как пред- мет существования – разум его. Писа- тель – последние два, а то и все три десятилетия – у нас давно уже не профес- сия, а сама книга стала недоступна в цене как раз для тех, кто их читает, а у кого много денег, она им и даром не нужна. Чи- тают-то книги больше люди

бедные; они умнее, но бедные!.. и не потому, что у них не хватило ума стать богатыми... Как раз наоборот, – совесть и интеллект не позволили им соваться туда, в ту помойную яму. Ибо заработать честным путём в нашей стране и

стать в какой-то мере, если и не богатым, то хотя бы со- стоятельным, фактиче- ски невозможно. Грабить и воровать у ближнего – это можно, всегда пожа- луйста, не говоря уже за само государство, которое с простого гражданина

последние штаны всегда готово снять. Тебе остаётся или беспардонно врать и пресмыкаться, с бельмом на обеих гла- зах, но – это не для совестливых и ум- ных людей занятие,

или тогда влачи жизнь в крайней нужде, нищете. Так как наша страна, к нашему всеобщему несчастью, вот на этом постаменте и

зиждется. Ну а для самых бедных и бесправных лишь пропаганда и преду- смотрена... «...Пусть продолжают ждать манны небесной и светлого буду-

щего, а наше дело им обещать...». Потому-то, чтобы честным путём зарабаты- вать большие деньги, в нашей стране требуются особые, чаще криминальные таланты. В России можно только воровать по-крупному, чтобы в тюрьму не

попасть. А книги, – это успокоение и баловство для дебилов, – так они гово- рят: «...Пусть холопы почитывают, вместо того, как мы умеем культурно за ко- ньячком посидеть, от пуза пожрать, да с „тёлками“ в сауне попариться...».

Вот эти воры, жулики и так называемые – «царёвы» слуги и живут в своём мирку удовольствий, попутно впрыскивая в свою забубенную голову адрена- лин, при этом не забывая употреблять и нюхать кокаин. Ну а для того, чтобы делать «бабки», читать книги вовсе не обязательно, а тем более мудрёно пи- сать, там совсем иные подручные средства необходи- мы. Но!.. – как бы там худо и чудовищно ни обстояли дела для писателей, и как бы катастрофически для них ни складывались в дальнейшем остальные материальные и духовные ценности, как и сами обстоятельства: писатели были и будут во все времена! И на сегодняшний день их масса имеется. Просто о них никто не знает, ибо они не на слуху; то, на чём

заработать можно деньги – это сейчас на слуху...

Многие сейчас пишут – «в стол», как к примеру, и я; а то, что я печатаю за свой счёт, то капля в океане или снежинка на Северном полюсе, и можно это в рас- счёт вовсе не брать. Просто – лично я, не совсем в душе доверяю электронике. жёстким там дискам всяким, компьютерным папкам на файлах, как и флеш- кам. Бумага – на мой взгляд – и сама книга, намного надёжней!.. На хорошей

бумаге – сто и триста лет, а то и больше, для книги не срок. В мире имеется масса книг, которым более тысячи лет, а вот электроника – это пока под во- просом. У человека потребность такая – писать! Как пить или есть. Другие, к примеру, песни поют, или без музыки жить не могут; картины пишут: рисуя, малюя, изображая. И как я уже сказал не единыжды, о писателях сейчас не говорят и тем более не пишут о них – словно их и нет на свете! На телеэкра- нах сейчас не до них, когда на кону стоит «бабло» рядом с твоим благополу- чием, а то и с самой жизнью. Всё делят и делят, да разделить никак всё не могут. Вообще-то, – каждому в этом мире своё... и по заслугам воздастся...

Поговорили было о последних «из-могикан» – писателях... В «Роман-га- зете» напечатали последние их литературные вещи, а потом и забывать вдруг стали. Вот только по памяти, чтобы долго не рыться в уме, хочу напомнить имена, правда, не тех известных идеологических «геб-

бельсов» и заезженных в прошлом «классиков» советско-коммунистической прозы, типа Александра

Проханова, а больше их идеологических противников: Сергей Алексеев с одним из лучших своих романов «Крамола», за который в «эру ярого коммунизма», гляди, и расстрелять спокойно могли. Евгений Шишкин, с его «Правдой и блаженством» и с «Распятой душой» – это близко и к моим взглядам и жанру, и довольно-таки остро режущая проза, на нашу действительность.

Хотя, как сделал я вывод, что в финале его произведений присутствует но-стальгия по коммунизму, и автора пересиливает идеология прошлого: того

вонючего идеологического вранья. Видимо, ему ещё в школьные годы эта за-раза напрочь привитая и приколотая глубоко в душе гвоздями, как прививка от оспы, после чего, автора, не броско и осторожно, к этому коммунизму опять потянуло. Между прочим, как и товарищ от криминальных сюжетов, господин В. Пронин, написавший «Ворошиловского стрелка», который

был экранизирован с таким колоритным успехом, и где этого самого

«стрелка» сыграл знаменитый и неповторимый в актёрских ролях Михаил Ульянов. Придерживаясь своего детективного жанра, Пронин на сей раз сотворил психологическую трагедию, наглядно показав, прогнившую внутренность всей системы режима, как и самих, вурдалаков – стра-

жей порядка и их последышей-выродков. Попранная и втопанная в грязь законность, которая, как и предрекали, в конечном счётерослась своими щупальцами с криминалом, способствовала краху и развалу страны. И как я уже сказал и повторюсь, сейчас-то больше говорят совсем о другом, а литературы, как таковой: будь то поэзия или проза, её будто бы и на белом свете и не существует. Но я

лично думаю, что это временное явление и я в этом больше, чем уверен.

Книга вечна! Она самое удивительное творение человека на свете, и, если бы он не сотворил её, вполне возможно, что мы бы ещё прозябали где-то на окраинах Древнего мира. Некоторые спросят, – почему это вдруг? Прогресс – есть прогресс! Отвечаю, как давно и широко всем известную истину. Потому что книга, при её чтении, развивает мышление, воображение, прививает понятия; к тому же попутно присутствуют и личные домыслы, как и личная фантазия, заставляя работать мозг. Как тренер упорно принуждает спортсмена тренировать его мышцы, готовящегося к соревнованиям, так книга – тренирует человеческий мозг. Смартфон и компьютер – со своим интернетом и многочисленными сайтами – вам мгновенно преподносят кучу готовой информации, к тому же – потоком, не давая и доли секунды на размышления, вбивая кусками вам – в вашу глупую голову – ту информацию, которая прежде всего нужна самой власти. Это одно и то же, если вы будете питаться всю

жизнь из тюбика калорийной пастой, вместо обычной еды. Со временем ваш

желудок, съёжившись до напёрстка, атрофируется и не способен будет пере- работать даже не очень грубую пищу, к примеру, тот же хлеб. Так что, потом – без «тюбика с пастой», которую вам как соску младенцу предоставляет регу- лярно власть – жить вы уже, вряд ли сможете. А вот, что касается книг: то со- всем недавно, на одном из телека- налов, я просто случайно услышал слова ведущего передачу: «...Европа смартфонами и интернетом уже объелась и вновь зашелестела страницами книг...». Дай-то бог! Если не вну- ки мои, то

правнуки не станут круглыми идиотами и не полезут сно- ва на дерево. К нам, к великому нашему сожалению, всё хо- рошее обычно доходит с большим

опозданием: в среднем лет этак на пятьдесят. Потому и «чёртиков» гонять на дисплеях в смартфонах и на монито- рах компьютеров долго ещё будут. До- вольно часто можно наблюдать подобную картину: сидит за компьютером взрос- лый «бычара» – на стройке бы такому пахать, строить доро- ги, страну возрождая и избавляя от халуп и бараков, а он в детские «стрелялки» играет.

Рядом с ним сидит такой же «орангутанг-мартышка» и при этом ржёт, как ме- рин, и всякую ахинею друг дру- гу несут. Со стороны посмотреть – с жёлтого дома сбежали. А иногда можно и со стороны пронаблюдать, когда это дей-

ствие происходит в общественном туалете. Сидят рядышком два придурка на дырках, держат в руках смартфоны и по ним переговариваются – о чём-то

своём, или в ту же «стрелялку» играют... У нас, видимо, долго ещё будет эта

«холера» перед нашими мордами своими мощами трусить, добираясь к мозгам, проникая в душу и бродя по сознанию, усиленно его деградировать. Нам ещё предстоит дорасти до того Запада. Не успеем, а тем более, если не возьмём в руки книгу – точно на дерево вскарабкаемся!.. Какие уж тут литературные классики могут быть?.. тут в пору алфавит бы не забыть!.. Кто-то сказал:

«Любовный роман человека и книги вечен!». Вот это действительно правда! Но тогда, требуется ответить и на свою, мою – личную правду. С чего это вдруг, да ещё и на старости лет я решил стать писателем, или потребность такая возникла, а может, что-то ещё?.. Вдруг найдётся такой, который всё-таки спросит. А ведь этих опубликованных книг могло ведь и не быть...

Я уже говорил, что мечта эта давняя, ещё со школьной скамьи. Но то было давно и путь к написанию первой цельной вещи был тернист и попросту ранее не осуществим. А что относится к сегодняшним дням, то началось всё ещё в начале 2014-го года. Нежданно и негаданно вдруг выстрелил у меня позвоночник. Проблема с ним у меня была ещё с времён воинской службы.

Случилась тогда у меня травма позвоночника: смещение то ли самого диска,

то ли позвонка, отчего хрен не слаще редьки... Служа в армии, когда появлялись боли, старался посильнее утягиваться ремнём портупей, ибо при этом было относительно терпимо. В последующие годы, интенсивно и регулярно занимаясь по утрам гимнастикой, избавился от этой проблемы. А дело было

так. Как-то увидев по телевизору передачу с участием экстрасенса Кашпировского – во времена его популярности и моды на всю эту мистическую дребедень, но в тот раз, можно сказать ему – спасибо. Он рассказывал о том, как избавиться от болей и всяких проблем с позвоночником способом гимнастических упражнений, при этом демонстрировал колесо: с двумя по бокам ручками и показывал, как его надо катать по полу. Стоя на пальцах ступней ног и не касаясь животом и коленями пола, требуется это колесо выкатить вперёд головы на вытянутые руки, а вслед за этим втянуть его под себя. Упражнение чрезвычайно сложное, и вначале, и только на коленях, требует долгих тренировок и сильных мышц. Многим, чтобы сделать это упражнение на полную выкладку и несколько раз подряд, потребуется, возможно, не один год занятий, в которых ни в коем случае нельзя торопиться, иначе можно вообще какой-то стать, разорвав мышцы брюшной полости. Лично я, года через полтора тренировок, стал делать это упражнение на полную выклад-

ку доведя его до двенадцати раз, что в общем то, в корне – не рекомендуется; да оно и лиш- нее. Максимальное количество раз должно быть не велико. Это прежде всего полезно для позвоночника, когда не перегружаешь его, и делать это упраж- нение следует всего два три раза, но регулярно. После того, как я каждое утро стал выполнять это упражнение: лет тридцать я понятия не имел, где нахо-

дится сам позвоночник, и, что он имеет способность ещё иногда и побали- вать. Но, однажды, в одно неудачное утро, я банально проспал, что ранее очень редко бывало, ибо у меня армейский режим, ещё начиная с восемна- дцати лет. В то утро времени на гимнастику у меня уже не оставалось.

Обычно в подобных случаях – как я уже сказал, за редким исключением – я, быстро, в течении нескольких минут выполнял силовые упражнения, после чего шёл в ванную комнату, чистил зубы, брился, а в конце залезал в ванну

под струю холодной водопроводной воды. Покатав колесо – не зная ещё на ту минуту, что я это делаю последний раз в своей жизни!.. Где-то около пятна- дцати раз я его тогда катнул, – с дуру, конечно!.. День прошёл, как и обычно: бодрость, сила в руках и ногах, отличное не только самочувствие, но и настроение. Вечером же, чёрт меня дёрнул, напариться в ванне!.. Если бы я

этого не сделал... хотя тому, вероятно, суждено было быть! Как после показал МРТ – позвоночного пятого диска-то уже и не существовало!.. а там, на том

месте, и грыжа ещё до десяти миллиметров была, так что рано или поздно всё равно бы выстрелила вся эта напасть. И все эти годы: лишь сильные и регулярно тренированные мышцы до поры до времени держали позвонки в нужном положении. И вот, когда я напарившись вылезал из ванны: утром перегруженные, а вечером распаренные мышцы расслабились и не выполнили свою прежнюю силовую функцию. В следствии чего в позвоночнике произошёл ружейный выстрел дуплетом... В то же мгновение у меня в глазах потемнело, и я еле до кровати дошкандылял: на карачках, по обезьяньи, ибо в доме я на тот момент был один... Как ещё из ванны успел вовремя вылезть, а то бы мог и утонуться...

И повезли меня после этого сыновья... – как того Иванушку-дурачка печка

по деревням и лесам всё возила, а меня на автомоиле «Фольцваген-поло» по городам и весям. Ну а раз повезли сыновья не на печке, а разложив сиденье в машине и вымопив подушки, то и комфорт был в портал иного измерения неопишимо, особенно учитывая те боли, которые я испытывал в дороге. Да как поехали мы по всяким знахарям, костоправам, мануальщикам и экстрасенсам,

а больше всего почему-то на нашем бесконечном и тернистом пути встречались обычные шарлатаны и жулики, которых как говна или гною в навозной куче: плодятся везде по стране, даже там, где и не подумаешь. Разу-

меется, задаром только кошки родятся, а с меня уйму денег содрали. На каждом новом месте, нас в очередной раз, как лохов разводили, а мы, лишь платя деньги, как будто бы их даром – на дороге нашли. Считай, дарили, и фамилий не спрашивали... Одно и то же, что на ту дорогу их выбросить, и не мало ведь, не менее 150-ти тысяч рублей развезли, как будто по церковным приходам. А пенсию-то, пенсию!.. – Хоть не вспоминай!.. Вспомнишь и жить не хочется: опять ведь невезуха! Деду Саше, назначили – за общий трудовой стаж – в сорок четыре года – «громадную», аж – 3970 рублей в месяц, что равнялось тогда, в 2010-м году, недельному прожиточному минимуму, – и кого

бы подумали?.. – бомжа на городской свалке или в подъезде многоквартирного дома. Получалось, что средне-статистический городской бомж, живя на

свалке или в подъезде, в четыре раза превышал меня по жизненному социальному уровню.

Но вернёмся к «специалистам» и к «потомственным знахарям». Где-то там, в пятом колене, а в третьем, если на пальцах ноги посчитать, то почти получается близкая родня: через дорогу на-вприсядки, той самой Евангелине Ванге и прочим, и прочим... Утверждали также, что через десятого деда уж точно,

ибо он был троюродным братом, где-то там на Полтавщине, о чём ещё Гоголь писал: и сватом заодно доводился, известному колдуну и магу, который сидел сейчас перед на-

ми, готовясь меня излечить. И как показали дальнейшие его действия, уже в последующие минуты его понесло. Оказывается, только ему одному и никому другому – ведуно там или знахарю, а то и известному экстрасенсу: по кумовству – Чумаку и его племяннику Кашпиров-

скому. Имен и фамилий – для истории – мы, на удивление, не запомнили, по причине запутанности и множественности этой «родни», да к тому же мне на тот момент было не до этого. Пусть хоть самому чёрту и демону поклоняются, а заодно и к сатане, как к родне, ходят в гости, лишь бы меня от болей избавили! Но, обещая скорое выздоровление – после стольких-то процедур – и говоря при этом, что, если, – упаси вас господь!.. – да вы согласитесь на операцию!.. Инвалидное кресло вам на все сто процентов обеспечено на веки вечные...

Но с каждым днём боли только усиливались и обезболивающие уже приходилось принимать всё чаще и чаще. Вскоре, обычные обезболивающие,

что продаются без специального рецепта, действовать перестали. Невролог

стал выписывать мне препараты на основе трамадола. Самым эффективным и щадящим был зарубежный аналог – «Золдиар». Дороговатый при моей пенсии: упаковка более чем в полторы тысячи рублей, но и он до конца боли не снимал, а от побочного действия, произошло увеличение печени, гастрит желудка и прочие отрицательные явления.

Ходить я почти перестал и выходов было только два. Первый – это лежать, продолжая мучиться: спя в сутки не

более часа и ожидая своего конца, от тех самых трампа- долов; и второй – это операция. Но учитывая, что я почти год сидел на сильно действующих обез- боливающих и тем са- мым угробил желудок и подорвал уже своё – не хилое до это- го случая – здоровье: надежда, на то, что всё пройдёт бла- гополучно, лично у меня, была призрачной. И, если честно сказать, я почти не верил и

старался не думать об этом, что вернусь живым из Крас- нодара. Потому,

прежде чем ехать туда, я нанял риелтора, заплатил ей два- дцать тысяч, чтобы она быстренько переделала всё имуще- ство на моих детей; имущество кото- рое на мне и которое было всё-таки не совсем маленьким. Что и выполнено было в короткий срок. Со спокойной душой, я отправился уми- рать в Красно- дар, зная, что теперь мои дети, ради которых я все эти годы жил и пахал без разгиба, не станут таскать- ся по судам, деля меж собой моё имущество и не окажутся в конце концов у разбитого корыта: ободранные до нитки ад- вока- тами и судьями...

Когда человеку долго на его пути встречаются одни толь- ко жулики и пара- зиты, со временем появляется большая вероятность, что может всё-таки, в конце концов, возьмёт, и погода изменится для твоей судьбы, и тебе повезёт хотя бы в чём-то. Вот так и у меня случилось, во что я уже почти

не верил.

Прежде всего повезло на нейрохирурга, который блестяще справился с моим позвоночником. Операция шла целых шесть с половиной часов. Удалив негодный позвоночный диск вместе с грыжей, выбросили в окно, пробежавшим мимо собакам. (*изволю, шутить*) Вместо него воткнули титановый диск, закрепили его металлической пластиной, на которой он держится: взяли в руки шуруповёрт, и чetyрьмя винтами присобачили к позвоночнику. Долговечно, прочно и надёжно: и диск к тому же вечный и хрен когда соржавеет: лет этак на пару тысяч вполне хватит. Всё это шутки, а вот на самом деле, ходить мне пришлось учиться заново. Но зато, я плотно засел за творчество написания книг...

Клиент не всегда бывает прав.

Как-то моя внучка, Вика, которая на тот момент училась в первом классе, додумалась, у меня спросить: «Дедушка, а кем ты ещё хочешь стать?..». А я у неё и спрашиваю, – в каком это смысле?

«Ну ты же до этого был строителем, а сейчас стал писателем, а потом... – кем ещё будешь?..».

Потом – говорю ей – скорее всего уже покойником, и отнесёте вы меня на кладбище, потому что за свою жизнь, я кем только не был и эта, если можно назвать писательство – специальностью, то у меня она последняя будет... Вот, слу-

шай, кем был твой дед. Ну, то что в школе учился об этом и так понятно,

потом служил в армии, к тому же и не один год, пока не сбежал. Шучу, конечно. Ушёл, написав рапорт, не обошлось, правда, без скандала, даже трибуналом грозили, что учили меня. Но потом всё-таки уволили. Иначе, по тем временам, из армии не уйдёшь. А мне на тот момент уже почему-то расхотелось дальше служить, хотя, говоря по правде, были тому основания, о которых я не хочу говорить, да и сама тема не для тебя, рано ещё. Далее последо-

вало времечко, когда я за тридцать лет смог построить, примерно, в пределах 150-ти, а то и более двухсот жилых частных домов, то есть – целую длинную улицу с обеих сторон... На этом наш с ней разговор был закончен.

Для остальных читателей я продолжу, а для особо интересующихся прошу это учесть – что всё то, о чём я сказал выше, построил я всего лишь вот этими

своими двумя руками и с одним подсобником. А если посчитать и все мелкие объекты: всякие кухоньки, гаражи, цоколя под дома, сараи, боксы и обкладка кирпичом старых хат, то получится – все триста объектов, а может, и больше. В редких случаях, когда приходилось строить большие особняки, подсобников было больше. Но для того, чтобы у меня появилась возможность и право их строить, попутно следовало где-то работать – на другой работе, чтобы

иметь на руках справку. СССР – начиная с её рождения

в 1922-м году – всегда была страной справок! Требовалось работать где-нибудь официально, иначе будешь признан тунеядцем, живущим на «нетрудовые» доходы, и могут в тюрьму посадить, но чаще отправляли на принудительные работы: годика на два – на стройку коммунизма. А тунеядцем – лично я был, примерно, вот таким. Рассказываю без всякой похвальбы, преувеличений, и как говорят, – без булды.

Сутки отпахал в степи, не вылезая с седла – пас отару овец в пять тысяч голов. Не сам конечно, а с напарником, и лошадь всего одна на двоих. Последующие двое суток посвящаются лично себе, когда требуется уже зарабатывать на семью деньги. Утром я сменился на «чабарне» или на полевом стане, а часиков в девять утра, я уже с мастерком в руках, стою на рештовке и кладу кирпичи. После целых суток общения с баранами, настроение и самочувствие не то, что не в дугу! но и похвалиться нечем... Уже много дней подряд над головой стоит антициклон – знойная погода. Жара – под-сорок!.. Как я уже сказал,

– стою на рештовке, (подмостях) спиной к проезжей части улицы и веду кирпичную кладку фасадной стены. На голове выгоревшая сатиновая кепка от

солнца, до пояса голый, и кожа не светлее, чем у негра из Сомали или с Анголы. Потел я очень редко, обычно, когда парит на дождь, а так всегда кожа сухая, только шкура на спине, поскрипывая, скворчит на жаре. Напротив, меня, за моей спиной – слышу, остановилась проезжающая легко-

вушка. Я не смотрю, не до этого, и продолжаю работать. Слышу, со стороны дороги, возглас: «Санёк!.. мать перемать!.. А я еду, смотрю, какой-то армян, новый кландий появился у нас в Кущёвке... И кладёт же ещё, как хорошо... А, это, оказывается, – ты!.. Вот, как загорел, что уже и от армяна не отличить!.. Ладно, поехал я, нахрен, а то тут у вас, как на сковороде... Слухай, як вы, в такую сякую мать, по такой жарюке работаете?! Я бы через час уже сдох... Бувайте, поеду до дому, до хаты, в холодок...». Вот это, читатель, и были – те самые мои «нетрудовые» доходы!.. Взял по весне – в первых числах апреля – мастерок в руки, вздохнул глубоко и радость в душе вспылала, что работа, наконец-то, привалила к тебе и в семье дырки заткнём; нагнулся и приступил с восторгом

и любовью к работе. Ведёшь это кладку: дни – будто водопад, не считая и не замечая, мелькают. Разогнулся, чтобы оглядеть окрестности и поясницу размять, а на голову уже белые мухи полетели. Когда промелькнуло лето: убей, – не пойму!.. – а за ним и осень?!.. а следом-то! и все три десятка лет?!.. Промелькнуло времечко с мастерком в руках, что даже не видел и не успел заме-

тить, как и все четверо моих детей стали взрослыми. Работа – убивает время!.. Это аксиома, о которой многие знают, но, правда, те, кто вплотную знаком с настоящей работой. Но опять же – только лишь в том случае, если она плодотворная, творческая и, разумеется, хорошо оплачивае-

мая, в противном слу-

чае – это будет уже каторга, на которой день годом покажется. Ибо, когда труд твой бесплатный, тем более, если к тому же ещё и работа бестолковая, тогда вообще пиши, – пропало! Работа, как таковая, ко всему прочему ещё и даёт человеку полное удовлетворение жизнью. Это, что касается строитель- ства, а вот насчёт своих книг, которые я написал... Я вовсе не обольщаюсь, насчёт популярности своих произведений, пишу сейчас, совсем не преследуя иных целей, как только ради своего удовольствия, для своих внуков и буду-

щих правнуков. Примерно, так я и на стройке работал, ибо работать только за деньги – это уже сушая каторга. В самом начале своей строительной «карь- еры»: именно ради этих самых денег, я первое время и работал. На тот мо- мент не было у меня, как говорят: ни кола, ни двора, ни жилья, ни лишней ко- пейки за душой, как и толковой одежды-прики- да, а о каких-то там – библио- теках, а тем более машинах, даже мечтать боязно было. А тут ещё и дети

стали появляться на свет. Надо было срочно искать вы- ход из кризиса финан- совой безнадёги. А где его найдёшь?.. На дороге такие вещи не валяются и для начала требовалось иметь хотя бы какую-нибудь ходовую специальность. Как я «старательно и прилежно» учился целых два года в строи- тельном учи- лице, об этом я правдиво и красочно расска- зал, описывая этот отрезок своей жизни в романе «Не поте-

рять себя». И если, кто-то из вас всё-таки его прочитал, то, вероятно, сделал для себя вывод: что за два года – меня там, так и не

смогли чему-нибудь толковому научить. Правда, после уже, когда ушёл из армии, поступил заочно учиться в сельскохозяйственный техникум, в городе

Анапа. Учился на отделении – сельскохозяйственное и гражданское строительство, но где-то на середине обучения, требовалось на семью деньги зарабатывать и к тому же, надоело на сессии ездить: бросил к едрёной фене, так и не дотянув до финала; и после, так ни разу не пожалев об этом...

Поначалу, как я уже сказал, работал за деньги. Гнал без передыху и не моргая глазом – кирпич за кирпичом, ряд за рядом, а там уже и стенка другую

подпирает стенку, и вот она уже готова, а за ними и весь дом. Качество кладки явно хромало – сам это видел – но, так как брал за работу не дорого, клиент радовался и хвалил; говорил с восторгом, а может и врал, что ему очень нравится и лучше не бывает. Но, я-то не дурак! – было с чем сравнивать: свою работу с чужой. Уходишь с тяжёлым таким осадком на душе,

словно сам себя обидел или обосрался... Извиняюсь, за вульгарность, но на

самом-то деле – чувство не выбросишь за спину, уходя с объекта, когда тошно на душе и где напортачил. И деньги,

лежащие в кармане, как таковые не со- всем при этом радовали. К тому же, каждый раз приходил уставший, как дворовый кобель после собачьей свадьбы. Тогда я подумал, – так дело дальше не пойдёт, и надолго меня не хватит. Сбавил обороты, нажав на тормоза, и уделил внимание качеству работы. Когда достиг того мастерства, по тем временам и учитывая качество самого кирпича, из которого только перегородки

было класть, поднял расценки за работу; меньше стал уставать, и в душе получать удовольствие от конечного результата работы.

Работать мастерком я научился, без всякой на то похвалы: виртуозно, как и кнутом сбивать по лепестку, сидя в седле на лошади. И сравнить это можно, разве что с теми ковбоями, которых мы любили смотреть в моей далёкой молодости на экранах кинотеатров ещё в конце шестидесятых и начала семидесятых годов. Когда, где-то посреди Большого каньона, штата Колорадо, коварный, как гремучая змея кобра, Акула Додсон, по прикиду, вроде бы какает под профессию – ковбоя, а хобби у него – разбойник и убийца. С молниеносной скоростью, выдернув кольт из кобуры, он, вначале, как крылья ветряной мельницы вращал его на одном своём пальце, а в последующую секунду, уже серией – «пах-пах-пах...», без промаха убивал кучу индейцев, а то и шерифа заодно с его шоблом. Однажды, говорят, пришел своего друга-подельника, после того, как ограбили они

почтовый поезд, завладев при этом кучей денег, а после другу сказал: что Боливар двоих не вывезет. После чего, пришлось, и друга прикончить. Вместо почтовых поездов и Боливаров, лично я – продолжал класть кирпичи, и в суеверия не верил. Не ведая о том, который дом уже идёт по счёту, ну и попутно тренировался с мастерком, как Акула с наганом... Когда пас баранов, как я уже сказал, тренировался ба- тогом, сбивая по одному лепестку на полевой ромашке: любит, не любит... На-спор, мог по- ложить спичку на табуретку, чтобы лишь головка её свисала, после отходил метров на семь и с одного удара попадал кнутом по спичечной головке. На

стройке же, обычно я вёл кирпичную кладку – не торопясь и для души. Од-

нако выпадали и были случаи, когда кто-то: то ли совсем посторонний, к при- меру – сосед, или сам хозяин-заказчик умащивался где-нибудь за моею спи- ной и начинал наблю- дать, как я работаю. В такие минуты в меня вселялся

бес, а вместе с ним и нечистая сила, а если в это время я клал к тому же ещё и длинную стенку или перегородку, да ещё и в пол кирпича... Мне почему-то хотелось пока- зать любопытному – мастер класс: как нужно и как умеют рабо- тать настоящие каменщики. Немного сконцентриро- вавшись, внутри собрав- шись – волю в кулак – но в общей своей, физически составляющей, требуется немного рассла- биться – это, как на спортивных соревнованиях, а что касает-

ся меня, то сравниваю, перед марш-броском: в полном боевом и на шесть кило- метров, по пересечённой и заражённой местности, и в противогазе. Движе- ния должны быть под- контрольны сознанию, ничего лишнего и всё в отрабо- танном ритме, иначе в норматив не уложишься. Набрал темп, начинаю пред- ставление кладки кирпича. Прежде, чем на- гнуться и мастерком зачерпнуть точный и давно уже выве- ренный объём раствора, на указательном пальце

правой руки крутнул мастерок, как Акула Додсон крутил свой кольт. Зачерп- нув порцию раствора, в мгновение ока, в секунду, словно ленточку, расстелил его по версте кладки *(версты в кирпичной кладке – это количество рядов в одном ряду на толщину стены. Их может быть от одной версты, если стена в пол кирпича, а чаще две, три или четыре, если стена в два кир- пича)*

Расправив раствор, молниеносно подрезал его острым носиком мастерка; нагнувшись взял левой рукой кирпич и то- же крутнул его в воздухе, чтобы он повертевшись перед мо- ей мордой, оказался в руке лицевой своей стороной наружу, а тот раствор, что я подрезал, с ювелирной точностью набро- сил на тычок кирпича, и мгновенно его положил под шнур, всего один два раза при- стукнув, подрезал раствор...

Вы читали, а я писал этот процесс кирпичной кладки в де- сятки раз дольше, чем занимало на самом деле его действие. Сидящий в стороне наблюдатель, о котором уже было заяв-

лено выше, спустя время, мне говорил: «Санёк, твою дивизию мать!.. вот уже, наверное, скоро час, как я наблюдаю за твоими ру-ками и как ты работаешь... В глазах у меня всё мельтешит: твой мастерок и

кирпичи мелькают, а уследить, как ты их кладёшь, не могу, хоть убей!.. Где ты так научился их класть?..».

– Жить захочешь, – говорю, – по-человечески жить, или около этого, – всему научишься, даже тому, чего ранее за собой не замечал и не подозревал... Ко-

гда-то, ещё в годы своей юности, я два года учился на каменщика-монтаж-ника железобетонных конструкций и все эти два года я всем громогласно за-рекался, что в жизнь никогда не буду работать на стройке... А вышло, как видишь, всё наоборот...

Нет, были и иные отзывы, но это обычно были люди недалёкие в области созидательного, тем более физического труда. Личности, которые относятся чаще всего к жлобам или переучившиеся в высших учебных заведениях – типы, у которых на этой почве выработался иммунитет ко всему творческому и стоящему, на что поглядеть не стыдно. К тому же, на роже у такого дятла-деляги всегда был написан волчий оскал и стойкая аллергия к подобным лю-дям, как я... Ибо, находясь на определённой должности, ворую у государства,

а значит, и у самого народа: всё кругом для него бесплатно, а тут – ну, никак в его гнилом нутре не укладывается, что какому-то захудалому и никчёмному

«каменюшнику», почти что недочеловеку, и придётся платить такие большущие деньжищи!.. Хотя порой, эти самые – «деньжищи» – копейки ведь для

«Оно», по сравнению с тем баблом, что каждый день «Оно» умудряется – и ума же на это у него хватает, за совесть уже помолчим – воровать. Но гнилая его душонка не желает, даже и с этим мириться. Бубнит по ночам, лёжа рядом с женой на кровати:

«...Хоть до прокурора иди, да ищи на этого, кладея-каменюшника, управу!.. Ведь явный тунеядец!.. И живёт, сволочная антисоветчина, на нетрудовые доходы... Кладёт кирпичи, обдирая народ!.. Надо в райком сигнал на него дать, чего они с ним нянчатся!.. Пусть возьмут его за жопу!..». Выплеснул не только горечь жене, но и продолжая думать об этом, на следующий день, из-под

лобья глянув недобро на «каменюшника», из-за которого почти ночь не спал, и пройдя к куче песка, нагнулся и взял в руки кусок доски, чтобы под задницу себе подмостить. При этом подумал: что иначе летом простудишь, и от этого может случиться ранняя – «простатита», а следом и импотенция, пожалуй, может, прийти... Возьмёт, и прибредёт невзначайно. *(Хотя он уже и так им-потент.)*

Кусок доски «Оно» долго рассматривало со всех сторон, опасаясь от неё какого-нибудь каверзного подвоха: хоть и задница большая – как у порядочной бабы, а вдруг, где-то незаметно гвоздь в ней торчит, тогда и до импотенции

вряд ли дотянешь, без надобности она явится, подлая!.. Доску «Оно» поло-

жило на кучу песка и уселось. Долго молчало, переваривая в душе «несправедливость», что придётся этому «тунелю» за работу «деньжищи» со дня на

день платить. Дом-то уже больше чем до половины готов. С подленькой ухмылкой наблюдая, как я кладу кирпичи, какое-то время продолжало мол-

чать. Наконец, видимо, в его головной «заумной» коробке созрели какие-то мыслишки, но скорее всего: в мелкой и ничтожной душонке, грудная жаба

жадности стала ещё сильнее душить, опять червячок подначивал, что совсем недалёк тот день, когда всё-таки придётся, расплачиваться за работу...

– И чё там такого сложного!.. – сказала «Оно», с пренебрежением в голосе и кривя свой похабный рот, продолжило: – Кирпич на кирпич, гони бабка магарыч, я бы и сам так склав!.. Да и кирпича сюда меньше пойдёт, чем планировали, и в цене договаривались... Когда дом доложишь, – сказала дальше

«Оно», – пересчитаем кирпич, то и будет цена...

– Так в чём же дело?! – сказал я, бросая мастерок, как штык в землю, в ведро с раствором, ибо в душе появилась ненависть к этому чинодралу, а

следом непреодолимое и огромное желание: бросить нахрен всё и уйти подальше от этой гниды.

– Ещё не поздно, – говорю, глядя ему в глаза, – флаг тебе в руки и вперёд на баррикаду!.. а мне и без твоего дома работы хватает – очередь, до зимы не управиться... А, то, что я уже сложил, дарю!.. детишкам на молочишко, а то, не дай бог, ещё разоришься совсем... Коля!.. – кричу своему подсобнику, —

сколько там у нас раствору осталось?..

– Пару вёдер, а чё? – отвечает, спрашивая, подсобник.

– И у меня пол ведра. Забирай и выбрасывай его нахрен под стенку, на от- мостку, собирай инструмент и сваливаем!

Направляясь к машине, в спину слышу голос:

– Да чего ты взъерепенился?!.. и пошутить уже нельзя...

Продолжайте рабо- тать...

Я оборачиваюсь и говорю:

– Шутить будешь со своими подчинёнными!.. Пусть они тебе и дом достраивают, по осени буду мимо проезжать, одним глазком гляну, что из этого вы- шло... *(В-те времена, в Кущёвке, было незыблемое правило и его неукоснительно выполняли все каменщики-профессионалы. Брошенный дом ни за какие деньги никто не брался достраивать. В одном только случае – это по просьбе самого каменщика, если ему, какие-то непредвиденные причины, не позволяют самому достроить дом.)*

Уже в машине, Коля, подсобник, сказал:

– Санёк, много же уже сложили, как-то жалко...

– Не переживай, Колян, за отработанные дни я тебе

со своих заплачу, а этих,

козлов, хотя бы изредка проучивать надо. Да к тому же, достроив дом, он нам пока отдаст те деньги, крови немало попьёт!.. Это я наперёд знаю. Завтра поедем другой объект начинать...

В тот раз другой объект начинать раньше времени не пришлось. Вечером

приехало «Оно», прямо ко мне ко двору, и всё-таки уговорило закончить дом под крышу... Заплатив при этом деньги вперёд.

Не нудно, читатель?.. Если нет, расскажем ещё пару тройку сюжетов.

Кстати, для справки: лично я – с власть предержащими – разговаривал на равных и не пресмыкался, как последний холуй перед ними, а когда кто-либо из них начинал права качать, я отвечал: «Будешь у себя на работе подчинёнными командовать, а здесь объект, за который я отвечаю, а для твоего кругозора, хочу внести кое-какую ясность. К примеру, лично ты, думаешь, что этот дом – твой! – который я сейчас тебе строю. Ты, заблуждаясь, глубоко ошибаешься. Доказать?.. Пожалуйста!.. Во-первых, у тебя этот дом могут, нехрен дельать, конфисковать, что нередко бывает в последнее время, – это раз! Может так случиться, что ты его подаришь кому-то или продашь, а то и в карты проиграешь, после чего он пойдёт по рукам, как та испорченная подлым мужиком девка, и за его долгую жизнь – этого дома – здесь

хозяев может десятки

смениться. Но, он всегда будет оставаться моим!.. даже, когда меня не будет уже на этом свете!.. Потому что я его построил!.. В каждой уложенной мною кирпичине, я оставил частичку себя и своей души, и тебе этого не понять! Для меня ты – клиент-заказчик, как и все остальные, будь ты хоть министром обороны... Не нравится, могу хоть сейчас, сию минуту, собрать инструмент в

сумку, ноги в руки, и гуляй с кем хочешь свой сабантуй, если ещё удастся достроить, а то придётся твоим подчинённым его и докладывать, но уже с божьей помощью...». Монолог мой всегда обычно срабатывал, и «Оно» утягивало свой язык... – в общем не совсем, куда надо...

Не лебезил я перед ними, как некоторые, не пресмыкался и для меня его высокая должность была, что мёртвому припарка или банный лист до места. Ибо я знал наперёд, что в его подчинении, работать мне никогда не придётся. Людей я привык ценить не по статусу его высокого ранга, а за умственные и душевные его качества, как и за профессионализм в каком-то деле.

Так, по крайней мере, когда-то меня учили бывшие фронтовики: вначале в школе, а после в армии, и глубоко в душе я всегда оставался военным. Балаболами, к великому нашему сожалению, ими у нас вся правящая верхушка

страны пестрит и ещё несколько этажей вниз, а результат тому – вечный бардак в стране, вечная разруха и отсталость

развития от цивилизованных стран.

На-словах они носятся, как дурень со ступой, со своими утопическими идеями, вешая лапшу на уши доверчивому народу, а на деле – они: мерзкие стяжатели, казнокрады, то есть – обычные воры, но – при законе! Не путать – с ворами в законе, до которых им далеко, как глухонемому до песен. Ибо последние не скрывают, что он вор в законе, а даже гордятся этим и признают это в открытую. А вот, казнокрады, святых из себя корчат. Во всей его каби-

нетно-чиновничьей угловатой фигуре – в костюме и при галстукe – выпячивает необразованность, некомпетентность и полное отсутствие профессионализма в своей сфере руководства, как и в отдельно взятом вопросе. Чуть ниже, на

примерах, я вам это докажу. На первом плане – у них на уме – не какая-то там экономика и социальный жизненный уровень простых работяг, или хотя бы: как-нибудь построить, или «отрыгать» подобие тротуара, чтобы детишки в школу по нему ходили, а не по дороге, по проезжей части, где несутся машины. Не-ет, им не до тротуаров, если они его и будут строить, то только для себя, а чаще там, где и дети-то редко ходят, деньги надо отмыть. Тут – как бы

самому удержаться в этом кресле, а то и повыше вскарабкаться; пускать пыль в глаза и очковтирательством заниматься, и показуху вовремя поддерживать, основанную на вранье и дутых показателях, как и выпендрёж перед такими же, но только вышестоящими начальниками, – это фишка и выс-

ший пилотаж их работы. Потому лично у меня к ним не только не было никогда уважения, а с каждым годом нарастала ненависть за тот бардак, что творился вокруг.

В канун Нового 2021-го года на канале «Россия-24» несколько дней подряд вели репортажи всяких разоблачений по теме катастрофической вырубке

леса в стране и заведение Уголовных дел на высокопоставленных чиновников, которые погрязли в воровстве и взяточничестве. Там приводились примеры из прошлых разоблачений и чем это для – нувориш – закончилось.

Лучше бы молчали уже, и не злили народ, чем рассказывать подобное, за

что, к примеру, в том же Китае, вывели бы на стадион и прилюдно, разов десять подряд, расстреляли. А у нас, чинуша-казнокрад и взяточник, украл у государства всего навсего миллиард рублей, а сколько спрятал по зарубежным банкам, одному богу известно. И что бы вы думали?.. Получил всего-то

несчастных четыре с половиной года, и то – условно!.. Будто пальчиком ему погрозили, сказав, чтобы больше он так не делал. В дополнение к условному сроку, приговор обязывал, этого чинодрала, выплатить государству 75-ть миллионов рублей, которые, скорее всего, он уже им отдал, ибо, лишившись должности, на обычной работе – и козлу понятно, – что подобную сумму не

выплатить ему и за тысячу лет, если даже всей роднёй бу-

дут работать на это...

Кто ж себя посадит?!.. Он же памятник!.. А тот, который должен и обязан его посадить, сам не лучше его, а то и во сто крат преступней, ибо на страже закона стоит и исполняет его.

В один из супермаркетов зашёл молодой человек: двадцати двух лет и одетый не бедно. Он долго ходил между стеллажами прилавков, вероятно, тем самым и привлёк внимание охранников, которые следят за видеонаблюдением, что в дальнейшем и погубило парня. Ходил он, ходил, но потом-таки на короткое время остановился в отделе алкогольной продукции. Взял с

полки импортный коньяк, упакованный в красочную металлическую коробку, и быстрыми движениями рук вскрыл её, вынув оттуда ту самую злосчастную бутылку французского коньяка, стоимостью в четыре с половиной тысячи рублей, запихнул её себе под куртку, за брючный ремень. После чего, закрыв

плотно коробку, поставил её на место. Что побудило парня на этот поступок, нам доподлинно неизвестно. Возможно, он хотел перед своими товарищами блеснуть сим коньяком, или со своей девушкой приятно вечер провести: за рюмкой коньяка и с шоколадкой, кто его знает. Но суд на всё это ложил большую кучу дерьма, и посмотрел на эпизод со своей колокольни: кто-то же должен в тюрьмах российских сидеть, коль чиновникам там категорически

нельзя и не-можно. Парню дали три года общего режима!.. В первом случае – там, чинодрал, миллиард у государства украл – то ерунда! Поделится, как-то. Здесь – всего-то!.. какая-то несчастная пол-литра бормотухи, и за неё три года тюрьмы!..

Небезызвестный вам «герой», из сериала «Бандитский Петербург», автори-тетный товарищ, под кличкой Антибиотик, выходит правду матку там гово-рит: «...Можно, Серёжа, украсть велосипед, и всё здоровье в тюрьме оста-вить, а можно, воровать вагонами и эшелонами, и при этом припеваючи

жить...». Страну угробил не сам Горбачёв, хотя его и уда-вить мало, а с подачи, вот как раз таких «поддувал», кото-рым место под шконкой, а лучше у параша

– секретарей всяких, начиная с верхушки ЦК и Полит-бюро, секретарей край-комов, обкомов и райкомов... и так до самого низу – партторгов и всяких ша-вок партийных, сек-сотов. Когда рухнула вся эта «не загнивающая», неповто-ри-мая и вечно живая ленинская партия, угробившая за семь десятилетий, как раз те самые семьдесят, а то и все сто мил-лионов народу, отправив их на тот свет, за здорово живёшь. Это они и так долго продержались у власти, из-за

покорности и глупости большей части народов в России. В другой бы стране враз бы смели и следа бы не осталось. Чувствуя это, потому и уничтожали народ, более чем по мил-лиону в год, – не так уж и много. Но так не могло

продолжаться вечно, а результат – как карточный домик, рассыпалось всё в прах. А, где же вы были, коммунисты?!.. Вы!.. – вшивый авангард и «железо- бетонный» фундамент ленинизма?!.. Вы не стоите даже того паршивого гро- шика, на том самом базаре... И войну не вы выиграли, а лишь к По- беде при- мазались. Вам бы усратья, и в первый год войны вы это ярко и через край

показали, пока сам народ не понял, что надо спасать не вас – а своё потом- ство и свою землю родную! После чего закатав рукава, и не жалея жизней

своих, сделал то, что делал он веками... Так что, сопли утрите, – «партия – наш рулевой!..».

Да никуда они в общем-то не делись, а всё там и здесь, на тех же злочных местах сидят и страну обдирают до нитки, вместе с её населением. Тому есть масса примеров из сего- дняшней жизни. Но, бог им судья, а мы спустимся на низ, к простому народу, где вроде бы и тупая покорность, но всё- таки мир не без добрых людей и самыми приятными – за все три десятка лет, клиентами- застройщиками, были у меня – это простые работяги, которые расплачиваясь со мной за по- строенный дом, часто отдавая последние деньги, и не призва- вались мне в этом, хотя я это всем нутром своим чув- ствовал. Но при этом, в конце строительства дома, ещё и на- крывали почти свадебный стол, и со всей открытой душой, в дальнейшем, оставались со мной в дружеских отноше- ниях. Я вам ещё больше скажу, хотя не каждый это поймёт

и тем более в это поверит. Читатель, прошу, сконцентрируй внимание!

Даже непосильным трудом заработанные деньги, беря их из рук заказ-

чика, я всегда чувствовал тяжесть в душе, и радости собой ни разу при этом я не испытывал!.. На душе осадок после остаётся, как будто незаслуженно деньги я взял и тем самым обидел человека. А вот радостно на душе и на

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.